

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
"Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова"

Научный журнал

Издаётся с 2001 года

(до 1 января 2012 года – "Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки")

Выходит 6 раз в год

ВЕСТНИК

СЕВЕРНОГО (АРКТИЧЕСКОГО)
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-47126
выдано 11 ноября 2011 года
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Подписной индекс журнала – 38555

Главный редактор **В.И. Голдин**

Редакционный совет:

И. Брок (Норвегия),
А.В. Головнёв,
Д.С. Дюррант (Канада),
А.Л. Кудрин,
В.А. Садовничий

Редакционная коллегия:

Л.В. Баева, Л.И. Богданова, С.В. Борисов,
В.Н. Гончаров, И.В. Дёмин,
Т.Ю. Загрязкина, Н.А. Илюхина,
Д. Кемпер (Германия),
А.В. Колмогорова, Н.И. Коновалова,
А.Г. Лошаков, А.А. Мёдова,
Й.П. Нильсен (Норвегия),
М.Ю. Опенков, А.В. Петров, Р.Г. Пихоя,
Ю.В. Попков, А.М. Прилуцкий,
А.В. Репневский, К.Я. Сигал,
Б.Г. Соколов,
Ф.Х. Соколова (зам. гл. редактора),
Н.М. Терехин,
И.В. Кузнецова (отв. секретарь),
П.В. Фёдоров,
М. Фрейм (Великобритания),
Л. Хейнинен (Финляндия),
К. Хин (Норвегия),
О.С. Чеснокова, А.В. Чуудинов,
А.Е. Шапаров, Л.Ю. Щипицина

СЕРИЯ
"Гуманитарные и социальные науки"

Т. 23,
№ 5 / 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

- Осипов Н.А.** Сравнительный анализ политики украинизации в 1920–1930-е годы на территории юго-восточных округов УССР и Кубанского округа Северо-Кавказского края РСФСР... 5
- Чунин П.А.** Политика раскулачивания рыболовецких и оленеводческих хозяйств в Мурманском округе Ленинградской области в 1930-е годы..... 16

ЛИНГВИСТИКА

- Архипова И.В.** Семантический потенциал немецких девербативов сквозь призму таксиса..... 25
- Мальцева Л.Г.** Нормативно-стилистическая характеристика фразеологических единиц в учебной лексикографии (на материале немецкого и русского языков)..... 34
- Василенко А.П., Коренькова С.А.** Семантика акциональности в аспектах этнополитического пространства (на примере устойчивых оборотов русского и английского языков)..... 45
- Филиппов А.К.** Балтийские заимствования в *Stratagema Oeconomicum* С. Губерта и их лексические эквиваленты..... 56
- Родина Н.А.** Полевой подход в рассмотрении ономастического фрагмента языковой личности военнослужащего..... 66
- Белошицкая Н.Н.** Специфика драматургической тональности дискурса (на примере новостного корпоративного дискурса)... 76

ФИЛОСОФИЯ

- Новиков Н.С.** Катастрофическое сознание: краткий обзор проблемы..... 85
- Иваненко А.И.** Герменевтика труда..... 95

СОДЕРЖАНИЕ

Редактор
М.Г. Аверина

Ведущий редактор
А.В. Крюкова

Переводчик
С.В. Бирюкова

Документовед
Е.В. Орёл

Верстка
О.В. Деревцовой

Мартин Э. Антиантропологизм в современной западной философии.....	104
Макулин А.В., Казиев Н.Р. Феноменология братства и побратимства: от парадипломатии к цифровым двойникам городов.....	114
Крайнов А.Л. Homo Digitalis как продукт цифровизации.....	122
Шпека К.А. Прогресс во всемирной истории. Так был ли мальчик?..	130
Наши рецензенты.....	141
К сведению авторов.....	143

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Адрес издателя:
163002, г. Архангельск, наб. Сев. Двины, д. 17
Тел.: +7 (8182) 21-61-99
E-mail: public@narfu.ru

Адрес редакции:
163002, г. Архангельск, наб. Сев. Двины, д. 17,
ауд. 1336
Тел.: +7 (8182) 21-61-21
E-mail: vestnik_gum@narfu.ru;
vestnik@narfu.ru

Выход в свет 30.10.2023.
Бумага писчая. Формат 84×108 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 14,91. Уч.-изд. л. 13,32.
Тираж 1000 экз. Заказ № 8449.

Адрес типографии:
Издательский дом имени В.Н. Булатова САФУ
163060, г. Архангельск, ул. Урицкого, д. 56

Свободная цена

© САФУ имени М.В. Ломоносова, 2023

Founder and publisher: Federal State Autonomous Educational Institution
of Higher Education "Northern (Arctic) Federal University
named after M.V. Lomonosov"

Scientific journal

Published since 2001

(Until January 1, 2012 – Vestnik of Pomor University. Series: Humanitarian and Social Sciences)

Issued bi-monthly

VESTNIK

OF NORTHERN (ARCTIC) FEDERAL
UNIVERSITY

Registration certificate
PI no. FS77-47126
issued on November 11, 2011
by the Federal Service for Supervision
in the Sphere of Communications,
Information Technology and Mass Communications
(Roskomnadzor)

Subscriptional index of the journal – 38555

Editor in Chief **V.I. Goldin**

Editorial Council:

I. Broch (Norway),
A.V. Golovnev,
J.S. Durrant (Canada),
A.L. Kudrin,
V.A. Sadovnichy

Editorial Board:

L.V. Baeva, L.I. Bogdanova, S.V. Borisov,
V.N. Goncharov, I.V. Demin,
T.Yu. Zagryazkina, N.A. Ilyukhina,
D. Kemper (Germany),
A.V. Kolmogorova, N.I. Konovalova,
A.G. Loshakov, A.A. Medova,
J.P. Nielsen (Norway),
M.Yu. Openkov, A.V. Petrov,
R.G. Pikhoya, Yu.V. Popkov,
A.M. Prilutsky, A.V. Repnevsky,
K.Ya. Sigal, B.G. Sokolov,
F.Kh. Sokolova (Deputy Editor in Chief),
N.M. Terebikhin,
I.V. Kuznetsova (Executive Secretary),
P. V. Fedorov, M. Frame (UK),
L. Heininen (Finland),
K. Heen (Norway),
O.S. Chesnokova,
A.V. Chudinov, A.E. Shaparov,
L.Yu. Shchipitsina

SERIES
"Humanitarian and Social Sciences"

Vol. 23,
No. 5 / 2023

CONTENTS

HISTORY

- Osipov N.A.** Comparative Analysis of the Policy of Ukrainization in the 1920s – 1930s in the South-Eastern Areas of the Ukrainian SSR and in the Kuban Area of the North Caucasus Territory of the RSFSR..... 5
- Chunin P.A.** Dekulakization of Fisheries and Reindeer Farms in the Murmansk Area of the Leningrad Region in the 1930s..... 16

LINGUISTICS

- Arkhipova I.V.** Semantic Potential of German Deverbatives Through the Prism of Taxis..... 25
- Mal'tseva L.G.** Normative and Stylistic Characteristics of Phraseological Units in Learner's Lexicography (Based on the German and Russian Languages)..... 34
- Vasilenko A.P., Koren'kova S.A.** The Semantics of Actionality in the Ethnopolitical Context (Exemplified by Russian and English Set Phrases)..... 45
- Filippov A.K.** Baltic Borrowings in S. Gubert's *Stratagema Oeconomicum* and Their Lexical Equivalents..... 56
- Rodina N.A.** Field Approach to Studying the Onomastic Component of the Linguistic Personality of a Serviceman..... 66
- Beloshitskaya N.N.** Specific Features of the Dramaturgic Tonality of Discourse (the Case of Corporate News Discourse)..... 76

PHILOSOPHY

- Novikov N.S.** Catastrophic Consciousness: A Brief Overview of the Problem..... 85
- Ivanenko A.I.** The Hermeneutics of Labour..... 95

CONTENTS

<i>Editor</i> M.G. Averina	Martin E. Anti-Anthropologism in Contemporary Western Philosophy..... 104
<i>Managing Editor</i> A.V. Kryukova	Makulin A.V., Kaziev N.R. The Phenomenology of Brotherhood and Town Twinning: From Paradiplomacy to Digital Twin Cities... 114
<i>Translator</i> S.V. Biryukova	Kraynov A.L. Digital Human Being as a Product of Digitalization..... 122
<i>Document Manager</i> E.V. Orel	Shpeka K.A. Progress in World History. Has It Ever Really Happened? 130
<i>Make-up by</i> O.V. Derevtsova	Our Peer-Reviewers..... 141
	Information for Authors..... 143

The journal is included by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in the list of Russian reviewed scientific journals, in which major scientific results of theses for academic degrees of doctor and candidate of science have to be published

Publisher's address:
nab. Severnoy Dviny 17,
Arkhangelsk, 163002
Phone: +7 (8182) 21-61-99
E-mail: public@narfu.ru

Editorial office address:
nab. Severnoy Dviny 17, room 1336,
Arkhangelsk, 163002
Phone: +7 (8182) 21-61-21
E-mail: vestnik_gum@narfu.ru;
vestnik@narfu.ru

Publication date 30.10.2023.
Writing paper. Format 84x108 1/16.
Conv. printer's sh. 14,91
Acad. publ. sh. 13,32.
Circulation 1000 copies. Order no. 8449.

Printer's address:
NArFU Publishing House named after V.N. Bulatov
ul. Uritskogo 56, Arkhangelsk, 163060

Free price

© NArFU named after M.V. Lomonosov, 2023

ОСИПОВ Никита Александрович, аспирант
кафедры истории России Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина.
Автор 14 научных публикаций*
ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-1020-7542>

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОЛИТИКИ УКРАИНИЗАЦИИ В 1920–1930-е годы НА ТЕРРИТОРИИ ЮГО-ВОСТОЧНЫХ ОКРУГОВ УССР И КУБАНСКОГО ОКРУГА СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО КРАЯ РСФСР

Национальная политика 1920–1930-х годов, реализуемая в Украинской Советской Социалистической Республике (УССР), привела к важнейшим изменениям в области культуры и просвещения. Однако данная политика не всегда сопровождалась успехами на территории УССР и некоторых регионов Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР), где также проводилась. Примером могут служить юго-восточные округа УССР и Кубанский округ Северо-Кавказского края РСФСР. В связи с этим целью научного исследования является сравнительный анализ содержания, направлений и результатов политики украинизации в юго-восточных округах УССР и Кубанском округе Северо-Кавказского края РСФСР. В ходе работы была изучена историография политики украинизации в целом: статьи, монографии современных российских и украинских ученых, а также периодическая печать УССР за 1925–1933 годы. На основе полученных данных сделан вывод, что, несмотря на высокие темпы украинизации и значительные успехи в области данной политики, в указанных регионах фактически она проводилась путем административного давления, что вызывало негативное отношение к подобного рода этно-культурным преобразованиям на местах, в частности в некоторых округах Юго-Востока УССР, а также в Кубанском округе Северо-Кавказского края РСФСР, в котором население по своему языку и самосознанию сильно отличалось от украинского этноса. В Кубанском округе ни местное население, ни местные власти не были заинтересованы в данной политике, поэтому темпы украинизации оставались низкими, а механизмы ее проведения не имели достаточной эффективности даже по сравнению с Юго-Востоком УССР, что в результате способствовало окончательному вхождению населения Юга РСФСР в состав российской нации.

Ключевые слова: украинизация, национальная политика, Одесса, Северо-Кавказский край, сельское население, городское население.

---

*Адрес: 196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское ш., д. 10; e-mail: osipov090996@mail.ru

Для цитирования: Осипов Н.А. Сравнительный анализ политики украинизации в 1920–1930-е годы на территории юго-восточных округов УССР и Кубанского округа Северо-Кавказского края РСФСР // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 5. С. 5–15. DOI: 10.37482/2687-1505-V291

Зачастую приходится наблюдать, как в современной геополитической обстановке национальная политика проводится без учета интересов населения, проживающего на территории, которая входит в зону различных этнокультурных преобразований. В связи с этим считаем целесообразным показать, как осуществлялась национальная политика в истории прошлого столетия нашей государственности. Одним из таких примеров является политика коренизации, обладавшая как положительными сторонами, так и недостатками в определенных ее направлениях.

В 1920-е годы в Советском Союзе была разработана и воплощалась на практике новая национальная политика, которая реализовывалась в отношении различных коренных народов, а также этнических меньшинств. Данная политика была направлена на усиление их позиций в политической и культурной сферах на той или иной территории. Одним из ее проявлений стало образование национальных административно-территориальных единиц.

Украинизация 1920–1930-х годов на территории УССР и некоторых регионов РСФСР в рамках национального строительства Союза Советских Социалистических Республик (СССР) выражалась в продвижении и внедрении элементов украинского языка и культуры в различные сферы жизни общества. Это привело к своего рода «культурной революции» в области использования языка в государственных учреждениях, учреждениях просвещения и культуры, что сказалось на постсоветском будущем Украины. Однако не во всех регионах такая политика нашла отклик. Примером может служить территория исторического региона Новороссия, которая, как и Северо-Западный Кавказ, была присоединена к России в конце XVIII века. Оба региона являлись по своей сути мультикультурными, в особенности на момент начала XX века. В рамках этого исследования возникает следующий вопрос: «Целесообразно ли было проводить политику внедрения украинского языка в тех регионах, где славянское население нельзя однозначно отнести к укра-

инскому этносу, который также не является большинством на территории, попавшей в “зону” проведения политики украинизации?».

Отсутствие ответа на данный вопрос позволяет говорить об актуальности исследуемой темы. Для ее раскрытия предлагается сравнить содержание, направления и результаты политики украинизации в округах Юго-Востока УССР и Кубанском округе Северо-Кавказского края РСФСР (т. к. именно на этих территориях нельзя говорить о подавляющем большинстве носителей украинского национального самосознания). Поскольку этот вопрос слабо освещался в научных работах, мы можем утверждать, что данная статья обладает новизной.

Для достижения поставленной цели предлагается использовать историко-сравнительный метод, сопоставительный анализ, а также принцип аналогии и метод синхронизации, чтобы лучше понять причины и результаты политики украинизации в разных географических регионах.

В советских публикациях 1920–1930-х годов украинизация преимущественно рассматривалась как неотъемлемая составляющая государственной политики СССР, одновременно с тем считалась частью культурной революции, которая совместно с коллективизацией и индустриализацией гарантировала победу социализма на Украине к середине 1930-х годов. В качестве примера стоит отметить такие работы, как «Пролетаріат і практичне розгортання національно-культурного будівництва» (1930) А.А. Хвыли [1], «Національна проблема на Україні» (1926) В.П. Затонского [2], «Идеологическая борьба в национальном вопросе» С.М. Диманштейна [3] и др.

С конца 1930-х и до середины 1950-х годов на работы, посвященные украинизации, существенное влияние оказывала критика «буржуазного национализма», однако ситуация изменилась после XX съезда Коммунистической партии Советского Союза в 1956 году в связи с началом хрущевской оттепели, ознаменовавшей следующий историографический период. Так, если в двухтомной «Истории Украинской ССР», вышедшей в середине 1950-х годов, о политике украинизации не говорилось вообще и даже

термины «украинизация» и «коренизация» не встречались, то в издании 1967 года в текст был включен новый материал о создании в 1923–1925 годах национальных административно-территориальных единиц, о VII конференции Коммунистической партии (большевиков) Украины и др.

Публикации после 1956 года в основном были нацелены на изучение руководящей и направляющей роли коммунистической партии в культурном строительстве – например, Б.М. Бабий рассмотрел основные законодательные акты по украинизации государственного аппарата, мероприятия по обеспечению прав национальных меньшинств [4].

С окончанием оттепели идеологические барьеры повысились, и проблемы украинизации в 1970–1980-х годах в исторической литературе более не затрагивались.

На рубеже 1980–1990-х годов после снятия многочисленных запретов на изучение этой темы и с открытием архивов проблема украинизации стала набирать популярность в научно-исследовательской сфере.

В 1990-е годы было опубликовано большое количество статей, посвященных данному вопросу, однако стоит отметить работу, вышедшую в свет в 2003 году. Усилиями экспертов Института истории Украины был проведен обобщающий анализ. Книга получила название «Украинизация 1920–30-х годов: предпосылки, приобретения, уроки», в ней крайне детально, с привлечением статистических сведений рассматривается политика украинизации в разных сферах жизни – партийных и муниципальных организациях, системе просвещения, науке, периодических изданиях, армии и др. [5].

Недостаток украинской историографии 1990-х годов заключается в том, что украинские историки изучают данный феномен как политику в области культуры, никак не затрагивая ее экономические и общественные аспекты, в особенности внешнеполитический фактор.

Среди российских историков большим проблемным блоком, стремительно разрабатывавшимся в минувшие года, считается исследование взаимного влияния двух основ-

ных внутривосточных факторов: политики большевистского центра и «украинского национализма». Проблема степени зрелости украинского национального движения рассматривается по-разному. Часть исследователей (например, И.В. Михутина) считает, что вплоть до революции носителей национальной мысли было немного и развитию украинского самосознания поспособствовала советская власть, реализовавшая национально-территориальные постулаты дореволюционного украинского движения [6, с. 25–29].

Стоит отметить, что в настоящее время тема украинизации 1920–1930-х годов среди российских историков весьма востребована. Издаются статьи, монографии, книги, защищаются кандидатские диссертации. В качестве примера можно привести труды Е.Ю. Борисёнок. Она принадлежит к тем исследователям, которые подчеркивают, что украинизация в первую очередь была популярна в среде украинской интеллигенции, а советское правительство в лице Сталина использовало ее исключительно как инструмент борьбы за власть и ее укрепления. Автор проделала большую работу, благодаря которой мы видим статистические данные украинизации в таких сферах, как армия, кинематограф, театр, радио, литература, просвещение и государственное управление [7].

В связи с современной геополитической обстановкой особенно актуальным становится изучение целесообразности проведения политики украинизации на территории Юго-Востока УССР, а также Северо-Кавказского края РСФСР.

Первыми обобщающими научными трудами по истории Северного Причерноморья УССР (тогда еще Новороссии) можно считать «Первое тридцатилетие истории города Одессы 1793–1823» (1837) и «Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. 1730–1823» (1836) А.А. Скальковского [8; 9].

Основные работы по украинизации Северо-Кавказского края стали выходить с середины 1990-х годов. Первые исследователи темы, такие как М.В. Мирук [10], О.В. Бершадская [11],

А.В. Баранов [12; 13], выпускали статьи общего содержания. Научное изучение вопроса национальной политики в СССР осуществила Е.Ю. Борисёнок [14], однако она не затрагивала Северо-Кавказский регион [15].

На XII съезде Российской коммунистической партии (большевиков) (РКП(б)) 17–25 апреля 1923 года были обсуждены вопросы о характере суверенности республик в составе СССР и политике коренизации, которая на территории УССР и отдельных регионов РСФСР (Северный Кавказ, Центральное Черноземье и т. д.) приобретает форму украинизации. Таким образом, официально начало проведения украинизации можно отсчитывать с этого момента¹.

С 1923 года в УССР начали на практике воплощаться принципы коренизации в политической и культурной сферах. Результаты во многом были связаны с этническим составом населения. Так, перепись 1926 года зафиксировала, что на территории УССР проживало 29 млн чел., из которых 80,1 % составляли украинцы, 9,2 % – русские, а 5,4 % – евреи [16, с. 63]. Также она подтвердила специфику распределения городского и сельского населения по этническому признаку: украинское население макрорегиона имело преимущественно крестьянское происхождение. Доля украинцев в таких городах, как Днепрпетровск и Харьков, составляла около 35–38 %. В целом же только 10,9 % украинского населения проживало в городах, а 89,1 % – в сельской местности. В то же время аналогичные показатели для русского населения составляли 50,2 и 49,8 % соответственно, а еврейского – 74,4 и 22,6 % [16, с. 65].

Политика украинизации в первую очередь касалась области просвещения и образования. Например, доля слушателей украинской национальности в Коммунистическом университете им. Артема в г. Харькове выросла с 1923/1924 по 1926/1927 учебный год с 31 до 53,2 %. Что касается преподавательского состава, то коли-

чество украинцев выросло с 27,6 до 34,8 %. Стационарные школы политграмоты были украинизованы на 60,7 %, а выездные – на 74,3 % [2, с. 27].

Если рассматривать ситуацию по юго-восточным регионам УССР более детально, то можно отметить, что в Артемовском округе украинцев было 72,7 %, среди них 46,9 % учеников трудовых школ, в Луганском – 51,8 и 20,4 %, в Сталинском – 53,4 и 35,5 % соответственно. В городах ситуация была несколько иной: в Днепрпетровске украинцев всего – 36 %, среди них 11,5 % учеников трудовых школ, в г. Сталино – 26,1 и 1,0 %, в Мариуполе – 32,9 и 5,2 %, в Николаеве – 29,8 и 15,2 % соответственно [17].

Необычное явление наблюдалось в украинских индустриальных вузах. Из-за того, что украинской профессуры катастрофически не хватало, украинизация происходила очень медленно или не происходила вообще, хотя доля украинцев среди студентов увеличивалась, например, в 1923/1924 учебном году в списках поступивших в институты она составляла 43,7 %, а в 1928/1929 учебном году – 62,8 %, в техникумах – 48,8 и 64,0 % соответственно [18, с. 50].

Национальный состав студенчества на 1929 год выглядел следующим образом: в Харьковском политехническом институте украинцев было 37 %, в Одесском институте народного образования – 41 %, Институте народного образования – 50 % [19, с. 87].

Одним из интересных аспектов проведения политики украинизации является реакция со стороны промышленных работников на территории юго-восточных округов УССР. Так, например, во время командировки в Луганск одним из работников комсомола был отмечен случай, который произошел на шахте № 5–9. На вопрос: «Сколько украинцев они имеют в своем окружении?» работники шахты отвечали: «Пять». А на вопрос: «На каком языке вы разговариваете дома?» ответ был таким: «На каком? Хохляцком!». Тогда работник комсомола спрашивал: «Сколько всего так называемых

¹12-й съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 года: стенограф. отчет. М.: Госполитиздат, 1968. 904 с.

хохлов среди работников шахты?»), на что получал ответ: «Все» [18, с. 53].

Данная ситуация говорит о том, что большинство населения на указанных территориях имело расплывчатое самосознание и не отождествляло себя с украинским этносом.

Также работники Донбасса проявляли достаточно низкий энтузиазм в отношении украинизации партийной школы. Так, число лекций на украинском языке составляло 51 % на первом курсе и 34 % – на втором. В библиотеки за первый семестр поступило 29,5 % книг на украинском языке, когда на русском – 70,5 % [1, с. 38].

Пассивное отношение к достижению успехов в области политики украинизации также проявляли служащие г. Артемовска, что было зафиксировано проверкой, в результате которой 287 чел. получили первую категорию знания украинского языка, 495 – вторую, 267 – третью, 839, т. е. 39,5 %, – не прошли проверку. В целом в округе было 8323 служащих, из которых проверку не прошли 44,25 %, а это почти половина! Если рассматривать украинизацию учреждений, которые непосредственно работали с крестьянами и рабочими, то проверку не прошли больше половины служащих, т. е. 58,5 % [1, с. 38].

В Сталинском округе ситуация обстояла примерно так же. Среди специалистов, занимающихся украинизацией, только 6 % знали украинский язык при том, что всего в округе украинское население составляло 53 %, а среди служащих кооперации в количестве 1169 чел. украинский язык знали только 6 %, среди канцелярских работников – 48 % [1, с. 43].

Случаи противодействия политике украинизации встречались в различных городах УССР. Так, в Краматорске заведующий тарифно-экономическим подотделом заводууправления Т. Файнберг заявлял: «Нам нет надобности изучать украинский язык, потому что при социализме все языки сольются в один» [20, с. 125].

Стоит также отметить неудовлетворительные темпы в области образования среди промышленных работников. Доля лекций, докладов, разговоров, переведенных на украинский язык с 1928 по 1931 год, увеличилась в обществе ме-

таллистов с 4,4 до 14,0 %, химиков – с 6,8 до 18,5 %, типографов – с 8,4 до 32,6 %, железнодорожников – с 26,9 до 47 % [20, с. 126].

Подавляющее большинство работников всеукраинского и низового профаппарата использовало русский в своей работе. Есть много всесоюзных учебных комбинатов, профсоветов, фабрично-заводских местных комитетов, которые даже номинально не украинизировались [20, с. 127]. Это свидетельствует о формальном отношении значительной части работников профаппарата к украинизации и национальной политике партии в целом. Украинизация административно-хозяйственного аппарата велась неудовлетворительно. Распоряжения, указы и отчеты составлялись на русском языке [20, с. 128].

В ответ на негативное отношение к политике украинизации в ряде регионов Совет народных комиссаров (СНК) УССР выпустил постановление от 29 августа 1924 года «О выделении национальных районов и советов», которое определяло Донбасс как регион с многонациональным составом населения [21, с. 94–95]. Например, Луганский округ был разделен на районы. К украинским относились – Славяносербский, Каменнобродский, Новосветловский, Успенский, Ровеньковский, Дмитриевский. К русским – Сорокинский (71,9 % русских), Петровский (75,8 %), Станично-Луганский (89,0 %), а также с. Алчевск, г. Луганск, с. Лозовая Павловка и г. Красный Луч [22, с. 173]. Всего из 9 районов УССР, которые определялись как русские по преобладающему населению и не подлежали обязательной украинизации, три находились в Луганском округе [21].

Среди рассматриваемых регионов также интересно отметить Юг УССР. Например, в г. Одесса процессы были достаточно схожи с теми, которые происходили на Донбассе.

Так, многие бывшие лидеры общероссийских политических партий занимали должности в профессорско-преподавательском составе вузов Одессы. По данным органов Государственного политического управления, именно эта часть населения проявляла наибольшее неприятие в от-

ношении политики украинизации. В Одесском сельскохозяйственном институте профессура с 1923 года активно противодействовала данному процессу [23].

В Одесском институте народного образования в 1925 году всего лишь 16 % преподавателей осуществляли обучение на украинском языке, хотя было принято считать данный вуз одним из ведущих. Некоторые педагоги активно выступали против украинизации, похожая ситуация складывалась в Одесском политехническом институте, Одесском институте народного хозяйства, Одесском медицинском институте и др. [24].

Враждебное отношение местного интернационального населения Юго-Востока УССР к сторонникам идеи украинизации возникало по причине того, что она проводилась сверху, при помощи административного аппарата [24].

Во многих учебных заведениях Одессы студенты и профессора стали игнорировать данный процесс. Так, в Одесском художественном институте на момент 1926 года лекции на украинском языке не велись, а в Одесском вечернем рабочем техникуме вплоть до этого времени не было и попыток его внедрения [19, с. 87].

Из 56 школ Одессы только 18 были украинизированы целиком и 8 – частично. Родители часто препятствовали внедрению украинского языка, о чем свидетельствует наплыв учеников в русские классы [24].

На юге УССР на украинский язык были переведены театры, клубы, музеи, периодические издания, что вызывало негативную реакцию в среде интеллигенции. К 1930 году в Одессе осталась только одна крупная газета на русском языке.

В 1925–1928 годах в ходе оценки успехов политики украинизации среди чиновников в государственных учреждениях был проведен экзамен. В него входила проверка знания не только украинского языка, но и украинской истории и литературы.

В конце 1920-х годов ситуация значительно улучшилась в связи с тем, что постепенно украинизировались низшие звенья образования, состоялся массовый выпуск украиноязычных учеников средней школы и студенчество в

большинстве вузов также стало украиноязычным. Почти во всех учебных заведениях руководство отмечало, что оно украинизируется быстрее, чем профессора. В Одессе доля студентов-украинцев к 1929 году составляла около 30 % от общего количества [5, с. 92–93, 96].

Проверка одесских школ в 1924 году показала, что украинский язык знают во всех учреждениях среднего образования, однако в заведениях высшего образования им владели только около 11 % работников [25].

В большие города УССР хлынул значительный поток из украинских сел, что привело к изменению национального состава городского пролетариата. К концу 1920-х годов доля украинцев в нем составляла 28 % [1, с. 47].

Что касается Кубанского округа Северо-Кавказского края, то до 1927 года успехи украинизации были ничтожны, однако в 1928–1929 годах началась вторая волна. В начале октября 1928 года вышло постановление Президиума Северо-Кавказского краевого исполнительного комитета о необходимости усиления проведения политики украинизации в районах, где преобладает украиноязычное население, имелся в виду перевод делопроизводства в сельских и станичных советах на национальный язык [26].

Согласно Всесоюзной переписи, на конец 1926 года украинцев в Кубанском округе насчитывалось 915 тыс. чел., а русских – 497 тыс. чел. На Кубани были как активные сторонники украинизации, так и ее противники, существовали и те, кто настаивал на необходимости проведения не украинизации, а кубанизации [27]. Однако стоит упомянуть, что перепись 1926 года на территории Советского Союза проводилась методом опроса, хотя допускалось и самосчисление, национальность устанавливалась путем анкетирования: опрашиваемому задавали вопросы о народности и родном языке. На территории Северо-Кавказского края РСФСР ситуация была несколько иной, чем в УССР. В связи с задачей советского руководства – «удовлетворять» национально-настроенные элементы – в тот период кубанцы причислялись к украинцам чисто номинально, их диалектные особенности

говора и самосознание были в значительной степени далеки от украинского.

Население края реагировало на политику украинизации неоднозначно. В с. Отрадо-Ольгинском председатель украинской секции Армавирского окружного комитета РКП(б) отмечал противостояние между украинским и русским итelligence на момент мая 1925 года [13].

В пяти станицах и на одном хуторе при посредничестве Кубанского окружного отдела народного образования в 1927 году был проведен опрос, согласно которому 351 чел. высказывался за образование на украинском, а 350 чел. – на русском языке, выступавших за изучение обоих языков и не определившихся было 44 и 40 % соответственно. В основном поддерживали образование на украинском языке казаки и зажиточные слои населения [13].

Партийные органы осторожнее проводили политику украинизации. А.А. Лысогор, председатель Кубанской окружной украинской партийной секции, отмечал проявления как русского, так и украинского шовинизма, а также считал, что категорически не стоит ставить вопрос о принуждении русских партработников к отказу от русского языка, необходимо знание обоих [13].

Согласно плану партийного и советского аппарата управления от декабря 1928 года, в 37 сельских районах нужно было провести переподготовку местных советских работников и милиционеров, перевести делопроизводство на украинский язык [15, с. 89].

Летом 1932 года уже 1609 учащихся школ 1-й ступени перешли на украинский язык. В этих школах учились 221 453 чел. [28].

Несмотря на то, что план украинизации Северо-Кавказского края был принят в 1929 году, уже в 1930-м местные власти отмечали, что сроки были фактически сорваны [29]. Большинство учителей, имевших опыт украинизации в школах УССР, уезжали на родину в связи с тем, что не видели карьерных и финансовых перспектив [30].

В феврале 1932 года Краевая комиссия, несмотря на определенные положительные

результаты в Брюховецком, Старо-Минском, Кушевском, Азовском районах, отмечала неудовлетворительную работу в области украинизации других районов, по числу ключевых направлений выделялась перестройка аппаратов профсоюзов для обслуживания украинского населения на его родном языке [29].

Однако вскоре Центральный комитет Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) (ЦК ВКП(б)) и Совет народных комиссаров СССР инициировали сворачивание украинизации в Северо-Кавказском крае. На основании телеграммы ЦК ВКП(б) 20 декабря 1932 года на заседании бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) было принято решение о приостановлении данной политики. Основанием послужило то, что украинизация ряда районов Северного Кавказа не вытекала из культурных интересов населения. К 1 января 1933 года все делопроизводство также переводилось на русский язык [30].

Таким образом, результаты научного исследования позволяют сделать следующие выводы. Население юго-восточных округов УССР было мультикультурным, однако преобладало славянское, в частности русские и украинцы. Стоит подчеркнуть, что украинская национальная идея была слабо распространена среди тех, кто номинально причислялся к украинцам, что видно по высказываниям некоторых представителей исследуемых регионов, не отождествлявших себя с украинским этносом. В результате в районах с преобладанием такого населения политика украинизации, проводившаяся при помощи административного аппарата, давала некоторые положительные результаты, однако в целом закончилась провалом, т. к. большинство населения осталось русскоязычным и его доля даже увеличилась в последующие годы.

Что касается Кубанского округа Северо-Кавказского края РСФСР, то ситуация здесь была примерно такой же, как в вышеуказанных регионах. Однако хочется заметить, что кубанцы еще в меньшей степени относились к украинскому этносу и причислялись к нему только для того, чтобы удовлетворить интересы дореволюционной и советской элит УССР,

которые настаивали на реализации украинской национальной идеи. Мультикультурность, нежелание местных властей проводить украинизацию, слабый отклик на такого рода политику среди обычного населения предопределили полный провал политики украинизации на территории этого региона СССР.

В целом же советское правительство проводило правильную национальную политику и после сворачивания украинизации в 1933 году не «настаивало» на тотальной украинизации, в частности Юго-Востока УССР, что может служить образцом для современной национальной политики.

Список литературы

1. *Хвиля А.* Пролетаріат і практичне розгортання національно-культурного будівництва // Більшовик України. 1930. № 13-14. С. 38–56.
2. *Затонський В.П.* Матеріали до українського національного питання // Більшовик України. 1927. № 6. С. 9–33.
3. *Диманштейн С.М.* Идеологическая борьба в национальном вопросе // Революция и национальности. 1930. № 3. С. 3–20.
4. *Бабій Б.М.* Українська радянська держава в період відбудови народного господарства (1921–1925 рр.). Київ: Вид-во АН УРСР, 1961. 384 с.
5. *Даниленко В.М., Верменич Я.В., Бондарчук П.М., Гриневич Л.В., Ковальчук О.А., Масненко В.В., Чумак В.М.* Українізація 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки: колективна монографія / за ред. В.А. Смолія. Київ: Інститут історії України НАН України, 2003. 392 с.
6. *Михутина И.В.* Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века). М.: [б.и.], 2003. 287 с.
7. *Борисёнок Е.Ю.* Феномен советской украинизации. 1920–1930-е годы. М.: Европа, 2006. 256 с.
8. *Скальковский А.А.* Первое тридцатилетие истории города Одессы 1793–1823. Одесса: Гор. тип., 1837. 296 с.
9. *Скальковский А.А.* Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. 1730–1823. Ч. 1. Одесса: Гор. тип., 1836. 288 с.
10. *Мируж М.В.* Кубанское казачество и украинизация Кубани: опыт и уроки (1921–1932 гг.) // Кубанское казачество: три века исторического пути: материалы междунар. науч.-практ. конф. (ст. Полтавская, 23–27 сентября 1996 г.). Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 1996. С. 172–175.
11. *Бершадская О.В.* Осуществление политики украинизации на Кубани в период 1925–1932 гг. // Вторые Кубанские литературно-исторические чтения. Краснодар: Краснодар. гос. ун-т культуры и искусств, 2000. С. 121–125.
12. *Баранов А.В.* География расселения казачества на Юге России в 1920-х гг. // Уч. зап. Донск. юрид. ин-та. 2001. Т. 16. С. 123–135.
13. *Баранов А.В.* Украинизация в Северо-Кавказском крае РСФСР (1923–1932): Замыслы, реакция общества, результаты // Наследие веков. 2021. № 3(27). С. 31–42. DOI: [10.36343/SB.2021.27.3.002](https://doi.org/10.36343/SB.2021.27.3.002)
14. *Борисёнок Е.Ю.* А.В. Луначарский и «кубанский язык»: интриги советской украинизации 1920-х годов // Славян. мир в третьем тысячелетии. 2020. Т. 15, № 3–4. С. 37–52. DOI: [10.31168/2412-6446.2020.15.3-4.03](https://doi.org/10.31168/2412-6446.2020.15.3-4.03)
15. *Васильев И.Ю.* Украинский национализм, украинизация и украинское культурное движение на Кубани (вторая половина XIX – начало XXI века). М.: ИП Бурина А.В. («Традиция»), 2014. 336 с.
16. *Мінаєв С.В.* До основних підсумків поголового перепису населення України // Більшовик України. 1928. № 15-16. С. 51–83.
17. *Полоцький О.* Загальне навчання та ліквідація неписьменності // Більшовик України. 1928. № 18. С. 59–76.
18. *Голуб Ф.* ЛКСМ в національно-культурному будівництві // Більшовик України. 1929. № 7-8. С. 49–61.
19. *Волков В.* Стан вузів України // Більшовик України. 1929. № 17-18. С. 80–98.
20. *Потапчик М.* Робітницька кляса України в національно-культурному будівництві // Більшовик України. 1932. № 5-6. С. 123–134.
21. *Федоровский Ю.Р.* Первая советская украинизация Луганщины // Культур. ландшафт регионов. 2020. Т. 2, № 1. С. 90–108.
22. *Бельдюгин В.А., Пробейголова С.В., Федоровский Ю.Р.* История Отечества: курс лекций. Луганск: ЛНУ им. В. Даля, 2017. 288 с.

23. Савченко В. Проблемы первой компании коренизации и украинизации на Юге УССР (1923–1930 гг.) // Журн. рос. и восточноевроп. ист. исслед. 2014. № 1(5). С. 15–23.
24. Мануїлова К.В. Рефлексії одеських освітян євреїв, росіян та українців на політику українізації у 1920-х – 1930-х роках (на матеріалах держархіву Одеської області) // Історичний архів. Наукові студії: зб. наук. пр. Миколаїв: ЧДУ ім. Петра Могили, 2010. Вип. 5. С. 23–27.
25. Скрипник М.О. Нариси підсумків українізації та обслуговування культурних потреб нацменшостей УСРР, зокрема російської. Промова на засіданні колегії НКО УСРР з 14.11.1933. Харків: Радянська школа, 1933. 36 с.
26. Акоюн В.З. Политика украинизации на Ставрополье в 1920–1930-е годы. Замыслы, осуществление, итоги // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер.: История. Междунар. отношения. 2015. Т. 15, № 2. С. 48–56.
27. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011. 663 с.
28. Алдакимова О.В. Украинизация школьного образования на Кубани в период с 1921 по 1932 гг.: дис. ... канд. пед. наук. Сочи, 2004. 216 с.
29. Сивков С.М. К вопросу об украинизации на Кубани в период с 1917 по 1922 гг. // Украинцы Юга России: проблемы истории, культуры, социально-экономического развития: материалы Междунар. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 3–4 октября 2013 г.) / отв. ред. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. С. 246–250.
30. Скорик А.П., Бондарев В.А. Украинизация на Юге России как национально-политическая кампания: осуществление и ликвидация (1920-е – нач. 1930-х гг.) // История в подробностях. 2013. № 10(40). С. 62–71.

References

1. Khvilya A. Proletariat i praktichne rozgortannya natsional'no-kul'turnogo budivnitstva [The Proletariat and the Practical Development of Nation and Culture Building]. *Bil'shovik Ukraini*, 1930, no. 13-14, pp. 38–56.
2. Zaton'skiy V.P. Materiali do ukraїns'kogo natsional'nogo pitannya [Materials on the Ukrainian National Question]. *Bil'shovik Ukraini*, 1927, no. 6, pp. 9–33.
3. Dimanshteyn S.M. Ideologicheskaya bor'ba v natsional'nom voprose [Ideological Struggle in the National Question]. *Revolutsiya i natsional'nosti*, 1930, no. 3, pp. 3–20.
4. Babiy B.M. *Ukrains'ka radyans'ka derzhava v period vidbudovi narodnogo gospodarstva (1921–1925 rr.)* [Ukrainian Soviet State During the Reconstruction of National Economy (1921–1925)]. Kyiv, 1961. 384 p.
5. Danilenko V.M., Vermenich Ya.V., Bondarchuk P.M., Grinevich L.V., Koval'chuk O.A., Masnenko V.V., Chumak V.M. *Ukrainizatsiya 1920–30-kh rokov: peredumovi, zdobutki, uroki* [Ukrainization of the 1920s – 1930s: Prerequisites, Achievements, Lessons]. Kyiv, 2003. 392 p.
6. Mikhutina I.V. *Ukrainskiy vopros v Rossii (konets XIX – nachalo XX veka)* [Ukrainian Question in Russia (Late 19th – Early 20th Centuries)]. Moscow, 2003. 287 p.
7. Borisenok E.Yu. *Fenomen sovetskoy ukrainizatsii. 1920–1930-e gody* [The Phenomenon of Soviet Ukrainization. 1920–1930s]. Moscow, 2006. 256 p.
8. Skal'kovskiy A.A. *Pervoe tridtsatiletie istorii goroda Odessa 1793–1823* [The First Thirty Years of the History of the City of Odessa, 1793–1823]. Odessa, 1837. 296 p.
9. Skal'kovskiy A.A. *Khronologicheskoe obozrenie istorii Novorossiyskogo kraya. 1730–1823* [Chronological Overview of the History of Novorossiya. 1730–1823]. Pt. 1. Odessa, 1836. 288 p.
10. Miruk M.V. *Kubanskoe kazachestvo i ukrainizatsiya Kubani: opyt i uroki (1921–1932 gg.)* [Kuban Cossacks and Ukrainization of Kuban: Experience and Lessons (1921–1932)]. *Kubanskoe kazachestvo: tri veka istoricheskogo puti* [Kuban Cossacks: Three Centuries of the Historical Path]. Krasnodar, 1996, pp. 172–175.
11. Bershads'kaya O.V. *Osushchestvlenie politiki ukrainizatsii na Kubani v period 1925–1932 gg.* [Implementation of the Ukrainization Policy in Kuban in 1925–1932]. *Vtorye Kubanskiye literaturno-istoricheskiye chteniya* [Second Kuban Literary and Historical Readings]. Krasnodar, 2000, pp. 121–125.
12. Baranov A.V. *Geografiya rasseleniya kazachestva na Yuge Rossii v 1920-kh gg.* [Geography of Resettlement of Cossacks in South Russia in the 1920s]. *Uchenye zapiski Donskogo yuridicheskogo instituta*, 2001, vol. 16, pp. 123–135.
13. Baranov A.V. *Ukrainization in North Caucasus Krai of the RSFSR (1923–1932): Plans, Public Reaction, Results. Nasledie vekov*, 2021, no. 3, pp. 31–42 (in Russ.). DOI: [10.36343/SB.2021.27.3.002](https://doi.org/10.36343/SB.2021.27.3.002)

14. Borisenok E.Yu. A.V. Lunacharskiy i “kubanskiy yazyk”: intrigi sovetsoy ukrainizatsii 1920-kh godov [Anatoly V. Lunacharsky and “Kuban Language”: Intrigues of Soviet Ukrainisation of the 1920s]. *Slavyanskiy mir v tret'em tysyacheletii*, 2020, vol. 15, no. 3–4, pp. 37–52. DOI: [10.31168/2412-6446.2020.15.3-4.03](https://doi.org/10.31168/2412-6446.2020.15.3-4.03)
15. Vasil'ev I.Yu. *Ukrainskiy natsionalizm, ukrainizatsiya i ukrainskoe kul'turnoe dvizhenie na Kubani (vtoraya polovina XIX – nachalo XXI veka)* [Ukrainian Nationalism, Ukrainization and the Ukrainian Cultural Movement in Kuban (Second Half of the 19th – Early 21st Centuries)]. Moscow, 2014. 336 p.
16. Minaev S.V. Do osnovnikh pidsumkiv pogolovnoho perepisu naselennya Ukraïni [On the Main Results of the National Census in Ukraine]. *Bil'shovyk Ukraïni*, 1928, no. 15-16, pp. 51–83.
17. Polots'kiy O. Zagal'ne navchannya ta likvidatsiya nepis'mennosti [General Education and Elimination of Illiteracy]. *Bil'shovyk Ukraïni*, 1928, no. 18, pp. 59–76.
18. Golub F. LKSM v natsional'no-kul'turnomu budivnitstvi [Leninist Young Communist League in Nation and Culture Building]. *Bil'shovyk Ukraïni*, 1929, no. 7-8, pp. 49–61.
19. Volkov V. Stan vuziv Ukraïni [The State of Higher Education Institutions in Ukraine]. *Bil'shovyk Ukraïni*, 1929, no. 17-18, pp. 80–98.
20. Potapchik M. Robitnits'ka klyasa Ukraïni v natsional'no-kul'turnomu budivnitstvi [The Working Class of Ukraine in Nation and Culture Building]. *Bil'shovyk Ukraïni*, 1932, no. 5-6, pp. 123–134.
21. Fedorovsky Ju.R. The First Soviet Ukrainization of the Lugansk Region. *Cult. Landsc. Reg.*, 2020, vol. 2, no. 1, pp. 90–108 (in Russ.).
22. Bel'dyugin V.A., Probeygolova S.V., Fedorovskiy Yu.R. *Istoriya Otechestva* [The History of Fatherland]. Lugansk, 2017. 288 p.
23. Savchenko V. Problemy pervoy kompanii korenizatsii i ukrainizatsii na Yuge USSR (1923–1930 gg.) [Problems of the First Indigenization and Ukrainization Campaign in the South of the Ukrainian SSR (1923–1930)]. *Zhurnal rossiyskikh i vostochnoevropeyskikh istoricheskikh issledovaniy*, 2014, no. 1, pp. 15–23.
24. Manuilova K.V. Refleksii odes'kikh osvityan evreïv, rosiyan ta ukrainiv na politiku ukrainizatsii u 1920-kh – 1930-kh rokakh (na materialakh derzharkhivu Odes'koï oblasti) [Reflections of Jewish, Russian and Ukrainian Educators of Odessa on the Policy of Ukrainization During the 1920s – 1930s (Based on the Materials of the State Archive of the Odessa Region)]. *Istorichniy arkhiv. Naukovi studii* [Historical Archive. Scholarly Works]. Mykolaiv, 2010. Iss. 5, pp. 23–27.
25. Skripnik M.O. *Narisi pidsumkiv ukrainizatsii ta obslugovuvannya kul'turnikh potreb natsmenschostey USRR, zokrema rosiys'koï. Promova na zasidanni kolegii NKO USRR z 14.11.1933* [Essays on the Results of Ukrainization and Addressing the Cultural Needs of the National Minorities of the UkSSR, in Particular, Russian. Speech at the Meeting of the Collegium of the People's Commissariat for Education of the UkSSR on 14 November 1933]. Kharkiv, 1933. 36 p.
26. Akopyan V.Z. Politika ukrainizatsii na Stavropol'e v 1920–1930-e gody. Zamysly, osushchestvlenie, itogi [The Ukrainization Policy of the Stavropol Territory in the 1920–1930s. Plans, Implementation, Results]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser.: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2015, vol. 15, no. 2, pp. 48–56.
27. Martin T. *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Cornell University Press, 2001. 528 p. (Russ. ed.: Martin T. *Imperiya “polozhitel'noy deyatelnosti”. Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923–1939*. Moscow, 2011. 663 p.).
28. Aldakimova O.V. *Ukrainizatsiya shkol'nogo obrazovaniya na Kubani v period s 1921 po 1932 gg.* [Ukrainization of School Education in Kuban in the Period from 1921 to 1932: Diss.]. Sochi, 2004. 216 p.
29. Sivkov S.M. K voprosu ob ukrainizatsii na Kubani v period s 1917 po 1922 gg. [On the Question of Ukrainization of Kuban in the Period from 1917 to 1922]. Matishov G.G. (ed.). *Ukraintsy Yuga Rossii: problemy istorii, kul'tury, sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya* [Ukrainians of South Russia: Problems of History, Culture and Socio-Economic Development]. Rostov-on-Don, 2013, pp. 246–250.
30. Skorik A.P., Bondarev V.A. Ukrainizatsiya na Yuge Rossii kak natsional'no-politicheskaya kampaniya: osushchestvlenie i likvidatsiya (1920-e – nach. 1930-kh gg.) [Ukrainization in South Russia as a National-Political Campaign: Implementation and Liquidation (1920s – Early 1930s)]. *Istoriya v podrobnostyakh*, 2013, no. 10, pp. 62–71.

DOI: 10.37482/2687-1505-V291

Nikita A. Osipov

Pushkin Leningrad State University;
Peterburgskoe sh. 10, Pushkin, 196605, St. Petersburg, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-1020-7542> e-mail: osipov090996@mail.ru

**COMPARATIVE ANALYSIS OF THE POLICY OF UKRAINIZATION
IN THE 1920s – 1930s IN THE SOUTH-EASTERN AREAS OF THE UKRAINIAN SSR
AND IN THE KUBAN AREA OF THE NORTH CAUCASUS TERRITORY OF THE RSFSR**

The nationality policy that was implemented in the Ukrainian Soviet Socialist Republic (SSR) in the 1920s and 1930s led to major changes in the field of culture and education. However, this policy had not always been successful in the Ukrainian SSR and some other regions of the Russian Soviet Federative Socialist Republic (RSFSR), e.g. in the south-eastern areas of the Ukrainian SSR and in the Kuban Area of the North Caucasus Territory of the RSFSR. In this regard, the purpose of the article was to perform a comparative analysis of the content, directions and results of the policy of Ukrainization in the south-eastern areas of the Ukrainian SSR and in the Kuban Area of the North Caucasus Territory. In the course of the research, the author studied the historiography of Ukrainization in general: articles, monographs of modern Russian and Ukrainian scholars, as well as the periodical press published in the Ukrainian SSR between 1925 and 1933. Based on the data obtained, the author concludes that, in spite of the rapid and successful Ukrainization in these regions, it was implemented through administrative pressure, which formed a negative attitude towards this kind of ethno-cultural transformations on the ground, in particular, in some south-eastern areas of the Ukrainian SSR and in the Kuban Area of the North Caucasus Territory of the RSFSR, whose population differed significantly from the Ukrainian ethnic group in terms of language and self-consciousness. In the Kuban Area, neither the local population nor local authorities were interested in this policy, which slowed the process of Ukrainization and made the mechanisms for its implementation rather ineffective, even compared to the south-east of the Ukrainian SSR. As a result, the population in the south of the RSFSR became part of the Russian nation.

Keywords: *Ukrainization, nationality policy, Odessa, North Caucasus Territory, rural population, urban population.*

Поступила 10.01.2023
Принята 20.09.2023
Опубликована 30.10.2023

Received 10 January 2023
Accepted 20 September 2023
Published 30 October 2023

For citation: Osipov N.A. Comparative Analysis of the Policy of Ukrainization in the 1920s – 1930s in the South-Eastern Areas of the Ukrainian SSR and in the Kuban Area of the North Caucasus Territory of the RSFSR. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 5, pp. 5–15. DOI: 10.37482/2687-1505-V291

УДК 94(47).084.6(470.21+470.23)

DOI: 10.37482/2687-1505-V299

ЧУНИН Павел Анатольевич, аспирант кафедры новейшей истории России Санкт-Петербургского государственного университета. Автор 3 научных публикаций*

ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-1900-9531>

ПОЛИТИКА РАСКУЛАЧИВАНИЯ РЫБОЛОВЕЦКИХ И ОЛЕНЕВОДЧЕСКИХ ХОЗЯЙСТВ В МУРМАНСКОМ ОКРУГЕ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В 1930-е годы

Территория современной Мурманской области в годы начала коллективизации не была ареной «борьбы за хлеб», ее обошли стороной крестьянские выступления той эпохи. Крестьянство в его традиционном понимании в регионе не существовало в принципе, основу хозяйственной жизни в селах составляли прибрежный промысел рыбы в бассейнах Белого и Баренцева морей и оленеводство. Раскулачивание в Мурманском округе Ленинградской области не ограничилось началом 1930-х годов, как это зачастую описывалось в региональной историографии, представленной большей частью работами, которые были написаны в советский период. При рассмотрении обозначенной проблемы применялись историко-системный и сравнительно-исторический методы. Для восполнения образовавшихся лакун проведен анализ документов органов исполнительной и партийной власти Мурманского округа, которые сохранились преимущественно в фондах Государственного архива Мурманской области, часть из них ранее никогда не вводилась в научный оборот. На их основании было определено наиболее точное количество раскулаченных хозяйств и выявлены особенности процесса раскулачивания в рамках рассматриваемой административно-территориальной единицы. Кроме того, намечено направление для последующего изучения репрессивной политики в период после основных волн раскулачивания до конца 1930-х годов, а также учтены национальные особенности, присущие округу: «иннационализм» населения приграничных районов и наличие малочисленного коренного народа – саамов. Эти факторы оказывали влияние на процесс раскулачивания. Данная статья является одной из первых попыток анализа данной репрессивной политики в Мурманском округе в качестве самостоятельной проблемы. Результаты работы в перспективе могут быть положены в основу комплексного конкретно-исторического исследования по коллективизации в регионе.

Ключевые слова: коллективизация, раскулачивание, кулацкое хозяйство, Мурманский округ, рыболовецкое хозяйство, оленеводческое хозяйство, «иннациональные» коллективные хозяйства.

*Адрес: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7-9; e-mail: pomor1996@gmail.com

Для цитирования: Чунин П.А. Политика раскулачивания рыболовецких и оленеводческих хозяйств в Мурманском округе Ленинградской области в 1930-е годы // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 5. С. 16–24. DOI: 10.37482/2687-1505-V299

Коллективизация на Мурмане, обладавшая рядом специфических черт, безусловно, являлась периферийным процессом в рамках общегосударственной кампании по «социалистическому преобразованию» деревни. Динамика этого процесса в Мурманском округе Ленинградской области, равно как и его особенности, ранее описывалась весьма кратко, в т. ч. в региональной историографии. Проблема раскулачивания на Кольском Севере преимущественно попадала в поле зрения исследователей в контексте написания локальных краеведческих трудов, но не являлась самостоятельной проблемой. Однако обращение к вопросу коллективизации в данном регионе, в частности анализ раскулачивания оленеводческих и рыболовецких хозяйств стали необходимыми элементами планируемого нами исследования кооперативно-колхозного движения, охватывавшего период конца 1920-х и всего десятилетия 1930-х годов.

Цель статьи – выявить специфику данного процесса, а также определить максимально точное количество раскулаченных хозяйств на территории округа, в сопоставлении с имеющимися статистическими данными по Северному краю и Карельской Автономной Советской Социалистической Республике (АССР) как территориально близким субъектам Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР) в рассматриваемый период. Для достижения указанной цели необходимо проследить основные этапы данной репрессивной политики и более подробно рассмотреть формальную сторону процедуры раскулачивания.

Актуальность исследования определяется возрастающим научным и практическим интересом к хозяйственному опыту освоения арктических территорий в этом регионе и необходимостью анализа влияния модернизационных процессов на традиционное хозяйство Севера. Новизна работы состоит в широком привлечении ранее не опубликованных архивных документов о раскулачивании в Мурманском округе, а также в актуализации и обобщении известных материалов. Результаты

исследования могут быть использованы при написании конкретно-исторических работ о коллективизации в рассматриваемом регионе.

Историография проблемы в советский период претерпевала трансформацию в соответствии с изменением политической оценки высшим партийным руководством на разных этапах истории Союза Советских Социалистических Республик (СССР) [1, с. 50] и идеологическими кампаниями. Классическим образцом сталинской концепции коллективизации стала диссертация В.К. Гудзенко, посвященная созданию коллективных хозяйств «в национальных районах Кольского полуострова». Тезис о классовой борьбе в Мурманском округе в ходе строительства социализма и сопротивлении со стороны троцкистов и бухаринцев, «извращавших политику партии» [2, с. 9], выступал неотъемлемой частью данного подхода. В рамках историографии периода 1960–1970-х годов [3, с. 13] необходимо выделить работу В.П. Пятовского, в которой присутствовали менее идеологически окрашенные, но по сути тезисы об «обострении классовой борьбы» и о «росте сопротивления кулачества» по всему побережью Мурмана [4, с. 13]. Аналогичные оценки встречаются и в труде А.А. Киселева [5, с. 233]. В неисторических публикациях указанного периода [6, с. 5] события, связанные с «ликвидацией кулачества», описывались схожим образом. Общим местом для перечисленных исследований являлось отсутствие анализа самого процесса раскулачивания, сведений о количестве раскулаченных, их социальном составе, механизмах и процедурах репрессивной политики.

В конце XX – начале XXI века в связи с отходом от коммунистической идеологии и начавшейся «архивной революцией» был опубликован целый спектр работ, напрямую или косвенно затрагивающих процесс раскулачивания в Мурманском округе. В центре научного интереса авторов оказался ряд проблем: судьба спецпереселенцев [7], колонистов «иннационалов» [8; 9], политические репрессии на Мурмане [10; 11]. Отдельное внимание уделялось

коренному малочисленному населению региона [12; 13], оленеводческие коллективные хозяйства становились предметом рассмотрения в рамках концепции «совхозистских практик» [14]. Соответственно, особенностью большинства названных работ был явный социально-антропологический характер.

Перечисленные проблемы актуализируют необходимость систематизации и уточнения данных, касающихся непосредственно процесса раскулачивания, в рамках комплексного исследования. Основой работы, ее источниковой базой, стали фонды преимущественно Государственного архива Мурманской области: Ф. П-2 (Мурманский окружной комитет ВКП(б)¹), Ф. Р-162 (Мурманский окружной исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских и рыбацких депутатов), Ф. Р-296 (Териберский районный Совет депутатов трудящихся и его исполнительный комитет), Ф. Р-556 (Саамский районный Совет депутатов трудящихся и его исполнительный комитет), Ф. Р-325 (Мурманское окружное управление народнохозяйственного учета Ленинградской области).

В соответствии с методологической «интегративной тенденцией», в трактовке Г.Ф. Доброноженко, при оценке социальной дифференциации советского общества объединены объективистский и структуралистский подходы. Соответственно, сам термин «кулак» рассматривается нами как изначально идеологический конструкт, сформированный в первое десятилетие советской власти [1, с. 47].

Обращаясь к специфическим чертам раскулачивания в Мурманском округе, следует выделить сразу несколько особенностей данного процесса. Во-первых, это территориальный и климатический факторы. Округ обладал значительной площадью (128,5 тыс. км²) со сложным

рельефом, что создавало проблемы, связанные с низким уровнем транспортной инфраструктуры и труднодоступностью. К началу 1930-х годов имела слаборазвитая сеть грунтовых дорог, что значительно осложняло коммуникацию между районами². В некоторые из них представители власти могли попасть лишь в определенное время года с установлением зимнего пути или сообщения по морю.

Во-вторых, хозяйства, подвергавшиеся раскулачиванию, были разных типов: оленеводческие, рыболовецкие и смешанные, именовавшиеся в официальных документах «комбинированными».

В-третьих, национальный состав раскулаченных дифференцировался в зависимости от района проживания субэтнуса: кроме непосредственно русского населения – поморов, «борьба с кулаком» коснулась саамов и коми-ижемцев, а также финских и норвежских колонистов.

В политике раскулачивания на территории Мурманского округа можно выделить несколько основных кампаний, которые в целом соотносились с общесоюзными. Первая из них датировалась начальным периодом коллективизации, преимущественно 1930 годом. Мероприятия по раскулачиванию в течение этого года не были массовыми, в т. ч. и потому, что большинство районов не попадали под «сплошную коллективизацию»³. В качестве основной меры применялась национализация имущества [7, с. 79], которое могло как передаваться коллективным хозяйствам, так и выставляться на торги.

В некоторых сельских советах главы кулацких семейств привлекались к уголовной ответственности по решению судебных органов⁴. Однако при условии выполнения «твердых заданий» рыболовецкие хозяйства, признанные кулацкими, привлекались к участию в прибрежном лове. Окружное земельное управле-

¹ Всесоюзной коммунистической партии большевиков.

² ГАМО (Гос. арх. Мурман. обл.). Ф. Р-162. Оп. 1. Д. 231. Л. 74.

³ ГАМО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 165. Л. 6.

⁴ ГАМО. Ф. Р-162. Оп. 2. Д. 3. Л. 49, 52, 54.

ние опиралось здесь на решение союзного органа: «Наркомзем считает, что в Мурманском р-не несплошной коллективизации кулацкие хозяйства в промысле участвовать могут»⁵.

Отдельным вопросом является правовой фундамент действий органов исполнительной и партийной власти в округе при проведении коллективизации. Помимо многочисленных общесоюзных и областных нормативно-правовых актов [15] следует остановиться на местных документах, которыми руководствовался округ в ходе раскулачивания и подготовки к нему. Говоря о мерах экономического давления на хозяйства подобного рода в начальный период коллективизации, следует выделить «Положение о обложении сельхозналогом кулацкой части оленеводческих хозяйств в Мурманском округе»⁶ от 22 июля 1929 года и существенно дополнившее его «Положение о едином сельхозналоге для кулацких хозяйств в Мурманском округе»⁷, опубликованное 23 августа 1930 года, где четко устанавливались критерии отнесения к кулацкому хозяйству с учетом местной специфики, например такой, как оленеводство и наличие промысловой посуды, сдаваемой в аренду. В этот же период, весной 1930 года в телеграмме с пометкой «секретно», предназначавшейся Ленинградскому областному исполнительному комитету, подчеркивалось, что «раскулачивание оленеводческих и рыбацких хозяйств в Мурманском округе... еще не производилось и не предполагается производить впредь до особого разрешения этого вопроса в областном совете и партийных органах»⁸.

Вопрос о количестве в округе лиц, отнесенных к категории «кулаков» к началу коллективизации, следует рассматривать в динамике. Если по данным Приполярной переписи в период с 1926 по 1927 год складывалась

определенная цифра в пределах 150 хозяйств [7, с. 79], то уже к 1930 году Управление народнохозяйственного учета при плановой комиссии Мурманского окружного исполнительного комитета по итогам проведения налоговой компании выявило 72 таких хозяйства, что можно связать с начавшейся коллективизацией и, как следствие, появлением более четких критериев для дифференциации сельского населения [15, с. 31]. К началу 1931 года, по данным Окружного финансового управления, в списках значилось 75 кулацких хозяйств, подлежащих самообложению. В силу малой численности населения округа и его экономической специфики эта цифра была значительно меньше, чем аналогичные данные по Карельской АССР (459 хозяйств) [16, с. 58] и Северному краю (9628 хозяйств) [1, с. 353]. Поэтому в дальнейшем при изучении этой проблемы и сопоставлении статистики будут рассмотрены данные иных заполярных регионов, имевших схожие экономические особенности в сфере занятости сельского населения. Статические данные анализируемого периода оказывались подвержены колебаниям в соответствии с политическими кампаниями, сопровождавшими первый год коллективизации. Так, например, развернувшаяся в округе со второй половины 1930 года борьба с «перегибами» и последовавшая проверка районных исполнительных комитетов (РИКов) различными комиссиями (в т. ч. Рабоче-крестьянской инспекцией) привели к пересмотру установленного количества кулацких хозяйств в меньшую сторону⁹.

Вторая, и основная, волна «наступления на кулака» пришлась на 1931–1932 годы. В этот период основной репрессивной мерой стала высылка, осуществлявшаяся районными «тройками». В работах прошлых лет данные о количестве

⁵ГАМО. Ф. Р-162. Оп. 1. Д. 313. Л. 148.

⁶ЦГАИПД СПб. (Центр. гос. арх. истор.-полит. док. СПб.). Ф. Р-24. Оп. 1Б. Д. 75. Л. 1.

⁷ГАМО. Ф. Р-325. Оп. 1 Д. 42. Л. 225.

⁸ГАМО. Ф. Р-162. Оп. 1. Д. 313. Л. 40.

⁹ГАМО. Ф. Р-170. Оп. 1. Д. 77. Л. 3, 4–11, 24.

раскулаченных хозяйств приводился фрагментарно, по отдельным административным единицам округа [7, с. 82]. Автору статьи удалось установить максимально точное количество таких хозяйств по состоянию на середину 1932 года путем анализа архивных фондов отдельных РИКов и Мурманского окружкома. К примеру, по Кольско-Лопарскому району общее количество раскулаченных хозяйств в историографии ранее не приводилось, изучение дел о «лишенцах»¹⁰ и привлеченных к индивидуальному обложению кулацких хозяйствах¹¹ по району позволило определить это число. Наиболее точной цифрой, которая известна на сегодняшний день, является 60 раскулаченных хозяйств, члены которых были подвергнуты высылке преимущественно в район строящегося г. Хибиногорска и пополнили тем самым число спецпереселенцев. Для сравнения, в Карельской АССР только за 1931 год было раскулачено 243 хозяйства, данная политика носила в этом регионе более массовый характер в силу целого ряда факторов [16, с. 59].

Возвращаясь к вопросу о выверенных статистических данных по Мурманскому округу, можно отчасти согласиться с директивой окрисполкома № 24 с/с, адресованной всем РИКом округа: «Учет кулацких хозяйств поставлен безобразно. Отчетность о ходе кампании отсутствует»¹².

Стоит сказать, что для большинства районов (Териберского, Полярного, Кольско-Лопарского, Понойского) пиком данной кампании стал 1931 год. Это четко прослеживается и по публикациям в главном печатном органе округа –

газете «Полярная правда», где по сравнению с 1930 годом (5 упоминаний) резко увеличивается количество заметок, которые содержат не просто общие идеологические призывы бороться с «кулацкой агитацией», а требования привлекать конкретные семьи к ответственности «вплоть до суда» (12 упоминаний)¹³.

В разгар раскулачивания основным документом, регламентирующим действие местных органов власти, стала совершенно секретная директива № 106 «О раскулачивании и выселении кулацких хозяйств» от 21 февраля 1931 года. Сам механизм и процедуры были типичны и аналогичны мероприятиям, проводившимся в Северном крае [1, с. 307]. Тезис о «неформальном и ответственном подходе к вопросу раскулачивания в округе» представляется нам дискуссионным [7, с. 80]. Учитывая анализ именных списков¹⁴, описей имущества раскулаченных¹⁵, решений собраний групп бедноты¹⁶ по большинству районов, можно говорить о том, что процесс носил именно формальный характер и не отличался мягкостью по сравнению с аналогичными в соседних субъектах РСФСР. Так, попытки РИКов пересмотреть¹⁷ решения «троек» о раскулачивании в ходе данной кампании не смогли оказать влияния на утверждение решения. В том случае, когда решение о высылке не принималось, оно становилось лишь вопросом времени, в особенности для «иннациональных» колхозов приграничья. В вопросе раскулачивания точно так же, как и в общесоюзной практике [1, с. 358], графа об отношении к советской власти и проводимым ею

¹⁰ГАМО. Ф. Р-264. Оп. 1. Д. 260. Л. 40, 41.

¹¹ГАМО. Ф. Р-264. Оп. 1. Д. 50. Л. 4.

¹²ГАМО. Ф. Р-264. Оп. 1. Д. 50. Л. 28.

¹³Газета «Полярная правда» // Электрон. б-ка «Кольский Север». URL: <http://kolanord.ru/index.php/periodika/gazety/609-polyarnaya-pravda> (дата обращения: 24.04.2023).

¹⁴ГАМО. Ф. Р-162. Оп. 2. Д. 3. Л. 154.

¹⁵ГАМО. Ф. Р-162. Оп. 1. Д. 293. Л. 1–76.

¹⁶ГАМО. Ф. Р-162. Оп. 2. Д. 3. Л. 70.

¹⁷ГАМО. Ф. Р-162. Оп. 2. Д. 3. Л. 112.

¹⁸ГАМО. Ф. Р-162. Оп. 2. Д. 3. Л. 154.

мероприятиям¹⁸ существенно влияла на дальнейшее существование хозяйства, включенного в список, и служила одним из критериев для его ликвидации.

В то же время в масштабах государства и в рамках Ленинградской области продолжало усиливаться экономическое давление на кулацкие хозяйства «как одно из наиболее эффективных средств в наступательной политике»¹⁹. Индивидуальное обложение сельскохозяйственным налогом оставалось в ряду весомых инструментов государства. Решения о пересмотре начисления налога как в Мурманском округе, так и в Северном крае [1, с. 365] принимались по поводу хозяйств, отнесенных к перечню кулацких лишь в 1931 году, к ранее раскулаченным никакого пересмотра применять не предполагалось.

С 1933-го и до конца 1930-х годов продолжался завершающий этап раскулачивания в округе, не носивший столь радикального характера. Точные данные о количестве раскулаченных в указанный период предстоит установить, но эта задача осложняется недоступностью ряда фондов, относящихся к действиям органов безопасности и правопорядка. Необходимо подчеркнуть, что количество жителей округа, подвергнутых этой репрессивной мере, не было значительным и складывалось в основном за счет «довыявления» кулацких хозяйств²⁰. Доходность и имущественный признак оставались по-прежнему значимыми критериями при отнесении к кулацкому хозяйству. Однако с 1933 года списки изъятой собственности существенно сокращаются, по сравнению с предшествующей кампанией в них уже не встречаются упоминания о значительном количестве промышленного инвентаря, оленьего снаряжения, наличии швейных машин и «избушек на санях»²¹.

В рамках завершающего этапа раскулачивания к основным правовым документам можно отнести постановление Центрального комитета ВКП(б) от 8 сентября 1932 года «Об отсутствии руководства, контроля и о грубейших извращениях политики партии на Крайнем Севере». Несмотря на то, что содержательная часть в основном касалась исправления «перегибов в советской тундре», от местных органов власти требовалось «давать отпор... кулацким элементам и их агентуре»²². Так, в частности, эта политика нашла отражение в решениях Понойского РИКа, где местными органами власти сельсоветам летом 1933 года было предписано в декадный срок «выявить все кулацкие хозяйства и немедленно выгнать из колхозов»²³.

В указанный период происходит также фактическая ликвидация ряда «иннациональных» колхозов, десяти финских и единственного норвежского, в связи с развернувшимся военным строительством в приграничье и созданием Северного флота [17, с. 21]. Однако по формальным признакам членов подобных коллективных хозяйств было бы некорректно относить к раскулаченным, большинству из них вменялись обвинения политического характера [8, с. 93].

Рассмотрев основные этапы раскулачивания в Мурманском округе и проанализировав количественные показатели, необходимо подчеркнуть, что здесь данная политика по сравнению с традиционными сельскохозяйственными регионами не была столь масштабной. Поэтому, с одной стороны, можно согласиться с тезисом О.В. Миколок о том, что «на Мурмане не было массового раскулачивания» [10, с. 183], с другой – стоит сказать, что, с учетом немногочисленности сельского населения и малого количества сельсоветов (43 единиц)²⁴, практически в

¹⁹ГАМО. Ф. Р-162. Оп. 1. Д. 462. Л. 51.

²⁰ГАМО. Ф. Р-556. Оп. 1. Д. 77. Л. 115.

²¹ГАМО. Ф. Р-162. Оп. 1. Д. 638. Л. 6, 9.

²²ГАМО. Ф. Р-162. Оп. 1. Д. 262. Л. 14.

²³ГАМО. Ф. Р-556. Оп. 1. Д. 77. Л. 103.

²⁴ГАМО. Ф. Р-162. Оп. 1. Д. 262. Л. 1–3.

каждом из них было раскулачено хотя бы одно хозяйство. Таким образом, для немногочисленного сельского населения данный процесс имел ощутимые последствия и стал не менее трагическим, чем в крупных аграрных регионах. Наиболее малоизученным остается период с 1933-го по конец 1930-х годов, когда политические репрессии во многом оттеняли ликвидацию последних кулацких хозяйств и «новых» кулаков [1, с. 358]. Необходимо провести работу по установлению максимально точной цифры и социального состава раскулаченных

в указанные годы, а также более подробно рассмотреть экономическую составляющую таких хозяйств.

Установленные данные о количестве раскулаченных и кулацких хозяйств в дальнейшем можно будет использовать в рамках исследования «колхозного строительства» на территории современной Мурманской области в последующие периоды, где в новом юридическом статусе продолжают вести хозяйственную деятельность ряд рыболовецких и оленеводческих колхозов.

Список литературы

1. *Доброноженко Г.Ф.* «Кулаки» в социальной политике государства в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг.: на материалах Северного края: дис. ... д-ра ист. наук. Архангельск, 2010. 585 с.
2. *Гудзенко В.К.* Социалистическая коллективизация сельского хозяйства в национальных районах Кольского полуострова: дис. ... канд. ист. наук. Л., 1954. 473 с.
3. *Кедров Н.Г.* Российская историография коллективизации крестьянства: проблемы изучения // Вестн. Вологод. гос. ун-та. Сер.: Гуманит., обществ., пед. науки. 2017. № 1(4). С. 12–16.
4. *Пятовский В.П.* Коллективизация рыболовецких хозяйств Кольского полуострова. Мурманск: Кн. изд-во, 1965. 32 с.
5. *Киселев А.А.* Родное Заполярье: очерки истории Мурманской области (1917–1972 гг.) / под ред. Ю.Н. Климова. Мурманск: Кн. изд-во, 1974. 511 с.
6. *Федотов В.С.* Оленеводческий колхоз «Тундра»: [Ловозерский район]. Мурманск: Газ. «Поляр. правда», 1955. 42 с.
7. *Шашков В.Я.* Спецпереселенцы в истории Мурманской области: моногр. Мурманск: Максимум, 2004. 317, [1] с.
8. *Йентофт М.* Оставшиеся без родины: История кольских норвежцев / под науч. ред. А.А. Киселева. Мурманск: Реклам. полиграфия, 2002. 238 с.
9. *Бусырева Е.В.* Судьбы семей финских колонистов Мурманской области // Тр. Кольск. науч. центра РАН. 2015. № 1(27). С. 59–75.
10. *Миколук О.В.* Политические репрессии на Мурмане в 30-е годы XX века: дис. ... канд. ист. наук. Мурманск, 2003. 231 с.
11. *Степаненко А.* Расстрелянная семья: (Исторические очерки о кольских саамах). Мурманск, 2002. 283 с.
12. Книга Памяти: Поименный список репрессированных жителей Кольского полуострова, а также иностранных граждан, проживавших в Мурманской области / сост. С.Н. Дацинский, В.В. Воронин, В.А. Нечушкин. Мурманск: Изд.-типогр. предприятие «Север», 1997. 412 с.
13. *Аллеманн Л.* Саамы Кольского полуострова. О жизни этнического меньшинства в Советском Союзе: новые перспективы через биографическое интервью // Соц. и гуманитар. науки. Отечеств. и зарубеж. лит. Сер. 5: История: реф. журн. 2012. № 3. С. 198–203.
14. *Konstantinov Yu.* Conversations with Power: Soviet and Post-Soviet Developments in the Reindeer Husbandry Part of the Kola Peninsula. Uppsala: Uppsala Universitet, 2015. 417 p.
15. Коллективизация сельского хозяйства в Северо-Западном районе (1927–1937 гг.) / сост.: В.А. Селезнев, А.Я. Старикова; под ред. Н.А. Ивницкого. Л.: [б. и.], 1970. 424 с.
16. *Никитина О.А.* Коллективизация и раскулачивание в Карелии (1929–1932 гг.). Петрозаводск, 1997. 131 с.
17. *Семенов Д.Г.* Военное строительство на Кольском Севере в 1933–1941 годах: социальный аспект // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2012. № 6. С. 19–22.

References

1. Dobronozhenko G.F. "Kulaki" v sotsial'noy politike gosudarstva v kontse 1920-kh – pervoy polovine 1930-kh gg.: na materialakh Severnogo kraya [The Kulaks in the Country's Social Policy in the Late 1920s – First Half of the 1930s: Based on the Materials of the Northern Territory: Diss.]. Arkhangel'sk, 2010. 585 p.
2. Gudzenko V.K. *Sotsialisticheskaya kollektivizatsiya sel'skogo khozyaystva v natsional'nykh rayonakh Kol'skogo poluostrova* [Socialist Collectivization of Agriculture in the National Districts of the Kola Peninsula: Diss.]. Leningrad, 1954. 473 p.
3. Kedrov N.G. Rossiyskaya istoriografiya kollektivizatsii krest'yanstva: problemy izucheniya [The Russian Historiography on the Peasantry Collectivisation: Problems of Studying]. *Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye, obshchestvennye, pedagogicheskie nauki*, 2017, no. 1, pp. 12–16.
4. Pyatovskiy V.P. *Kollektivizatsiya rybolovetskikh khozyaystv Kol'skogo poluostrova* [Collectivization of Fisheries on the Kola Peninsula]. Murmansk, 1965. 32 p.
5. Kiselev A.A. *Rodnoe Zapolyar'ye: ocherki istorii Murmanskoy oblasti (1917–1972 gg.)* [The Beloved Arctic: Essays on the History of the Murmansk Region (1917–1972)]. Murmansk, 1974. 511 p.
6. Fedotov V.S. *Olenevodcheskiy kolkhoz "Tundra": Lovozerskiy rayon* [Reindeer Collective Farm "Tundra": Lovozero District]. Murmansk, 1955. 42 p.
7. Shashkov V.Ya. *Spetspereselentsy v istorii Murmanskoy oblasti* [Forced Settlers in the History of the Murmansk Region]. Murmansk, 2004. 317 p.
8. Jentoft M. *De som dro østover: Kola-nordmennenes historie*. Gyldendal, 2001. 270 p. (Russ. ed.: Yentoft M. *Ostavshiesya bez rodiny: Istoriya kol'skikh norvezhtsev*. Murmansk, 2002. 238 p.).
9. Busyreva E.V. Sud'by semei finskikh kolonistov Murmanskoy oblasti [Destinies of Families of the Finnish Colonists of the Murmansk Region]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN*, 2015, no. 1, pp. 59–75.
10. Mikolyuk O.V. *Politicheskie repressii na Murmane v 30-e gody XX veka* [Political Repressions on the Murman in the 1930s: Diss.]. Murmansk, 2003. 231 p.
11. Stepanenko A. *Rasstrelyannaya sem'ya: (istoricheskie ocherki o kol'skikh saamakh)* [The Executed Family: (Historical Essays on the Kola Sami)]. Murmansk, 2002. 283 p.
12. Dashchinskiy S.N., Voronin V.V., Nechushkin V.A. (comps.). *Kniga Pamyati: Poimennyy spisok repressirovannykh zhiteley Kol'skogo poluostrova, a takzhe inostrannykh grazhdan, prozhivavshikh v Murmanskoy oblasti* [Memorial Book: Name List of Repressed Residents of the Kola Peninsula as well as Foreign Citizens That Lived in the Murmansk Region]. Murmansk, 1997. 412 p.
13. Allemann L. Saamy Kol'skogo poluostrova. O zhizni etnicheskogo men'shinstva v Sovetskom Soyuze: novye perspektivy cherez biograficheskoe interv'yū [The Sami of the Kola Peninsula: On the Life of an Ethnic Minority in the Soviet Union: New Perspectives Through Oral Testimonies]. *Sotsial'nye i humanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 5: Istoriya: referativnyy zhurnal*, 2012, no. 3, pp. 198–203.
14. Konstantinov Yu. *Conversations with Power: Soviet and Post-Soviet Developments in the Reindeer Husbandry Part of the Kola Peninsula*. Uppsala, 2015. 417 p.
15. Seleznev V.A., Starikova A.Ya. (comps.). *Kollektivizatsiya sel'skogo khozyaystva v Severo-Zapadnom rayone (1927–1937 gg.)* [Collectivization of Agriculture in the Northwestern District (1927–1937)]. Leningrad, 1970. 424 p.
16. Nikitina O.A. *Kollektivizatsiya i raskulachivanie v Karelii (1929–1932 gg.)* [Collectivization and Dekulakization in Karelia (1929–1932)]. Petrozavodsk, 1997. 131 p.
17. Semenov D.G. Voennoe stroitel'stvo na Kol'skom Severe v 1933–1941 godakh: sotsial'nyy aspekt [Military Building on the Kola Peninsula in 1933–1941: The Social Aspect]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2012, no. 6, pp. 19–22.

DOI: 10.37482/2687-1505-V299

Pavel A. Chunin

Saint Petersburg State University;
Universitetskaya nab. 7-9, St. Petersburg, 199034, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-1900-9531> e-mail: pomor1996@gmail.com

DEKULAKIZATION OF FISHERIES AND REINDEER FARMS IN THE MURMANSK AREA OF THE LENINGRAD REGION IN THE 1930s

The territory of the modern Murmansk Region was spared from the “struggle for bread” and peasant risings in the early years of collectivization. It should be noted that no such class as peasantry in the traditional sense actually existed in the region, the economic life of the villages being based on coastal fishing in the basins of the White and Barents Seas as well as reindeer husbandry. Dispossession of kulaks (dekulakization) in the Murmansk Area of the Leningrad Region was not limited to the early 1930s, as it was often described in regional historiography, mostly written during the Soviet period. In the course of this research, the comparative historical and historical-systematic methods were used. In order to fill in the gaps, the author analysed documents of the executive and party authorities of the Murmansk Area, mainly kept in the State Archives of the Murmansk Region, some of them being introduced into scientific discourse for the first time. Based on the materials, the most accurate number of dispossessed farms was determined and the characteristic features of dekulakization in the region under study were identified. Moreover, the paper outlines an area of further research into the repressive policy in the period after the main waves of dekulakization up to the late 1930s. In addition, the national context of the area is considered: nonnationals living in the border regions and the presence of an indigenous small-numbered people, the Sami. These factors influenced the course of dekulakization. Noteworthy, this paper is one of the first attempts to analyse the repressive policy in the Murmansk Area as a separate problem. The results of the research can serve as the basis for a comprehensive historical study on collectivization in the region.

Keywords: *collectivization, dekulakization, kulak farm, Murmansk Area, fishery, reindeer farm, nonnational collective farms.*

Поступила 20.06.2023
Принята 28.09.2023
Опубликована 30.10.2023

Received 20 June 2023
Accepted 28 September 2023
Published 30 October 2023

For citation: Chunin P.A. Dekulakization of Fisheries and Reindeer Farms in the Murmansk Area of the Leningrad Region in the 1930s. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 5, pp. 16–24. DOI: 10.37482/2687-1505-V299

АРХИПОВА Ирина Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры романо-германских языков Новосибирского государственного педагогического университета. Автор 270 научных публикаций, в т. ч. 8 монографий*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0685-335X>

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ НЕМЕЦКИХ ДЕВЕРБАТИВОВ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ТАКСИСА

Настоящая статья посвящена описанию семантического потенциала немецких девербатов, реализующих различные таксисные функции в высказываниях с предлогами обстоятельственной семантики. Материалом данного исследования являются немецкие высказывания, включающие в себя девербаты с предлогами, полученные методом направленной выборки из баз данных Электронного словаря немецкого языка и Лейпцигского национального корпуса. В ходе работы использовались описательный, индуктивный, гипотетико-дедуктивный методы, а также метод обобщения и интерпретации языкового материала и контекстуальный анализ. Наследуя лексическую семантику производящих глаголов, девербаты демонстрируют семантическую соотносительность с ними. Наряду с глагольной семантикой они наследуют и свойство таксисности, т. е. способность к актуализации таксисных категориальных значений. Помимо семантики производящего глагола-основы, таксисность связана и со способом словообразования соответствующего девербата. В связи с этим целью данной статьи является описание немецких девербатов различной лексической и деривационной семантики, выступающих в качестве средства актуализации таксисных категориальных значений в высказываниях с предложными конструкциями. В ходе исследования установлено, что статальные девербаты, обладающие максимальной степенью таксисности, актуализируют примарно-таксисные значения. Арсенал реализуемых таксисных функций процессуальных девербатов включает примарно-таксисные и кондиционально-таксисные. К статальным и процессуальным именам относятся субстантивированные инфинитивы и имена на -ung. Акциональные девербаты различной деривационной семантики (субстантивированные инфинитивы, суффиксальные производные на -ung, -e, -t и безаффиксные имена) реализуют максимальное количество таксисных функций (примарно-таксисных, секундарно-таксисных). Некоторые процессуальные и акциональные девербаты на -ung характеризуются «опредмеченными» значениями статальности и результата действия, в связи с чем они ограничены в своих таксисных реализациях.

Ключевые слова: таксис, девербатов, акциональный семантический потенциал, таксисность, таксисные функции, таксисная актуализация, немецкий язык.

*Адрес: 630126, Россия, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, д. 28; e-mail: irarch@yandex.ru

Для цитирования: Архипова И.В. Семантический потенциал немецких девербатов сквозь призму таксиса // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 5. С. 25–33. DOI: 10.37482/2687-1505-V287

Вопросы описания немецких deverbatивов различной лексической и деривационной семантики, а также проблемы их синтаксиса и функционирования в определенных типах дискурса освещаются в работах ряда отечественных языковедов (И.В. Архипова, А.В. Гутникова, И.В. Волкова, Е.В. Болотова, Т.С. Глушак, В.Ф. Балакирев, Н.Н. Зольникова, Р.Х. Карисова, Н.А. Маслова и др.) [1–12]. Кроме того, современные лингвисты исследуют немецкие deverbatивы в сопоставительном аспекте, проводя сравнительный анализ отглагольных имен с привлечением материалов русского и английского языков [1; 2]. Е.В. Болотова анализирует вопрос функционирования deverbatивов в немецкоязычных газетных текстах [3]. Языковед И.В. Волкова определяет функциональный статус немецких отглагольных имен [4]. А.В. Гутникова рассматривает безаффиксные образования в диахроническом аспекте [5]. Т.С. Глушак и В.Ф. Балакирев описывают языковой статус таких аффиксальных производных имен, как имена на *-ung* [6]. Н.Н. Зольникова изучает весь арсенал словообразовательных моделей отглагольных существительных немецкого языка [7]. Помимо деривационной семантики в фокусе ряда исследований находятся лексическая и синтаксическая семантика немецких deverbatивов. Так, Р.Х. Каримова и Е.В. Болотова проводят детальный структурно-семантический анализ производных с суффиксом *-ung* в немецком языке [8, с. 72–79]. Н.А. Маслова подробно описывает лексическую семантику и синтаксис тех же немецких производных имен существительных на *-ung*, в т. ч. имен-композиций [9; 10].

Как правило, все исследователи указывают на двойственную природу отглагольных имен, имеющих особый частеречный статус и латентно репрезентирующих морфологические категории производящих глаголов. Deverbatивы являются результатом глагольно-именного синтеза и представляют собой некий симбиоз процессуальных (глагольных) и предметных (именных) значений. Они сохраняют лексическую семантику производящих глаголов, явля-

ясь синтаксическими дериватами с полной или частичной семантической соотносительностью с производящими (мотивирующими) глаголами.

Вне поля исследования отечественных языковедов находится присущее deverbatивам различной лексической и деривационной семантики свойство таксисности, т. е. способность к реализации таксисных категориальных значений.

Целью настоящей работы является описание семантического потенциала немецких deverbatивов, выступающих в качестве средства актуализации таксисных категориальных значений в высказываниях с предложными конструкциями.

К основным задачам исследования относятся выявление факторов, определяющих таксисный потенциал deverbatивов различной лексической (статальной, акциональной, процессуальной) и деривационной семантики, а также описание таксисных функций deverbatивов в составе предложных конструкций. Среди рассмотренных deverbatивов выделяются субстантивированные инфинитивы (т. е. имена на *-en*), суффиксальные производные (в частности, имена на *-ung*, *-e*, *-t*), а также безаффиксные образования.

Актуальность данного исследования связана с недостаточной степенью описанности лексической семантики немецких deverbatивов различных деривационных моделей и их семантической соотносительности с производящими глаголами в контексте актуализации таксисных категориальных значений.

Теоретическая значимость работы обусловлена изучением семантического потенциала deverbatивных имен существительных различной семантики (лексической, словообразовательной) как средства таксисной актуализации в современном немецком языке. Практическая ценность исследования может быть связана с использованием его результатов в практике преподавания теории языка и функциональной грамматики в языковом вузе или на языковом факультете.

Материалом послужили немецкие высказывания, включающие в себя deverbatивы с обстоятельными предложениями темпоральной и другой семантики, полученные методом направленной выборки из баз данных Электронного сло-

варя немецкого языка (DWDS)¹ и Лейпцигского национального корпуса (LC)². Общее количество рассмотренных высказываний с предложно-девербативными сочетаниями составило более 25 тыс. единиц.

В ходе исследования использовались описательный, индуктивный, гипотетико-дедуктивный методы, а также метод обобщения и интерпретации языкового материала и контекстуальный анализ.

Немецкие статальные девербативы обозначают некоторые физические или физиологические состояния одушевленного субъекта (см. субстантивированные имена или имена на *-en* *das Sitzen, das Liegen, das Stehen, das Wachen*). Для таких статальных имен характерна полная или абсолютная семантическая соотносительность с производящими глаголами статальной семантики. Они наследуют глагольную семантику статальности и характеризуются максимальной степенью таксисности. При употреблении с темпоральными предлогами *in, bei* данные имена актуализируют примарно-таксисные категориальные значения одновременности, например:

(1) Er hatte **im Wachen** ausgesprochen, was andere, was man selbst vielleicht im Traume denkt! [DWDS].

(2) Die Füße des Kindes stehen **beim Sitzen** flach auf dem Boden [DWDS].

(3) **Beim Stehen** wurde das Gepäck noch schwerer [DWDS].

В приведенных примерах статальные девербативы *das Wachen, das Sitzen, das Stehen*, реализуют функцию примарного (хронологического) таксиса одновременности.

Немецкие процессуальные девербативы обозначают психические/ментальные процессы (*das Erwägen, das Abwägen, das Erinnern, das Nachdenken, das berlegen, die Erinnerung, die Berlegung* и др.), а также различные физиологические процессы (*das Hören, das Zuhören, das Schauen, das Zuschauen, das Sehen, das Zusehen, das Betrachten, das Beobachten, die Betrachtung,*

die Beobachtung, das Schlafen, das Einschlafen, das Erwachen, das Atmen, das Einatmen, das Sprechen, das Schweigen и др.). Производящими являются процессуальные глаголы психической деятельности (*nachdenken, (sich) überlegen, sich erinnern, abwägen, erwägen* и др.), чувственного восприятия (*hören, zuhören, schauen, zuschauen, sehen, zusehen, beobachten, betrachten* и др.), а также глаголы, обозначающие физиологические процессы (*atmen, einatmen, schlafen, einschlafen, sprechen, schweigen* и др.). К таким девербативам относятся, как правило, субстантивированные инфинитивы и суффиксальные имена на *-ung*.

Процессуальные девербативы, в большинстве случаев, сохраняют полную семантическую соотносительность с производящими глаголами процессуальной семантики и характеризуются максимальной степенью таксисности. В сочетании с темпоральными предлогами *während, mit, bei, in, nach, seit, vor, bis* они реализуют примарно-таксисные категориальные значения одновременности и разновременности. При употреблении с другими обстоятельственными предлогами (*bei, unter, für, zu, durch* и др.) они актуализируют кондиционально-таксисные, финально-таксисные, медиально-таксисные и другие категориальные значения одновременности.

В следующих высказываниях с темпоральными предлогами *bei* и *nach* процессуальные девербативы *das Atmen, das Schlafen, das Beobachten, das Betrachten*, являющиеся субстантивированными инфинитивами, реализуют примарно-таксисные функции одновременности и следования:

(4) Das stellt die Fahrer **beim Atmen** und auch die Motoren vor eine besondere Herausforderung [DWDS].

(5) Ich lüge noch **beim Schlafen** [DWDS].

(6) **Beim Beobachten des einen oder anderen** kommt die Idee, dass die Funktionskleidung lediglich dem Umgehen der Maskenpflicht dient [LC].

¹DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de/> (дата обращения: 10.10.2022).

²LC – Leipzig Corpora Collection. URL: <https://www.wortschatz.uni-leipzig.de/de> (дата обращения: 10.10.2022).

(7) Siebert blieb *nach dem Betrachten der TV-Bilder* letztlich keine andere Wahl, als auf Elfmeter für Borussia Dortmund zu entscheiden [LC].

В приведенных ниже высказываниях посредством процессуальных девербативов *das Betrachten* и *das Beobachten* актуализованы кондиционально-таксисное, финально-таксисное и инструментально-таксисное значения одновременности:

(8) *Bei näherem Betrachten* erkannten sie, dass im Eis ein menschlicher Körper eingefroren war [LC].

(9) Natürlich hab ich *beim genaueren Betrachten anderer Filme* meine Naivität verloren [DWDS].

(10) Die Bevölkerung wird *zum Beobachten* eingeladen [LC].

(11) Auch Hirten erforscht andere Erkrankungen und Infekte *durch Beobachten der Herzfrequenzvariabilität* [LC].

В примерах (8), (9) процессуальный девербатив *das Betrachten* с кондициональным предлогом *bei* и атрибутами *näher, genauer* реализует функцию актуализатора кондиционального таксиса одновременности. В примерах (10), (11) тот же девербатив *das Beobachten* употребляется с финальным предлогом *zu* и инструментальным предлогом *durch*. Он актуализирует финально-таксисное (см. высказывание (10)) и инструментально-таксисное (см. высказывание (11)) значения одновременности.

Некоторые процессуальные имена на -ung и субстантивированные инфинитивы с частичной семантической соотносительностью с производящими глаголами получают в процессе деривации дополнительные семы статальности. Они обозначают психические/физические состояния субъекта (см. имена *die Aufregung, die Erregung, die Begeisterung, die Befriedigung, die Bewunderung, die Verwunderung, die Verzweiflung, die Verwirrung, das Erstaunen, das Erschrecken* и др.) и в меньшей степени сохраняют свойство таксисности. Такие девербативы оказываются способными к актуализации лишь некоторых примарно-таксисных или секундарно-таксисных функций. При употреблении с темпоральным предлогом *bei* они актуализуют примарно-таксисную

функцию одновременности. В сочетании с предлогами модальной семантики *in, mit* и каузальными предлогами *wegen, aus, vor* такие имена участвуют в процессе актуализации модально-таксисных и каузально-таксисных значений одновременности, ср.:

(12) *Bei der Begeisterung für diese Art der Fortbewegung* gibt es sowohl regionale als auch geschlechtsspezifische Unterschiede [LC].

(13) *Mit ihrer Begeisterung* reißen sie die routinierten Spieler mit [LC].

(14) Er stellte sich ihre Schwänze *in Erregung* vor... [LC].

(15) Er wurde *wegen der Erregung eines öffentlichen Ärgernisses* angezeigt [LC].

(16) Die Alten behandelten diese Phänomene *mit Bewunderung*... [LC].

(17) Und wir sind starr *vor Bewunderung*... [DWDS].

(18) Vermutlich war es Richardson *in ihrer Verzweiflung* schlicht egal, ob sie erwischt wird [LC].

(19) *Aus Verzweiflung* greift sie erneut zu Alkohol und Tabletten und erleidet einen Zusammenbruch [LC].

(20) Nun sehen sie *mit Staunen*, dass sogar Länder wie Marokko das Impfen besser hinkriegen [LC].

(21) Den wenigen Gäste im BordBistro blieb *vor Staunen* der Mund offen [LC].

В примерах (12), (13) девербатив *die Begeisterung* актуализирует примарно-таксисное и модально-таксисное значения одновременности. В примерах (14), (15) девербатив *die Erregung* реализует модально-таксисное и каузально-таксисное значения одновременности. В высказываниях (16), (17) девербатив *die Bewunderung* выступает в качестве актуализатора модально-таксисного и каузально-таксисного значений. В примерах (18), (19) девербатив *die Verzweiflung* также выполняет функцию актуализатора модально-таксисного и каузально-таксисного значений одновременности. В примерах (20), (21) девербатив *das Staunen* реализует те же варианты секундарно-таксисных категориальных значений – модально-таксисное и каузально-таксисное.

Акциональные девербативы обозначают физическую или умственную (ментальную) де-

тельность субъекта (см. имена *das Waschen, das Laufen, das Lesen, das Wandern, das Gehen* и др.), а также конкретные физические или речемыслительные и другие действия-акции (см. имена *das Ausziehen, die Beschuldigung, die Anschuldigung, die Begrüßung, die Begründung, die Befragung, die Erwähnung, die Aufzählung, die Erzählung, die Verbreitung, die Feststellung, die Forderung, die Aufforderung, die Verlesung, die Behauptung, die Verhaftung, die Vertreibung, die Verbannung, die Ablehnung, die Zurückweisung, die Abweisung, die Verhöhnung, die Verweigerung, die Eröffnung* и др.). Кроме того, к ним следует отнести имена действия с дополнительной семой «событийность» (см. *der Abschied, die Landung, die Beratung, die Trennung, die Scheidung, die Unterredung, die Unterhaltung, die Vernehmung, die Abreise, die Ankunft, der Weggang, der Wegzug, der Besuch, der Angriff* и др.). К таким именам относятся субстантивированные инфинитивы, суффиксальные производные на *-ung, -t, -e* и безаффиксные образования.

Акциональные имена представляют собой достаточно гетерогенный класс deverбатов, которые могут полностью или частично сохранять семантическую соотносительность с производящими (мотивирующими) глаголами. При полной семантической соотносительности акциональные имена в максимальной степени наследуют глагольное свойство таксисности и являются активными участниками актуализации различных таксисных значений – примарно-таксисных и секундарно-таксисных. Спектр реализуемых ими таксисных функций достаточно широк. В сочетании с темпоральными предложениями акциональные имена реализуют функции примарного (хронологического) таксиса одновременности, разновременности и следования, а при употреблении с другими обстоятельственными предложениями (инструментальными, кондициональными, concessивными, каузальными и др.) актуализируют различные секундарно-таксисные значения одновременности, например:

(22) *Beim Abschied* fiel mir ein, dass ich ja noch mal nach dem Schmerz fragen wollte [LC].

(23) *Mit der Verbreitung des Rundfunks* um 1920 entstand eine neue Kategorie von

Bauten, die Sende- und Empfangsanlagen mit eigenen Gestaltungsmerkmalen und den hohen Antennentürmen als markantestem Bauelement [LC].

(24) Sie werden *nach dem Ausziehen* in einen Wassertrog geworfen... [LC].

(25) Flecken werden am besten schon *vor dem Waschen* behandelt... [LC].

(26) Sven, der Tauchlehrer, erzählt die Geschichte *seit deren Ankunft* und nur wenig über ihre Abreise hinaus [LC].

(27) Er zeigt die neun Monate an *bis zur Scheidung* von Tisch und Bonn [LC].

В вышеприведенных примерах (22)–(27) акциональные deverбатовы различной деривационной семантики *der Abschied, die Verbreitung, das Ausziehen, das Waschen, die Ankunft, die Scheidung* реализуют все варианты примарно-таксисных категориальных значений – одновременности, следования и предшествования.

В следующих примерах посредством акциональных deverбатов на *-ung* со значением действий-акций актуализованы почти все варианты секундарно-таксисных значений (кроме модально-таксисных и кондиционально-таксисных) – каузально-таксисные, concessивно-таксисные, консекутивно-таксисные, медиально-таксисные и финально-таксисные:

(28) *Aufgrund der Abweisung der Anträge* besteht nun auch eine Kostenersatzpflicht... [LC].

(29) Frontex steht bereits seit Monaten *wegen angeblicher illegaler Zurückweisung von Flüchtlingen* unter Druck [LC].

(30) *Trotz der Ablehnung der Räte* wird die Bauvoranfrage im November im Technischen Ausschuss diskutiert [LC].

(31) Dem Handelsregister ist zu entnehmen, dass die 1991 gegründete „Aubis Konzept GmbH“, ein wichtiger Teil ihres Firmenimperiums, im Januar *infolge Eröffnung eines Insolvenzverfahrens* aufgelöst wurde [LC].

(32) Amazon reagiert *mit der Verbannung von Plastik* auf die massive Kritik von Umweltorganisationen [LC].

(33) Vor zwei Jahren plakatierten die Grünen noch „Wen würde der Anstand wählen?“ und nun

агиerten sie als „Beitragstäter“ *zur schwarzen Verhöhnung von Parlament, Rechtsstaat und Verfassung* [LC].

В приведенных выше примерах с предложениями каузальной, concessивной, консекutiveй, медиальной и финальной семантики *wegen, aufgrund, trotz, infolge, durch, mit, zu* посредством акциональных имен на -ung *die Abweisung, die Zurückweisung, die Ablehnung, die Eröffnung, die Verbannung, die Verhöhnung* актуализованы каузально-таксисные (см. высказывания (28), (29)), concessивно-таксисное (см. высказывание (30)), медиально-таксисное (см. пример (32)) и финально-таксисное (см. пример (33)) категориальные значения одновременности.

Акциональные deverбаты на -ung с частичной степенью семантической соотносительности, в частности «информативные» имена результативной семантики (см. имена на -ung *die Begründung, die Erwähnung, die Feststellung, die Behauptung, die Forderung, die Drohung, die Bedrohung, die Aufforderung, die Aufzählung, die Erzählung* и др.) отличаются меньшей степенью таксисности. Они характеризуются осложненной семантической структурой с «синкрет-вкраплением» дополнительной семы «результат действия». В процессе деривации они приобретают «опредмеченные» результативные значения. Кроме того, в определенном контекстуальном окружении такие deverбаты могут терять свойство таксисности и употребляться как имена конкретно-предметной семантики.

В следующих высказываниях акциональные deverбаты результативной «опредмеченной» семантики *die Erwähnung, die Drohung, die Erzählung, die Aufzählung, die Aufforderung* сохраняют свойство таксисности и реализуют функции актуализаторов примарно-таксисных значений следования (см. примеры (34), (35)), одновременности (см. пример (36)), а также медиально-таксисного и concessивно-таксисного значений одновременности (см. пример (38)):

(34) *Nach der Erwähnung*, dass auch Zweifler aus der gesellschaftlichen Mitte Unmut äußern, hebt die Talkrunde auf die extremen Ränder der Proteste ab [LC].

(35) *Nach der Drohung mit Negativzinsen* auch für niedrigere Spareinlagen heben Kunden in MV vermehrt Bargeld ab [LC].

(36) Wir waren *während dieser Erzählung* eine gute Strecke vorwärts gekommen... [DWDS].

(37) Der reagiert *mit einer Aufzählung all der Neuerungen*, die er als Bundesfinanzminister auf den Weg gebracht hat [LC].

(38) *Trotz Aufforderung* weigerte er sich, eine Maske zu tragen als auch seine Personalien preiszugeben [LC].

В следующих примерах deverбаты на -ung *die Erzählung* и *die Aufzählung* употребляются в конкретно-предметном значении и теряют способность к таксисной актуализации:

(39) Europa hat *in dieser Erzählung* die Rolle der jeweiligen Heimatländer eingenommen [LC].

(40) Die Schweizer Staatsfinanzen sind *in dieser Aufzählung* aktuell aber wirklich am wenigsten gefährdet [LC].

Таким образом, немецкие статальные, процессуальные и акциональные deverбаты наследуют лексическую семантику производящих глаголов, обнаруживая различную степень семантической соотносительности с ними, а также свойство таксисности, т. е. способность к актуализации таксисных значений. Помимо семантики производящего глагола-основы, таксисность связана и со способом словообразования соответствующего deverбата (субстантивация, суффиксация, безаффиксное словопроизводство). В частности акциональные и процессуальные deverбаты с суффиксом -ung приобретают «опредмеченные» значения результата действия или состояния, что, в свою очередь, может ограничивать их таксисный потенциал.

Максимальной степенью таксисности отличаются статальные deverбаты, характеризующиеся полной семантической соотносительностью с производящими глаголами статальной семантики. При употреблении с темпоральными предложениями они реализуют примарно-таксисные функции одновременности. Таковыми являются, как правило, субстантивированные инфинитивы и суффиксальные имена на -ung.

Процессуальные девербативы отличает более разнообразный перечень реализуемых таксисных функций. Они способны к актуализации как примарно-таксисных, так и кондиционально-таксисных значений одновременности. К ним также относятся субстантивированные инфинитивы и имена на -ung.

Для акциональных имен характерно максимальное разнообразие актуализируемых таксисных функций – как примарно-таксисных, так и секундарно-таксисных. Таковыми являются акциональные девербативы различной деривационной семантики – субстантивированные инфинитивы, суффиксальные производные на -ung, -t, -e и безаффиксные образования.

Лишь некоторые процессуальные и акциональные девербативы с частичной семантической соотносительностью с производящими глаголами приобретают «опредмеченные» значения состояния или результата действия и характеризуются минимальной степенью таксисности, что, в свою очередь, обуславливает определенную ограниченность в их таксисных актуализациях. К ним относятся некоторые суффиксальные девербативы на -ung.

Процессуальные девербативы отличает более разнообразный перечень реализуемых таксисных функций. Они способны к актуализации как примарно-таксисных, так и кондиционально-таксисных значений одновременности. К ним также относятся субстантивированные инфинитивы и имена на -ung.

Список литературы

1. Матасова О.В., Уфимцева О.А. Девербативы в германских языках: сопоставительный анализ на материале немецкого и английского языков // Язык. Социум. Культура: сб. науч. ст. Саратов: Саратов. соц.-экон. ин-т (фил.) РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2017. С. 24–28.
2. Мирошникова З.А., Матасова О.В. Сопоставительный анализ деривационных рядов девербативов (на материале русского и немецкого языков) // Наука и общество. 2016. № 1(24). С. 101–108.
3. Болотова Е.В. О словообразовательной тенденции отглагольных существительных в немецкоязычных газетных текстах // Докл. Башкир. ун-та. 2019. Т. 4, № 1. С. 108–112.
4. Волкова И.В. О статусе отглагольных имен в современном немецком языке // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: Лингвистика. 2015. № 4. С. 147–154. DOI: [10.18384/2310-712X-2015-4-147-154](https://doi.org/10.18384/2310-712X-2015-4-147-154)
5. Глушак Т.С., Балакирев В.Ф. О статусе отглагольных существительных в языке (на примере производных с суффиксом -ung) // Иностр. языки в школе. 1980. № 5. С. 17–22.
6. Гутникова А.В. Анализ семантической структуры безаффиксных именных производных в средневерхне-немецком языке // Вестн. Курган. гос. ун-та. 2019. № 1(52). С. 25–29.
7. Зольникова Н.Н. Словообразовательные модели отглагольных существительных немецкого языка // Наука и культура России. 2015. Т. 1. С. 225–229.
8. Каримова Р.Х., Болотова Е.В. Структурно-семантический анализ производных с суффиксом -ung в немецком языке (на материале газетной лексики) // Вестн. Томск. гос. пед. ун-та. 2020. № 5(211). С. 72–79. DOI: [10.23951/1609-624X-2020-5-72-79](https://doi.org/10.23951/1609-624X-2020-5-72-79)
9. Маслова Н.А. Семантика и синтаксис производных имен существительных в современном немецком языке. Казань: Казан. ун-т, 1985. 170 с.
10. Маслова Н.А. Процессуальные композиты-номинализации немецкого языка в сопоставительном аспекте // Иностранные языки в современном мире: состояние и тенденции развития системы оценивания в образовании: сб. ст. VIII Междунар. науч.-практ. конф., Казань, 24 июня 2015 г. Казань: Казан. (Приволж.) федер. ун-т, 2015. С. 66–73.
11. Архипова И.В. Категория таксиса в разноструктурных языках: моногр. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2020. 173 с.
12. Архипова И.В. Девербативы на -en в свете таксисной актуализации (на материале немецкого языка) // Вестн. Юж.-Урал. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика. 2023. Т. 20, № 2. С. 5–10. DOI: [10.14529/ling230201](https://doi.org/10.14529/ling230201)

References

1. Matasova O.V., Ufimtseva O.A. Deverbativy v germanskikh yazykakh: sopostavitel'nyy analiz na materiale nemetskogo i angliyskogo yazykov [Deverbatives in Germanic Languages: A Comparative Analysis Based on the German and English Languages]. *Yazyk. Sotsium. Kul'tura* [Language. Society. Culture]. Saratov, 2017, pp. 24–28.

2. Mirosnikova Z.A., Matasova O.V. Sopostavitel'nyy analiz derivatsionnykh ryadov deverbativov (na materiale russkogo i nemetskogo yazykov) [Comparative Analysis of Derivational Rows of Deverbatives (Based on the Russian and German Languages)]. *Nauka i obshchestvo*, 2016, no. 1, pp. 101–108.

3. Bolotova E.V. O slovoobrazovatel'noy tendentsii otglagol'nykh sushchestvitel'nykh v nemetskoyazychnykh gazetnykh tekstakh [On the Word-Formation Tendency of Verbal Nouns in German-Language Newspaper Texts]. *Doklady Bashkirskogo universiteta*, 2019, vol. 4, no. 1, pp. 108–112.

4. Volkova I.V. O statuse otglagol'nykh imen v sovremennom nemetskom yazyke [On the Status of Verbal Nouns in Modern German]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser.: Lingvistika*, 2015, no. 4, pp. 147–154. DOI: [10.18384/2310-712X-2015-4-147-154](https://doi.org/10.18384/2310-712X-2015-4-147-154)

5. Glushak T.S., Balakirev V.F. O statuse otglagol'nykh sushchestvitel'nykh v yazyke (na primere proizvodnykh s suffiksom -ung) [On the Status of Verbal Nouns in a Language (Exemplified by Derivatives with the Suffix -ung)]. *Inostrannye yazyki v shkole*, 1980, no. 5, pp. 17–22.

6. Gutnikova A.V. Analiz semanticheskoy struktury bezaffiksnykh imennykh proizvodnykh v sredneverkhnenemetskom yazyke [Analysis of the Semantic Structure of the Non-Annual Nominal Derivatives in the Middle High German Language]. *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, no. 1, pp. 25–29.

7. Zol'nikova N.N. Slovoobrazovatel'nye modeli otglagol'nykh sushchestvitel'nykh nemetskogo yazyka [Word-Formation Models of Verbal Nouns in the German Language]. *Nauka i kul'tura Rossii*, 2015, vol. 1, pp. 225–229.

8. Karimova R.Kh., Bolotova E.V. Strukturno-semanticheskii analiz proizvodnykh s suffiksom -ung v nemetskom yazyke (na materiale gazetnoy leksiki) [Structural-Semantic Analysis of Derivatives with the Suffix -ung in the German Language (the Study of Newspaper Vocabulary)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2020, no. 5, pp. 72–79. DOI: [10.23951/1609-624X-2020-5-72-79](https://doi.org/10.23951/1609-624X-2020-5-72-79)

9. Maslova N.A. *Semantika i sintaksis proizvodnykh imen sushchestvitel'nykh v sovremennom nemetskom yazyke* [Semantics and Syntax of Derived Nouns in Modern German]. Kazan, 1985. 170 p.

10. Maslova N.A. Protseessual'nye kompozity-nominalizatsii nemetskogo yazyka v sopostavitel'nom aspekte [Processual Composite Nominalizations of the German Language in a Comparative Aspect]. *Inostrannye yazyki v sovremennom mire: sostoyanie i tendentsii razvitiya sistemy otsenivaniya v obrazovanii* [Foreign Languages in the Modern World: State and Trends in the Development of the Assessment System in Education]. Kazan, 2015, pp. 66–73.

11. Arkhipova I.V. *Kategoriya taksisa v raznostrukturnykh yazykakh* [The Category of Taxis in Languages with Different Structures]. Novosibirsk, 2020. 173 p.

12. Arkhipova I.V. Deverbativy na -en v svete taksisnoy aktualizatsii (na materiale nemetskogo yazyka) [Deverbatives Ending with -en in View of Taxis Actualization (Based on the German Language)]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Lingvistika*, 2023, vol. 20, no. 2, pp. 5–10. DOI: [10.14529/ling230201](https://doi.org/10.14529/ling230201)

DOI: 10.37482/2687-1505-V287

Irina V. Arkhipova

Novosibirsk State Pedagogical University;

ul. Vilyuyskaya 28, Novosibirsk, 630126, Russian Federation;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0685-335X> e-mail: irarch@yandex.ru

SEMANTIC POTENTIAL OF GERMAN DEVERBATIVES THROUGH THE PRISM OF TAXIS

This article describes the semantic potential of German deverbatives that perform various taxis functions in utterances with prepositions having adverbial semantics. The material of this study includes German utterances containing deverbatives with prepositions, obtained by purposive

---

For citation: Arkhipova I.V. Semantic Potential of German Deverbatives Through the Prism of Taxis. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 5, pp. 25–33. DOI: 10.37482/2687-1505-V287

sampling using the databases of the *Digital Dictionary of the German Language (Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache)* and *Leipzig Corpora Collection (Wortschatz Leipzig)*. The author applied the following methods: descriptive, inductive, and hypothetical-deductive, as well as generalization and interpretation of linguistic material and contextual analysis. Taking on the lexical meanings of the source verbs, deverbatives demonstrate semantic correlation with them. Along with verbal semantics, they inherit “taxisness”, i.e. an ability to actualize categorial taxis meanings. In addition to the semantics of the source verb, “taxisness” is associated with the way of word formation of the corresponding deverbative. In this regard, the purpose of the article was to describe German deverbatives with various lexical and derivational semantics acting as a means of actualizing categorial taxis meanings in utterances with prepositional constructions. In the course of the study, the author found that stative deverbatives, which have the maximum degree of “taxisness”, actualize primary taxis meanings. The implemented taxis functions of processual deverbatives include primary and conditional taxis functions. Stative and processual nouns include nominalized infinitives and nouns ending in *-ung*. Actional deverbatives with various derivational semantics (nominalized infinitives, suffixal derivatives ending in *-ung*, *-e*, *-t* and non-affixal nouns) perform the maximum number of taxis functions (primary and secondary taxis functions). Some processual and actional deverbatives ending in *-ung* are characterized by “objectified” meanings of stativeness and result of an action and are, therefore, limited in their taxis realizations.

Keywords: *taxis, deverbative, actional semantic potential, “taxisness”, taxis functions, taxis actualization, German language.*

Поступила 30.01.2023
Принята 12.09.2023
Опубликована 30.10.2023

Received 30 January 2023
Accepted 12 September 2023
Published 30 October 2023

УДК 81'374:[811.161.1+811.112.2]

DOI: 10.37482/2687-1505-V290

*МАЛЬЦЕВА Лилия Геннадьевна, аспирант
кафедры германской и романской филологии Государственного университета просвещения (Москва).
Автор 10 научных публикаций*
ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-2577-3686>*

НОРМАТИВНО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В УЧЕБНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ (на материале немецкого и русского языков)

Понятие «нормативно-стилистическая окраска» фразеологических единиц является одним из ключевых в лингвистике. Тем не менее прослеживается недостаточная проработанность данного вопроса на лексикографическом уровне, что обуславливает актуальность этого исследования. Цель настоящей статьи – выявление основных характеристик нормативно-стилистической окраски фразеологических единиц, вербализующих концепт «Общение» на материале немецкого и русского языков, для формирования универсальной системы помет как одной из составляющих словарной статьи учебного фразеологического словаря. Систематизация эмпирической базы по данной теме была осуществлена с помощью описательного метода; метод сплошной выборки из лексикографических источников дал возможность собрать материал и проанализировать его на предмет нормативно-стилистической характеристики; сопоставительный метод позволил провести исследование и описание языков (немецкого и русского) через их системное сравнение друг с другом с целью выявления их специфичности. Анализ отобранного материала в количестве 1390 фразеологических единиц немецкого и русского языков выявил их нормативно-стилистические характеристики, что вызвало необходимость их дальнейшей систематизации. Методика, разработанная в данной статье, может способствовать модернизации общей системы стилистических помет в учебной фразеологической практике с целью определения и уточнения специфики функционирования фразеологических единиц в различных дискурсивных ситуациях. Теоретическая и практическая значимость исследования заключаются в возможности использования полученных результатов в сопоставительной лексикологии и фразеологии, в частности в лексикографической деятельности при создании фразеологического словаря – на этапе внедрения в словарную статью универсальной системы помет для немецкого и русского языков.

Ключевые слова: *фразеологическая единица, нормативно-стилистическая характеристика, стилистическая помета, учебный фразеологический словарь, фразеология немецкого языка, фразеология русского языка.*

*Адрес: 141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24; e-mail: Maltsevalg@yandex.ru

Для цитирования: Мальцева Л.Г. Нормативно-стилистическая характеристика фразеологических единиц в учебной лексикографии (на материале немецкого и русского языков) // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 5. С. 34–44. DOI: 10.37482/2687-1505-V290

Словарный состав любого современного языка характеризуется разносторонностью. В процессе своего развития и формирования национальный язык (в данном случае – немецкий и русский) все больше дифференцировался, что повлияло на разграничение его словарного состава. Стилистическая дифференциация, в частности фразеологических единиц (ФЕ), также нашла выражение в данном разграничении, что способствует их правильному, уместному употреблению в речи. Сведения о стилистических характеристиках ФЕ, как правило, отражены в системе помет того или иного лексикографического источника, однако единая система помет в настоящее время разработана недостаточно. Рассматривая данное понятие, В.В. Виноградов отмечал, что стилистические пометы «помогают точнее и глубже понять стилистические особенности словаря литературного языка, своеобразия разных его типов» [1, с. 209].

Цель данного исследования – выявление основных характеристик нормативно-стилистической окраски ФЕ, вербализующих концепт «Общение» на материале немецкого и русского языков, для разработки универсальной системы помет учебного фразеологического словаря.

В качестве объекта изучения выступают нормативно-стилистические характеристики ФЕ немецкого и русского языков, вербализующие концепт «Общение».

Ввиду отсутствия единой точной системы нормативно-стилистических помет в лексикографических источниках немецкого и русского языков, что было выявлено на этапе установления стилистической градации ФЕ, актуальность настоящего исследования заключается в попытке рационализации данной системы. Новизна работы заключается в установлении и описании единой системы нормативно-стилистических помет ФЕ немецкого и русского языков в учебном фразеологическом словаре.

Теоретической базой исследования стали труды таких отечественных лингвистов, как А.Е. Гусева, Ю.Г. Кузнецова, Н.А. Вапник, К.М. Манукян, О.В. Загоровская, Е.Д. Бирюкова,

К.С. Кочергина, Е.В. Пурицкая, Д.И. Панков и др. [2–9]. В работе А.Е. Гусевой был проведен анализ состояния сопоставительных фразеологических исследований, который подтвердил важность и актуальность сопоставительного метода в лингвистических исследованиях [3]. Гусева в рамках своей статьи обобщила данные фразеологических словарей (общепризнанные лексикографические источники немецкого и русского языков) касательно нормативно-стилистических характеристик ФЕ с целью создания лексико-фразеологического словаря на идеографической основе, материал которого вербализует основные коммуникативные концепты ментальной деятельности человека. В соавторстве с Ю.Г. Кузнецовой она на материале английского языка разработала определенную систему стилистических помет, способствующую определению особенностей функционирования ФЕ в различных дискурсивных ситуациях [4]. Н.А. Вапник выявила и проанализировала системы стилистических помет во фразеологических словарях современного английского языка [5]. К.М. Манукян установила главную причину сложности в определении стилистической характеристики ФЕ молодежного жаргона современного немецкого языка [6]. О.В. Загоровская и Е.Д. Бирюкова в рамках исследования представили результаты по разработке комплексного учебного нормативно-стилистического словаря русского языка культурологической направленности [7]. К.С. Кочергина предложила подход к объективации стилистической характеристики слов, заключающийся в сопоставлении данных на основе нескольких лексикографических источников [8]. Е.В. Пурицкая и Д.И. Панков рассмотрели проблемы нормативно-стилистического маркирования лексики в академических словарях русского языка и разработали стилистический справочный отдел в электронной словарной базе данных, что способствует моделированию системы современного русского литературного языка с точки зрения ее нормативности [9].

Вопрос о нормативно-стилистической окраске языковых единиц (как лексических единиц (ЛЕ), так и ФЕ) входит в ряд ключевых тем лингвистической типизации ФЕ по стилистическому признаку, как правило, осуществляется с учетом таких их особенностей, как оценочность, эмотивность и экспрессивность, приобретаемых в процессе коммуникации. Согласно разработанной нами универсальной идентификационной модели лексико-фразеологического поля «Общение» [10, с. 79], наглядным примером может послужить следующий семантический ряд ФЕ, вербализующих концепт «Общение», а именно микроконцепт «Самовосхваление и самоназидательность» в немецком языке: *viel Aufhebens von sich machen* – поднимать шуму вокруг себя; *Wind machen (ugs.)* – хвастаться; *kräftig ins Horn stoßen (ugs.)* – хвастаться, важничать; *den dicken Wilhelm spielen (ugs., veralt.)* – хвастаться, важничать; *große Töne schwingen (salopp-ugs.)* – хвастаться, зазнаваться; *Schaum schlagen (abwertend)* – хвастаться, зазнаваться и др.; в русском языке: *пун земли (ирон.)*; *задирать нос (разг., неодобр.)*; *распускать павлиний хвост (разг., презр.)*; *воображать о себе (прост.)* и др.

Что касается функционирования ФЕ в речи, то можно сказать, что оно имеет ряд ограничений, обусловленных рамками языкового стиля. В то же время многие ФЕ

способны не только называть явления объективной реальности, но и маркировать отношение адресанта к ним. А сопоставление ФЕ, которые образуют один семантический ряд, демонстрирует различия с экспрессивно-стилистической точки зрения.

Проанализируем системы помет в словарях современного немецкого и русского языков.

В качестве материала исследования для немецкого языка были задействованы следующие лексикографические источники:

1. Duden. Bd. 11. Redewendungen: Wörterbuch der Deutschen Idiomatik [Duden. Bd. 11, 2013]¹;

2. Schemann H. Deutsche Idiomatik: Wörterbuch der deutschen Redewendungen im Kontext [Schemann, 2011]²;

3. Griesbach H., Schulz D. 1000 deutsche Redensarten. Mit Erklärungen und Anwendungsbeispielen [1000 deR, 2000]³;

4. Мальцева Д.Г. Немецко-русский словарь современных фразеологизмов [НРССФ, 2003]⁴;

5. Шекасюк Б.П. Новый немецко-русский фразеологический словарь [ННРФС, 2019]⁵.

Материалом исследования для русского языка стали следующие лексикографические источники:

1. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь [РФ. ИЭС, 2005]⁶;

2. Фразеологический объяснительный словарь русского языка [ФОСРЯ, 2009]⁷;

3. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий [БФСРЯ, 2006]⁸;

¹Duden. Bd. 11. Redewendungen: Wörterbuch der deutschen Idiomatik. 4. Auflage. Berlin, 2013. 928 s.

²Schemann H. Deutsche Idiomatik: Wörterbuch der deutschen Redewendungen im Kontext. Berlin: De Gruyter, 2011. 1037 s.

³Griesbach H., Schulz D. 1000 deutsche Redensarten. Mit Erklärungen und Anwendungsbeispielen. Berlin, 2000. 248 s.

⁴Мальцева Д.Г. Немецко-русский словарь современных фразеологизмов. М.: Рус. яз. Медиа, 2003. 506 с.

⁵Шекасюк Б.П. Новый немецко-русский фразеологический словарь. Изд. стер. М.: ЛИБРОКОМ, 2019. 864 с.

⁶Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / под ред. В.М.Мокиенко. М.: Астрель: АСТ; Люкс, 2005. 927 с.

⁷Фразеологический объяснительный словарь русского языка / под ред. А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского. М.: Эксмо, 2009. 704 с.

⁸Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. 784 с.

4. Большой фразеологический словарь русского языка [БФСРЯ, 2019]⁹;

5. Войнова Л.А., Жуков В.И., Молотков А.П., Федоров А.И. Фразеологический словарь русского языка [ФСРЯ, 1986]¹⁰.

Анализ системы помет в словарях современного немецкого языка представлен в табл. 1.

Эта таблица позволяет сделать следующие выводы: 1) помета *ироничное* (*ирон.*) / *ironisch* (*iron.*) имеется во всех проанализированных словарях, что может говорить о важности данной пометы; 2) наиболее часто встречаются следующие пометы: *высокое* (*высок.*) / *gehoben* (*geh.*), *шутливое* (*шутл.*) / *scherzhaft* (*scherz.*), *фамильяр-*

Таблица 1

СИСТЕМА СТИЛИСТИЧЕСКИХ ПОМЕТ В НЕМЕЦКОЙ ФРАЗЕОГРАФИИ
STYLISTIC LABEL SYSTEM IN GERMAN PHRASEOGRAPHY

Стилистическая помета	Фразеологический словарь				
	Duden. Bd. 11, 2013	Schemann, 2011	1000 deR, 2000	НРССФ, 2003	ННРФС, 2019
Формальное (формал.) / formell, formelhaft (form.)	–	+	–	–	–
Книжное (книжн.) / bildungssprachlich (bildungsspr.)	+	–	–	+	–
Высокое (высок.) / gehoben (geh.)	+	+	–	+	–
Шутливое (шутл.) / scherzhaft (scherz.)	+	–	–	+	+
Насмешливое (насмеш.) / spöttisch (spött.)	+	–	–	–	+
Ироничное (ирон.) / ironisch (iron.)	+	+	+	+	+
Разговорное (разг.) / umgangssprachlich (ugs.)	+	+	–	–	–
Положительная оценка (позитив.)	–	–	–	–	+
Фамильярное (фам.) / familiär (fam.)	+	–	+	–	+
Неодобрительное (неодобр.) / abwertend	+	–	–	–	–
Грубое / derb	+	–	–	+	+
Пренебрежительное (пренебр.)	–	–	–	–	+
Жаргонное (жарг.)	–	–	–	–	+
Ругательственное (ругат.)	–	–	–	–	+
Негативная оценка (негатив.)	–	–	–	–	+
Вульгарное (вульг.) / vulgär (vulg.)	+	+	–	–	+
Устаревшее (устар.) / veraltet (veralt.)	+	–	–	–	+

⁹Большой фразеологический словарь русского языка / сост. Л.В. Антонова. М.: Дом Славян. книги, 2019. 928 с.

¹⁰Войнова Л.А., Жуков В.И., Молотков А.П., Федоров А.И. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. М.: Рус. яз., 1986. 543 с.

ное (фам.) / *familiär* (fam.), грубое (груб.) / *derb*, вульгарное (вульг.) / *vulgär* (vulg.), устаревшее (устар.) / *veraltet* (veralt.), что также говорит об их значимости; 3) наименее частотными являются такие пометы, как *формальное* (формал.) / *formell, formelhaft* (form.), *книжное* (книжн.) / *bildungssprachlich* (bildungsspr.), ввиду того, что ФЕ присущи образность и принадлежность в большинстве случаев к разговорному пласту языка; 4) разговорные ФЕ (*разговорное* (разг.) / *umgangssprachlich* (ugs.), *положительная оценка* (позитив.)), в свою очередь, часто переходят в активный запас общелитературного пласта языка; 5) такие пометы, как *насмешливое* (насмеш.) / *spöttisch* (spött.), *неодобрительное* (неодобр.) / *abwertend*, *ругательственное* (ругат.), *негативная оценка* (негатив.), *жаргонное* (жарг.), граничат с пометами *фамильярное* (фам.) / *familiär* (fam.), *грубое* (груб.) / *derb*, *вульгарное* (вульг.) / *vulgär* (vulg.), следовательно, отпадает необходимость включать их в словари, ввиду отсутствия стабильности в стилистических различиях, т. к. жаргонизмы часто устаревают или переходят в разряд разговорных.

Анализ системы стилистических помет во фразеологических словарях современного русского языка представлен в табл. 2. Среди наиболее частотных помет выделяются следующие: *просторечное* (прост.); *книжное* (книжн.); *высокое* (высок.); *шутливое* (шутл.); *ироничное* (ирон.); *разговорное* (разг.); *неодобрительное* (неодобр.); *презрительное* (презр.); *пренебрежительное* (пренебр.); *устаревшее* (устар.).

Главная причина трудности установления стилистической характеристики ФЕ, как точно отметила К.М. Манукян, заключается в том, «что большинство ФЕ стоят на границе двух или даже нескольких стилистических слоев. Сами эти границы чрезвычайно подвижны: абсолютных ограничений нормативно-стилистических окрасок не существует» [6, с. 372].

В подтверждение вышесказанного необходимо отметить, что ЛЕ и ФЕ разговорного стиля имеют тенденцию стирать границы и переходить в нейтральный, общеупотребительный пласт словаря. Как известно, большинство

слов современного немецкого и русского языков являются общеупотребительными, т. е. им присущи такие признаки, как отсутствие четко выраженной стилистической характеристики, наличие нейтральной стилистической окраски. Подобные слова используются как в литературно-книжной (письменной) речи, так и в живом устном общении (разговорной речи). Расхождения между разговорной и нейтральной лексикой, так же как и между нейтральной и литературно-книжной лексикой, главным образом выражаются в эмоциональной окраске.

Тем не менее проведенный анализ системы помет во фразеологических словарях немецкого и русского языков позволяет сделать вывод о том, что при составлении словарей такого типа все же имеется необходимость введения пометы *umgangssprachlich* (ugs.) / *разговорный* (разг.), несмотря на то, что их основной корпус составляют разговорно-окрашенные и нейтральные ФЕ включительно.

На основе анализа отобранного языкового материала в количестве 1390 ФЕ (710 ФЕ немецкого и 680 ФЕ русского языка), вербализующих концепт «Общение», были установлены их различные нормативно-стилистические характеристики, что вызвало необходимость их систематизации. Важно подчеркнуть, что данные единицы в двух рассматриваемых языках в представленном исследовании являются эквивалентами друг друга.

Предлагаемая нами система нормативно-стилистической характеристики ФЕ, вербализующих концепт «Общение» в немецком и русском языках, представлена в табл. 3. Комментируя данную таблицу, отметим, что ориентиром для формирования универсальной системы стилистических помет учебного фразеологического словаря концепта «Общение» на материале немецкого и русского языков послужила стилистическая классификация устойчивых словесных комплексов этих языков, предложенная А.Е. Гусевой [2, с. 244–245].

Таким образом, распределение ФЕ, вербализующих концепт «Общение» в немецком и

Таблица 2

СИСТЕМА СТИЛИСТИЧЕСКИХ ПОМЕТ В РУССКОЙ ФРАЗЕОГРАФИИ
STYLISTIC LABEL SYSTEM IN RUSSIAN PHRASEOGRAPHY

Стилистическая помета	Фразеологический словарь				
	РФ. ИЭС, 2005	ФОСРЯ, 2009	БФСРЯ, 2006	БФСРЯ, 2019	ФСРЯ, 1986
Литературное (литер.)	+	–	–	–	–
Речевой стандарт (реч. стандарт)	–	–	+	–	–
Нейтральное (нейтрал.)	–	+	–	–	–
Книжное (книжн.)	+	–	+	+	+
Высокое (высок.)	+	+	–	+	–
Поэтическое (поэт.)	+	–	+	–	–
Одобрительное (одобр.)	+	–	–	+	–
Шутливое (шутл.)	+	–	–	+	+
Шутливо-ироническое (шутл.-ирон.)	+	–	–	–	–
Насмешливое (насмеш.)	+	–	–	–	–
Ироничное (ирон.)	+	–	–	+	+
Разговорное (разг.)	+	–	–	+	+
Разговорно-оценочное (разг.-оценоч.)	+	–	–	–	–
Неформальное (неформал.)	–	–	+	–	–
Просторечное (прост.)	+	+	+	+	+
Фамильярное (фам.)	–	–	+	+	–
Неодобрительное (неодобр.)	+	–	–	+	+
Сниженное (снижен.)	–	+	–	–	–
Грубое (груб.)	–	+	–	+	–
Грубо-презрительное (груб.-презр.)	+	–	–	–	–
Грубо-фамильярное (груб.-фам.)	–	–	–	–	–
Презрительное (презр.)	+	–	–	+	+
Пренебрежительное (пренебр.)	+	–	–	+	+
Уничижительное (уничижит.)	–	–	+	–	–
Жаргонное (жарг.)	–	+	–	–	–
Вульгарное (вульг.)	–	–	–	–	–
Устаревшее (устар.)	+	+	+	+	+

Таблица 3

НОРМАТИВНО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФЕ
НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ
NORMATIVE AND STYLISTIC CHARACTERISTICS OF PHRASEOLOGICAL UNITS
IN THE GERMAN AND RUSSIAN LANGUAGES

Стилистический пласт / Степень окраски	Тип окраски
1. Повышенный – die gehobene Schicht / Повышенная – gehoben	Книжное (книжн.) – bildungssprachlich (bildungsspr.). Высокое (высок.) – gehoben (geh.)
2. Речевой стандарт – die normalsprachliche Schicht: а) Речевой стандарт + разговорный – die normalsprachliche Schicht + Allgemeingebrauchlich / Нейтральная (с нейтральным оценочным знаком) – neutral	Разговорное (разг.) (с нейтральным оценочным знаком) – umgangssprachlich (ugs.). Формальное (формал.) – formell, formelhaft (form.)
б) Речевой стандарт + разговорный – die normalsprachliche Schicht + Umgangssprache des mündlichen Gebrauchs / Нейтральная (с положи- тельным или отрицательным оценочным знаком) – neutral (positiv oder negativ)	Разговорное (разг.) – umgangssprachlich (ugs.)
3. Сниженный – gesenkte: а) Разговорно-фамильярный – die saloppumgangssprachliche Schicht / Сниженная (с положительным или отрицательным оценочным знаком) – gesenkte (positiv oder negativ)	Просторечное (прост.) – salopp-umgangssprachlich (salopp-ugs.). Шутливое (шутл.) – scherzhaft (scherz.). Ироничное (ирон.) – ironisch (iron.). Неодобрительное (неодобр.) – abwertend. Пренебрежительное (пренебр.) – verächtlich (verächt.). Жаргонное (жарг.) – sonderssprachlich – umgangssprachlich (sonderspr.-ugs.)
б) Вульгарные выражения – die Schicht vulgärer Wendungen / Сниженная (с отрицательным оценочным знаком) – gesenkte	Презрительное (презр.) – verächtlich (verächt.). Грубое (груб.) – derb
4. Актуальность употребления	Устаревшее (устар.) – veraltet (veralt.)

русском языках, осуществлялось на основе сле-
дующих стилистических пластов: 1) повышен-
ный – die gehobene Schicht; 2) речевой стандарт –
die normalsprachliche Schicht; 3) сниженный –
gesenkte; 4) актуальность употребления.

Анализ нормативно-стилистической окрас-
ки ФЕ позволяет сделать вывод о том, что в
универсальную систему стилистических помет
как одну из составляющих словарной статьи
учебного фразеологического словаря [10] во-
йдут следующие пометы: *книжное (книжн.) /
bildungssprachlich (bildungsspr.); высокое (вы-
сок.) / gehoben (geh.); просторечное (прост.) /
salopp-umgangssprachlich (salopp-ugs.); шут-*

*ливое (шутл.) / scherzhaft (scherz.); иронич-
ное (ирон.) / ironisch (iron.); неодобрительное
(неодобр.) / abwertend; пренебрежительное
(пренебр.) / verächtlich (verächt.); жаргонное
(жарг.) / sonderssprachlich / umgangssprachlich
(sonderspr.-ugs.); презрительное (презр.) /
verächtlich (verächt.); грубое (груб.) / derb;
устаревшее (устар.) / veraltet (veralt.).* В слу-
чае, если ФЕ имеет нейтральную степень окрас-
ки (с нейтральным оценочным знаком), стили-
стическая помета отсутствует.

Для наглядности приведем нормативно-
стилистическую характеристику ФЕ, вербали-
зующих концепт «Общение», а именно:

– микроконцепт «Манипуляция (заискивание, лесть, обман, ложь, вранье)» в немецком языке: *j-m etw. zu Gefallen reden* – говорить кому-л. то, что он хочет, льстить кому-л.; *j-n. in den Himmel heben* (ugs.) – чрезмерно хвалить, восхвалять; *j-m Sirup um den Bart schmieren* (ugs.) – льстить кому-л.; *faule Fische* (ugs.) – небылицы, пустые отговорки; *j-m um die Jacke voll lügen* (ugs.) – наврать кому-л. с три короба; *Mist reden* (salopp-ugs.) – нести околесицу (ахинею), болтать вздор и др.; в русском языке: грубая лесть; тонкая лесть; ложь во спасение; вводить в заблуждение кого-л.; сбить с панталыку (разг.); лапшу на уши вешать кому-л. (разг., шутл.); морочить голову кому-л. (разг., неодобр.); ходить на задних лапках перед кем-л. (разг. презр.); нести дичь (прост., неодобр.) и др.;

– микроконцепт «Формальное общение (информация, уведомление, извещение, дискуссия, полемика)» в немецком языке: *j-n ins Bild setzen* (bildungsspr.) – проинформировать кого-л., дать, сообщить информацию; *etw. ins Feld führen* (geh.) – приводить в качестве аргумента; в русском языке: поставить в известность; довести до сведения;

– микроконцепт «Критика» в немецком языке: *j-m. einige Liebenswürdigkeiten sagen / an den Kopf werfen* (iron.) – говорить «любезности», подвергать резкой критике; *Schas mit Quasteln* (salopp-ugs., abwertend) – чушь собачья; *j-n zur Sau machen* (derb) – резко критиковать кого-л., подвергать унижительной критике кого-л., смешать с грязью кого-л.; в русском языке: есть поедом кого-л. (разг., неодобр.); крыть почем зря (прост., неодобр.); вставлять пистон (жарг., груб.);

– микроконцепт «Неформальное общение (непринужденная беседа)» в немецком языке: *j-m. gute Worte geben* – успокаивать кого-л.; *Klartext sprechen* – говорить напрямик, резать правду; *sich etw. vom Herzen reden* (geh.) – облегчить душу (высказав что-л.); *über die Unsterblichkeit der Maikäfer erzählen* (scherz.) – говорить о чем-л. незначительном, болтать о

пустяках; *die Köpfe zusammenstecken* (ugs.) – шептаться, шушукаться; *die alte Platte spielen* (ugs.) – крутить одну и ту же пластинку; *j-m ein Loch in den Bauch reden* (salopp-ugs.) – надоедать кому-л. разговорами; *den Mund aufmachen* (salopp-ugs., abwertend) – начать болтать и др.; в русском языке: задушевный разговор; душа компании; бойкий на язык; поговорить по душам (разг.); слово за слово (разг.); язык без костей (разг., неодобр.); точить лясы (прост., неодобр.); разводить тары-бары (прост., презр.); переливать из пустого в порожнее (неодобр.); базарная баба (груб. прост.) и др.

Анализ практического материала позволяет сделать вывод о том, что ФЕ, вербализующие концепт «Общение», обладают высокой и сниженной окраской. Необходимо еще раз подчеркнуть, что не всегда можно точно разграничить нормативно-стилистическую окраску, т. е. ФЕ может иметь сразу несколько оттенков, например: *j-m eine Strafpredigt halten* (ugs., scherz.) – задать головойку кому-л., отругать кого-л.; *eine Rede schwingen* (ugs., iron.) – разглагольствовать и др.; лапшу на уши вешать кому-л. (разг., шутл.); крыть почем зря (прост., неодобр.) и др.

Поскольку фразеологии присущи отличительные стилистические черты, система стилистических помет в данной области требует дальнейшего исследования с целью ее более детального прояснения. Посправедливому замечанию Н.А. Вапник, свойствами ФЕ являются «повышенная образность, подверженность влиянию внутренней формы, динамичность развития» [5, с. 53], что изменяет их компонентный состав.

Заключение

Таким образом, становится очевидным, что предложенный вариант классификации отвечает потребности в модернизации общей системы стилистических помет в учебной фразеологической практике с целью определения и уточнения специфики функционирования ФЕ в различных дискурсивных ситуациях, что может способствовать узуальному употребле-

нию ФЕ в живой речи, а также выбору адекватного варианта перевода.

К перспективам развития данной темы следует отнести привлечение к исследованию по разработанной

системе стилистических помет концепта «Общение», вербализованного языковыми средствами других языков, или же концептов другой категориальной и семантической направленности.

Список литературы

1. *Виноградов В.В.* Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины // *Виноградов В.В.* Лексикология и лексикография: избр. тр. М.: Наука, 1977. С. 118–139.
2. *Гусева А.Е.* Сопоставительная фразеология: состояние и перспективы развития // *Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: Лингвистика.* 2007. № 1. С. 247–254.
3. *Гусева А.Е.* Нормативно-стилистическая характеристика фразеологизмов в лексикографическом аспекте (на материале немецкого и русского языков) // *Вестн. Тамбов. ун-та. Сер.: Гуманит. науки.* 2008. Вып. 5(61). С. 238–246.
4. *Гусева А.Е., Кузнецова Ю.Г.* Функционально-стилистическая и экспрессивно-стилистическая характеристики фразеологических единиц лексико-фразеологического поля «Мыслительная деятельность» (на материале современного английского языка) // *Вестн. Моск. гос. обл. ун-та.* 2017. № 1. С. 1–8. DOI: [10.18384/2224-0209-2017-1-791](https://doi.org/10.18384/2224-0209-2017-1-791)
5. *Вапник Н.А.* Особенности системы стилистических помет в английской фразеологии // *Проблемы лингвистики и межкультурной коммуникации: сб. науч. ст. Вып. 22. Дискурсивные, лингвокогнитивные и лингвокультурные аспекты / отв. ред. Н.А. Вапник.* М.: Перо, 2021. С. 46–53.
6. *Манукян К.М.* Стилистические особенности фразеологических единиц молодежного жаргона современного немецкого языка // *Актуальные проблемы современной науки: теория и практика: материалы Междунар. (заоч.) науч.-практ. конф. / под общ. ред. А.И. Вострецова.* Нефтекамск: Науч.-изд. центр «Мир науки», 2020. С. 367–373.
7. *Загоровская О.В., Бирюкова Е.Д.* Учебный нормативно-стилистический словарь русского языка как иностранного: концепция и структура // *Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Рус. и иностр. языки и методика их преподавания.* 2017. Т. 15, № 2. С. 215–230. DOI: [10.22363/2313-2264-2017-15-2-215-230](https://doi.org/10.22363/2313-2264-2017-15-2-215-230)
8. *Кочергина К.С.* Стилистические пометы в толковых словарях современного русского языка: сопоставительный анализ // *Вопр. лексикографии.* 2017. № 11. С. 20–38. DOI: [10.17223/22274200/11/2](https://doi.org/10.17223/22274200/11/2)
9. *Пурицкая Е.В., Панков Д.И.* Нормативно-стилистическая характеристика лексики современного русского языка: возможности описания в словарной базе данных // *Вопр. лексикографии.* 2018. № 13. С. 23–43. DOI: [10.17223/22274200/13/2](https://doi.org/10.17223/22274200/13/2)
10. *Гусева А.Е., Мальцева Л.Г.* Учебный лексико-фразеологический словарь как языковой формат представления знаний // *Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: Лингвистика.* 2021. № 5. С. 75–84. DOI: [10.18384/2310-712X-2021-5-75-84](https://doi.org/10.18384/2310-712X-2021-5-75-84)

References

1. Vinogradov V.V. Osnovnye ponyatiya russkoy frazeologii kak lingvisticheskoy distsipliny [Basic Concepts of Russian Phraseology as a Linguistic Discipline]. Vinogradov V.V. *Leksikologiya i leksikografiya* [Lexicology and Lexicography]. Moscow, 1977, pp. 118–139.

2. Guseva A.E. Sopostavitel'naya frazeologiya: sostoyanie i perspektivy razvitiya [Comparative Phraseology: State and Development Prospects]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser.: Lingvistika*, 2007, no. 1, pp. 247–254.

3. Guseva A.E. Normativno-stilisticheskaya kharakteristika frazeologizmov v leksikograficheskom aspekte (na materiale nemetskogo i russkogo yazykov) [Normative-Stylistic Characteristic of Phraseological Units in Lexicographic Aspect (Exemplified by German and Russian)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki*, 2008, no. 5, pp. 238–246.

4. Guseva A.E., Kuznetsova Yu.G. Functional-Stylistic and Expressive-Stylistic Characteristics of Phraseological Units of the Lexical-Phraseological Field “Intellectual Activity” (in the Modern English Language). *Bull. Moscow State Reg. Univ.*, 2017, no. 1, pp. 1–8 (in Russ.). DOI: [10.18384/2224-0209-2017-1-791](https://doi.org/10.18384/2224-0209-2017-1-791)

5. Vapnik N.A. Osobennosti sistemy stilisticheskikh pomet v angliyskoy frazeografii [The System of Stylistic Usage Labels in English Phraseography]. Vapnik N.A. (ed.). *Problemy lingvistiki i mezhkul'turnoy kommunikatsii. Vyp. 22. Diskursivnye, lingvokognitivnye i lingvokul'turnye aspekty* [Problems of Linguistics and Intercultural Communication. Iss. 22. Discursive, Linguocognitive and Linguocultural Aspects]. Moscow, 2021, pp. 46–53.

6. Manukyan K.M. Stilisticheskie osobennosti frazeologicheskikh edinits molodezhnogo zhargona sovremennoy nemetskogo yazyka [Stylistic Features of Phraseological Units of Youthspeak in the Modern German Language]. Vostretsov A.I. (ed.). *Aktual'nye problemy sovremennoy nauki: teoriya i praktika* [Current Issues of Modern Science: Theory and Practice]. Neftekamsk, 2020, pp. 367–373.

7. Zagorovskaya O.V., Biryukova E.D. Learning Standard Stylistic Dictionary of Russian as a Foreign Language: Concept and Structure. *RUDN J. Russ. Foreign Lang. Res. Teach.*, 2017, vol. 15, no. 2, pp. 215–230 (in Russ.). DOI: [10.22363/2313-2264-2017-15-2-215-230](https://doi.org/10.22363/2313-2264-2017-15-2-215-230)

8. Kochergina K.S. Stilisticheskie pomety v tolkovykh slovaryakh sovremennoy russkogo yazyka: sopostavitel'nyy analiz [Stylistic Labels in Dictionaries of the Modern Russian Language: A Comparative Analysis]. *Voprosy leksikografii*, 2017, no. 11, pp. 20–38. DOI: [10.17223/22274200/11/2](https://doi.org/10.17223/22274200/11/2)

9. Puritskaya E.V., Pankov D.I. Normativno-stilisticheskaya kharakteristika leksiki sovremennoy russkogo yazyka: vozmozhnosti opisaniya v slovarnoy baze dannykh [The Lexicon of the Modern Russian Language: Describing Normative and Stylistic Characteristics in the Dictionary Database]. *Voprosy leksikografii*, 2018, no. 13, pp. 23–43. DOI: [10.17223/22274200/13/2](https://doi.org/10.17223/22274200/13/2)

10. Guseva A.E., Mal'tseva L.G. Learner's Lexico-Phraseological Thesaurus as a Lingual Pattern of the Knowledge Representation. *Bull. MSRU Ser. Linguist.*, 2021, no. 5, pp. 75–84 (in Russ.). DOI: [10.18384/2310-712X-2021-5-75-84](https://doi.org/10.18384/2310-712X-2021-5-75-84)

DOI: 10.37482/2687-1505-V290

Liliya G. Mal'tseva

State University of Education;

ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi, 141014, Moskovskaya obl., Russian Federation;

ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-2577-3686> e-mail: Maltsevalg@yandex.ru

NORMATIVE AND STYLISTIC CHARACTERISTICS OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN LEARNER'S LEXICOGRAPHY (Based on the German and Russian Languages)

The term *normative-stylistic nuances* of phraseological units (PUs) is among the key concepts of linguistics. However, at the lexicographic level this issue remains underdeveloped, which determines the relevance of this study. The aim of the paper was to identify the main normative and stylistic characteristics of PUs verbalizing the concept of communication in the German and Russian languages in order to devise a universal system of stylistic labels as one of the constituents of the dictionary entry of a learner's phraseological dictionary. Systematization of the empirical base on the topic was

carried out using the descriptive method. To collect the material and analyse its normative and stylistic characteristics, continuous sampling of PUs from lexicographic sources was applied. Using the comparative method, the author studied and described the German and Russian languages through their systematic comparison with each other in order to identify their specific features. The analysis of the selected material, amounting to 1390 German and Russian PUs, revealed their normative and stylistic characteristics, which required their further systematization. The system developed in this article can contribute to the modernization of the general system of stylistic labels in learner's phraseology in order to determine and clarify the functioning of PUs in various discourse situations. The main results of the research contribute to further improvement of the theory and practice of comparative lexicology and phraseology. In particular, they can be used in compiling learner's phraseological dictionaries when introducing the universal system of stylistic labels of German and Russian PUs into dictionary entries.

Keywords: *phraseological unit, normative and stylistic characteristics, stylistic label, learner's phraseological dictionary, German phraseology, Russian phraseology.*

Поступила 03.02.2023
Принята 20.09.2023
Опубликована 30.10.2023

Received 3 February 2023
Accepted 20 September 2023
Published 30 October 2023

For citation: Mal'tseva L.G. Normative and Stylistic Characteristics of Phraseological Units in Learner's Lexicography (Based on the German and Russian Languages). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 5, pp. 34–44. DOI: 10.37482/2687-1505-V290

УДК 81'37

DOI: 10.37482/2687-1505-V294

ВАСИЛЕНКО Анатолий Петрович, доктор филологических наук, профессор кафедры французского языка Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского. Автор 200 научных публикаций*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8777-5743>

КОРЕНЬКОВА Снежана Андреевна, аспирант кафедры теории английского языка и переводоведения Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского. Автор 16 научных публикаций**

ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-4051-6187>

СЕМАНТИКА АКЦИОНАЛЬНОСТИ В АСПЕКТАХ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА (на примере устойчивых оборотов русского и английского языков)

Данная работа посвящена анализу семантики устойчивых выражений в аспектах этнополитического пространства (геополитонимов). Фразеологизмы рассматриваются с позиций конструктивной (призыв к миру) и деструктивной (сопротивление насилию) акциональности. Группа конструктивной акциональности репрезентирует метафоризацию запрета строгого или рекомендательного характера, призывая к миру ненасильственным путем. Устойчивые обороты данной группы подчеркивают единство, прочность, взаимоподдержку и призывают к приостановлению конфликтной ситуации. Группа деструктивной акциональности проявляет аспекты противодействия, которое направлено на полное предотвращение агрессии со стороны противника. Устойчивые обороты этой группы выражают готовность к самозащите, противоборство и противодействие. На основе проведенного анализа устойчивых единиц выявлена компонентная модификация специфического отражения реальности во время этнополитических процессов с точки зрения национального фактора, который раскрывает мировоззрение отдельного народа. Обнаруженные типы метафорических структур на фоне этнополитической деятельности проявляются в лозунгах, призывающих к отказу от конфликтных ситуаций. Фразеологическая конструктивная акциональность прослеживается в урегулировании разногласий, а деструктивная – в готовности к стабилизации и сопротивлению (посредством прямых столкновений) в сложившейся дестабилизированной ситуации. Главная функция таких устойчивых оборотов – избежание деструктивных действий, но в то же время они способны перекодировать информацию и нести скрытую семантику для достижения определенных целей, отвлекая при этом субъект. Раскрывая акциональность конструктивных и деструктивных действий, фразеологические обороты способны обладать разной степенью воздействия.

Ключевые слова: фразеологизм, конструктивная акциональность, деструктивная акциональность, компонентная модификация, геополитоним.

*Адрес: 241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, д. 14; e-mail: a.p.vasilenko@mail.ru

**Адрес: 241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, д. 14; e-mail: snezhick.b@mail.ru

Для цитирования: Василенко А.П., Коренькова С.А. Семантика акциональности в аспектах этнополитического пространства (на примере устойчивых оборотов русского и английского языков) // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 5. С. 45–55. DOI: 10.37482/2687-1505-V294

Этнополитические процессы, происходящее на протяжении истории человечества, всегда носили территориальный характер. Суммарный потенциал таких процессов способен оказывать влияние на этнополитическую ситуацию в мире в силу того, что в них заложены различные факторы – история, менталитет, ожидания общности, терпимость и др. Как показывает практика, данные процессы могут обуславливаться двумя направлениями действий: *конструктивными* (поиск диалога, урегулирование конфликтной ситуации мирным путем) и *деструктивными* (угрозы сецессии, разрешение противоречий посредством прямых столкновений).

Такие аспекты конструктивности/деструктивности прослеживаются в семантике устойчивых оборотов на фоне этнополитической деятельности (геополитонимов). Полагается, что именно устойчивые обороты отражают специфику жизни этноса и изменения модели жизненного уклада с течением времени, неся в себе закодированную информацию [1, с. 217]. Проанализировав данные проявления в образах фразеологизмов, можно говорить о создании и сохранении устоев [2, с. 118], которые воплощаются во фразеологической картине мира, кодируя и префокусируя внимание адресата [3, с. 111]. Такая картина мира интерпретирует физический мир согласно устоям определенного народа [4].

Геополитоним – единица из класса онимов. Этот термин используется сравнительно недавно (он отсутствует в классификациях Н.В. Подольской, И.В. Крюковой) [5, с. 43; 6, с. 139]. Данное понятие схоже с термином «политоним» (в классификации Н.В. Подольской) и относится к группе топонимов. В отличие от политонима, геополитоним синтезирует характеристики сразу нескольких сфер: историю этносов (языков), менталитет, ожидания общности, терпимость и др. [7, с. 5].

Согласно И.С. Карбулатовой, исходное значение устойчивого оборота может со временем исчезнуть, но его ассоциативное значение будет продолжать рождать новые ономапро-

странства [8, с. 488], что обуславливает своевременность и актуальность обращения к этому малоизученному вопросу в области фразеологии. В данном исследовании применяется широкий подход к пониманию фразеологических единиц, включающий в их состав устойчивые обороты и крылатые выражения [9, с. 12].

Объектом анализа являются устойчивые словосочетания (геополитонимы), формирующие семантическую группу акциональности. Предметом исследования выступают особенности проявления конструктивной и деструктивной семантики акциональности в этнополитическом коде культуры.

Материалом послужили фразеологические и политические словари русского, английского и французского языков, а также электронные и печатные издания на разных языках. Применяемый метод исследования, базирующийся на лингвокультурологическом анализе фразеологических единиц, раскрывает семантическую акциональность конструктивности в этнополитическом пространстве.

Изучая образы фразеологизмов в этнополитическом пространстве, можно обнаружить очевидную акциональность в их плане выражения. Эта акциональность (некоторое действие, процессуальность) представлена двумя смысловыми объединениями – призыв к миру (конструктивность) и сопротивление насилию (деструктивность).

Конструктивная акциональность (призыв к миру)

К данной группе относятся геополитонимы, нацеленные на мирное сдерживание деструктивных действий со стороны противника (превентивные меры в ответ на агрессивные действия) и репрезентирующие метафоризацию запрета. Такие единицы языка могут выражать как строгий, так и рекомендательный отказ от деструктивных действий и призыв к урегулированию конфликтных ситуаций ненасильственным способом. Как представляется, устойчивые обороты, независимо от коннотации запрета (строгий или рекомендательный), способны так или иначе нести семантику ‘предотвращения разногласий’, ‘приостановления

или полного урегулирования конфликтов', а также 'сопротивления и настойчивости единения', 'отказа от насильственных действий и призыва к миру' посредством разного вида метафоризации.

Например, рассмотрим такой геополитоним, как *линия разведения сторон* (*line of separation*)¹, подразумевающий прекращение конфликтной ситуации. Согласно толковому словарю, компонент *линия* – черта на плоскости², *разведение* (*развести*) – перебросить стороны в разные места³, а *сторона* – направление места расположения⁴. Следовательно, фразеологический образ *линия разведения сторон* подразумевает некую точку невозврата (критический рубеж, при пересечении которого невозможно вернуться к исходному состоянию), от которой происходит перенаправление конфликтующих сторон с целями отдаления их друг от друга и поддержания мира. Фразеологизм *линия разведения сторон* может подвергаться компонентной модификации – *линия разведения сил*⁵, конкретизируя тем самым происходящую ситуацию между противоборствующими сторонами.

Подобная точка невозврата также отражена в образе *красные линии* – условные отделяющие границы⁶. Подобное картографическое изображение может метафорически маркировать границы самого государства, реализуя семантику 'запрета проникновения' (колористическая метафора – *красный*), раздела территории с це-

лью урегулирования конфликта во избежание дальнейших деструктивных действий (денотативное значение 'превентивные меры').

Отражение семантики фразеологизма *красные линии* находим в высказывании российского бизнесмена Е.В. Пригожина – при помощи данного выражения была произведена субъективно-экспрессивная оценка противоправных антироссийских действий (март 2023 года). Согласно высказыванию, колористическая метафора *красные линии* – 'запрет' – заменяется на *коричневые линии*⁷ и приобретает иное коннотативное наполнение – 'доступность'. Здесь устойчивый оборот *красные линии* был применен для маркировки официальных границ государства, которые защищают от деструктивных действий, а *коричневый* цвет, как представляется, демонстрирует стертость границ и досягаемость.

Устойчивый оборот *красные линии* обладает семантикой 'предписания', выступая синонимом обороту *линии соприкосновения*, где субстантивный компонент *соприкосновение* – смежные части сторон⁸ – является метафорическим обозначением полосы пересечения интересов. Такие линии образуют *квадраты безопасности*⁹. Согласно словарю, *квадрат* – участок в форме прямоугольника с равными сторонами¹⁰, соответственно, *квадраты безопасности* – это определенные площади на

¹Русско-английский военно-политический словарь. Женева, 2002. 38 с.

²Евгеньева А.П. Словарь русского языка в четырех томах. Т. 2. М.: Рус. яз., 1986. 736 с.

³Там же. Т. 3. М.: Рус. яз., 1987. 751 с.

⁴Там же.

⁵Даргинские пословицы и поговорки. URL: <http://litena.ru/books/item/f00/s00/z0000065/st017.shtml> (дата обращения: 01.03.2023).

⁶Бархин А.Б. Большая юридическая энциклопедия. М.: Кн. мир, 2010. 960 с.

⁷Пригожин заявил, что вместо «красных линий» в России остались чиркаши // Федер. интернет-изд. «Капитал страны». 2023, 2 марта. URL: https://kapital-rus.ru/news/394152krasnye_linii_prigojin_otreagiroval_na_poyavlenie_diversantov_v_brya/ (дата обращения: 28.02.2023).

⁸Евгеньева А.П. Словарь русского языка в четырех томах. Т. 4. М.: Рус. яз., 1988. 797 с.

⁹Что даст новая карта разведения войск на Донбассе? // Live Journal. 2020, 29 янв. URL: <https://9news.livejournal.com/36231982.html> (дата обращения: 28.02.2023).

¹⁰Евгеньева А.П. Указ. соч. Т. 2.

поверхности, гарантирующие надежность, обеспечивающие защиту. Такие *квадраты* называются *зоной разведения сторон*¹¹ или *пилотной зоной безопасности*¹². Следует полагать, что подобные зоны олицетворяют уже упомянутые надежность и защищенность, где действует *режим прекращения огня*¹³.

Режим прекращения огня – временная остановка боевых действий в определенной зоне¹⁴. Данное устойчивое выражение обладает семантикой ‘перемирия’ на определенный период. Отражение такой семантики находим в высказывании Президента Российской Федерации (январь 2023 года) о пресечении деструктивных действий на *линиях соприкосновения*¹⁵.

Более высокая степень экспрессии фразеологизма *линия разведения сторон* прослеживается в компонентной модификации *принцип разведения сторон*¹⁶, которая усиливает механико-техническую метафору ‘урегулирование конфликта’ за счет субстантивного компонента *разведение* – направление в разные стороны¹⁷. Примером отражения семантики данного обо-

рота может послужить разрешение конфликтной ситуации во время шестидневной войны между Египтом и Израилем (июнь 1967 года). Оба государства имели общие интересы по отношению к Синайскому полуострову, но благодаря взаимным уступкам конфликт был успешно разрешен¹⁸. Из этого следует, что фразеологический образ *линия разведения сторон* обладает ‘пространственно-темпоральной семантикой приостановления конфликтной ситуации’, в то время как образ *принцип разведения сторон* – ‘фактуальное недопущение разногласий’.

Значение фразеологизма *принцип вынесения за скобки*¹⁹ находится между семантикой устойчивых выражений *линия разведения сторон* и *принцип разведения сторон*. Намибийский конфликт середины XX века показывает способ снижения напряженности в противостоянии посредством нивелирования спорных вопросов, отодвигая за скобки предмет спора и урегулирование остальных сложных вопросов²⁰.

Семантика разрешения конфликтных ситуаций путем призыва к конструктивным дей-

¹¹Гамаюн Е. В зоне разведения сторон на Донбассе завязался бой // Моск. комсомолец. 2021, 10 марта. URL: <https://www.mk.ru/politics/2021/03/10/v-zone-razvedeniya-storon-na-donbasse-zavyazalsya-boy.html> (дата обращения: 31.03.2023).

¹²Контактная группа работает над новыми зонами разведения сторон на Донбассе // РИА Новости. 2016, 26 окт. URL: <https://ria.ru/20161026/1480078786.html> (дата обращения: 31.03.2023).

¹³Совместная пресс-конференция по итогам встречи в «нормандском формате» // Официальный сайт Президента России. 2019, 10 марта. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/62277#sel=28:7:ihg:28:9:ghi> (дата обращения: 31.03.2023).

¹⁴Плехов А.М., Шапкин С.Г. Словарь военных терминов. М.: Воениздат, 1988. 335 с.

¹⁵Путин поручил ввести с 6 до 7 января режим прекращения огня // РИА Новости. 2023, 6 янв. URL: <https://ria.ru/20230105/putin-1843179065.html> (дата обращения: 31.03.2023).

¹⁶Карякин В.В. Современные кризисы и конфликты: особенности, сценарии развития и предотвращение // Проблемы нац. стратегии. 2014. № 4(25). С. 136–151.

¹⁷Евгеньева А.П. Словарь русского языка в четырех томах. Т. 3.

¹⁸Самсонов А. Шестидневная война между Израилем и Египтом, Сирией и Иорданией // Воен. обозрение «Topwar». 2012, 5 июля. URL: <https://topwar.ru/15067-shestidnevnyaya-voyna-mezhdu-izrailem-i-egiptom-siriyey-i-iordaney.html> (дата обращения: 31.03.2023).

¹⁹Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. М.: Олма Медиа Групп, 2007. 783 с.

²⁰Голубинов Я. Бывшая колония против бывшей колонии // Воен. обозрение «Warspot». 2020, 29 нояб. URL: <https://warspot.ru/6169-byvshaya-koloniya-protiv-byvshey-kolonii> (дата обращения: 31.03.2023).

ствиям также обнаруживается в следующих устойчивых оборотах: *дайте миру шанс*²¹, *нет войне*²², *занимайтесь любовью, а не войной* (*make love, not war*)²³ и др.

Так, фразеологизм *дайте миру шанс* является калькой англоязычного слогана *give peace a chance*²⁴. Впервые это устойчивое выражение было употреблено в песне Джона Леннона, которая являлась акцией протеста против военных действий во Вьетнаме (февраль 1969 года), оно обладает семантикой 'сопротивления'. В наши дни данное выражение приобрело статус лозунга и выступает в качестве призыва к мирному урегулированию конфликтных ситуаций, а также говорит о существовании реальной 'благоприятной возможности' для сохранения мира.

Семантика 'препятствования развитию деструктивных действий' отражается в следующем устойчивом выражении: *нет войне*²⁵. Приведенный лозунг содержит призыв к решительности и ультимативности. Данное направление также прослеживается в высказываниях, появившихся после Второй мировой войны, указывающих путь к ненасильственному установлению мира.

На современном этапе исторического развития фразеологизм *нет войне* приобрел семантику 'манипуляторного призыва для поражения стороны X, влияя на нее с точки зрения гуманности'. Несомненно, оборот *нет войне* продолжает означать 'настойчивости в кон-

структивных действиях', но на фоне современных исторических событий данный фразеологизм способен отвлечь внимание адресата от истинных закодированных свойств объекта. Стоит полагать, что современное прочтение слогана *нет войне* коррелирует с денотатом фразеологического оборота *политика двойных стандартов*²⁶ – 'недопущение неблагоприятной ситуации' (но не без ущерба для одной из сторон, участвующих в соглашении).

Фразеологизм *make love, not war* (досл.: делайте любовь, а не войну) находит эквивалент в русском языке – *занимайтесь любовью, а не войной*. Данную фразу в 1963 году перед аудиторией студентов в Университете Огайо произнес социальный критик и фольклорист Гершон Легман²⁷. В 1964 году фразеологический оборот *make love, not war* использовали представители американского молодежного движения хиппи, вкладывая в его значение коннотативные компоненты 'счастье' и 'свободные отношения' [10, с. 18]. На фоне военных конфликтов во Вьетнаме устойчивый оборот *make love, not war* становится сатирическим (механико-технической метафорой) призывом к миру.

В 1994 году данное выражение стало соответствовать достаточно специфическому отражению реальности и означать любого рода преобразования для достижения цели²⁸. В 2011 году после завершения Кубка Стэнли и конфликта

²¹Осипова А.А., Шулежкова С.Г., Вальтер Х., Михина О.В. Дайте миру шанс! Словарь современных политических лозунгов России и Германии. Магнитогорск: Магнитогор. дом печати; Greifswald: Ernst-Moritz Univ., 2016. 300 с.

²²Там же.

²³Fattig P. The Famous Words Likely Were Borne by Ashland Resident // Mail Tribune. 15 August 2010. URL: <http://www.mailtribune.com/apps/pbcs.dll/article?AID=/20100815/NEWS/8150330> (дата обращения: 31.03.2023).

²⁴Там же.

²⁵Осипова А.А., Шулежкова С.Г., Вальтер Х., Михина О.В. Указ. соч.

²⁶Там же.

²⁷Там же.

²⁸Glaister D. Air Force Looked at Spray to Turn Enemy Gay // The Guardian. 13 June 2006. URL: <https://www.theguardian.com/world/2007/jun/13/usa.danglaister> (дата обращения: 31.03.2023).

фанатов появилась иллюстрация к слогану *make love, not war*, транслирующая семантику ‘отказа от насилия’²⁹.

Отметим, что данный устойчивый оборот содержит аллюзию на неприятие насильственных действий – например, такое отражение ‘антивоенной’ семантики находим в британской газете *The Guardian*, где описывались протесты по поводу войны в Ираке³⁰.

Деструктивная акциональность (сопротивление насилию)

В данной группе фразеологизмов семантика акциональности проявляется в аспектах деструктивной (противоборствующей, разрушающей навязываемые принципы) деятельности этнополитического пространства, которая нацелена на активное предметное противостояние агрессивным действиям со стороны противника – агрессия против агрессии. Устойчивые обороты данной группы демонстрируют готовность к самообороне, служат предостережением нестабильных ситуаций, подчеркивают сопротивление сложившейся ситуации и отражают единение и противодействие.

Например, фразеологизм *атлантическая/евроатлантическая солидарность*³¹ включает в себя два компонента: *атлантический* – ‘величественный по силе’ (отсюда – Атлантический океан)³² и *солидарность* – ‘единство интересов’³³. Следовательно, *атлантическая солидарность* – это ‘защищенная общность ин-

тересов стран, омываемых Атлантическим океаном (Соединенные Штаты Америки, Канада, Евросоюз)’, которая нацелена на регулирование геополитических стратегий по отношению к другим странам.

Благодаря метафорической ассоциации защищенности фрагмент образа ‘единство интересов’ в анализируемом устойчивом обороте отражает концептуальное содержание ‘семейные ценности’, поскольку члены данной ячейки общества, подобно семье, на международной арене выстраивают стратегии взаимоотношений и формируют свой имидж в соответствии с принятыми внутри ячейки установками, лоббируя собственные интересы.

Транслируя метафору соборности, фразеологизм *атлантическая солидарность* создает образ храма, где преобладают равноправие и всесторонняя защищенность всех членов-участников, как, например, в другом устойчивом выражении – *один за всех и все за одного* (франц. *un pour tous, tous pour un*)³⁴. Данный фразеологический оборот был впервые использован в романе А. Дюма «Три мушкетера» для номинации прочности союза. В русскоязычной культуре находим синонимичный оборот *один в поле не воин*³⁵ – он встречается в романе Ф.М. Достоевского «Униженные и оскорбленные», обладает семантикой ‘единства’³⁶.

Семантику ‘общности интересов и единства’ (метафора соборности) находим и в выражениях, возникших на фоне современных

²⁹Гуляйкина Д. Make love, not war: как появилась одна из самых красноречивых фотографий-символов борьбы за мир // *The Voice*. 2023, 9 янв. URL: <https://www.thevoicemag.ru/social/stories/make-love-not-war-kak-poyavilas-odna-iz-samyh-krasnorechivyh-fotografii-simvolov-borby-za-mir/> (дата обращения: 28.02.2023).

³⁰Barkham P. Patrick Barkham. Iraq War 10 Years on: Mass Protest That Defined a Generation // *The Guardian*. 15 February 2013. URL: <https://www.theguardian.com/world/2013/feb/15/iraq-war-mass-protest> (дата обращения: 31.03.2023).

³¹Чудинов А.Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. СПб., 1910. 676 с.

³²Там же.

³³Евгеньева А.П. Указ. соч. Т. 4.

³⁴Dumas A. Les trois mousquetaires // *La Bibliothèque électronique du Québec Collection À tous les vents*. Vol. 114: version 1.01. BeQ, 2020. 529 p.

³⁵Михельсон М.И. Русская мысль и речь: свое и чужое: опыт русской фразеологии: сборник образных слов и иносказаний: [в 2 т.]. СПб.: Имп. Акад. Наук, 1912. 779 с.

³⁶Достоевский Ф.М. Униженные и оскорбленные. Л.: Худож. лит. Ленингр. отд-ние, 1981. 375 с.

исторических событий, например во фразеологизме *Россия и Украина – навеки вместе*³⁷. Данный устойчивый оборот восходит к временам Союза Советских Социалистических Республик (СССР), символизируя поддержку во всех сферах общественной жизни. Казалось бы, с окончанием эпохи СССР такой фразеологический оборот (лозунг) должен был стать частью устаревшего нормативного пласта, но он остается актуальным и в настоящее время, выражая надежду на нерасторжимость дружеских отношений, неся в себе созидательную семантику и метафору соборности.

На современном этапе исторического развития находим схожие синонимичные обороты: *Крым и Донбасс, Россия – за вас*³⁸; *Россия и Крым – вместе навсегда*³⁹. Устойчивый оборот *Россия и Крым – вместе навсегда* обладает семантикой 'единства', в то время как фразеологизм *Крым и Донбасс, Россия – за вас* является прокламацией защиты и солидарности. Здесь наблюдается семантическое усиление идеи соборности, т. к. выражается не только значение 'единства', но и значение 'покровительства' в случае деструктивных действий.

Фразеологический оборот *Крым – это Россия*⁴⁰ имеет схожую семантику. Использование данного устойчивого выражения подразумевает оценку современного миропорядка. Фразеологизм *Крым – это Россия* является гиперболи-

зированным образом Российской Федерации с непосредственным квантифицированным расширением характеристик и несет в себе коннотативную семантику 'прочности и поддержки'.

Обладает семантикой 'единства и покровительства' на фоне деструктивных действий и такой оборот: *кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет*. Ошибочно считается, что данное крылатое выражение принадлежит полководцу Александру Невскому. Так, например, режиссер С. Эйзенштейн в фильме «Александр Невский» видоизменил искомую библейскую цитату «...ибо все, взявшие меч, мечом погибнут...»⁴¹. Схожее выражение «... Господь сказал, что каждый, взявший меч, от меча погибнет» встречаем в научно-популярной книге «Царство Божие внутри нас» Л.Н. Толстого⁴². В древнеримской культуре находим похожий устойчивый оборот *qui gladio ferit, gladio perit* (букв.: тот, кто ударит мечом, погибнет от меча / поднявший меч от меча погибнет)⁴³. На современном этапе развития фразеологизм *кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет* отражает метафоризацию возмездия и защиты стороной X стороны Y от целенаправленных деструктивных действий со стороны Z.

Фразеологизм *славянская дружба и братство дороже английского царства*⁴⁴ подчеркивает метафорический образ единения и взаимопомощи (метафора соборности). Так

³⁷Осипова А.А., Шулежкова С.Г., Вальтер Х., Михина О.В. Дайте миру шанс! Словарь современных политических лозунгов России и Германии.

³⁸Там же.

³⁹Там же.

⁴⁰Там же.

⁴¹Лопухин А.П. Толковая Библия, или Комментарий на все книги Св. писания Ветхого и Нового завета. Т. 1. СПб.: Монтвида, 1904–1913. 24 с.

⁴²Толстой Л.Н. Царство Божие внутри нас, или Христианство не как мистическое учение, а как новое жизненное понимание. Т. 2. Берлин: Библиогр. бюро (Kirchhain "e N.L.), 2006. 302 с.

⁴³Серов В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений: более 4 000 ст. М.: Локид-пресс, 2004. 877 с.

⁴⁴Официальный телеграмм-канал губернатора Брянской области А.В. Богомаза. URL: <https://t.me/avbogomaz/774> (дата обращения: 20.09.2022).

губернатор Брянской области выразил свою точку зрения о взаимопомощи братскому народу г. Брянки (Луганская Народная Республика). Данный устойчивый оборот был преобразован из пословицы, получившей известность во времена СССР, – *дружба и братство дороже богатства*, которая утверждает ценность дружеской связи и взаимовыручки, а не материальных вещей⁴⁵. Синонимичный оборот *не имей сто рублей, а имей сто друзей* также повествует о ценностях настоящей дружбы, которая обеспечивает крепкий тыл (семантика соборности).

Устойчивое выражение *славянская дружба и братство дороже английского царства* состоит из нескольких компонентов. Адъективный компонент *славянский* подразумевает все, что связано со славянским народом и его культурой⁴⁶; в свою очередь, *славянский народ* (славяне) – родственные по языку и культуре народы⁴⁷. *Дружба* – взаимодовверительные отношения, построенные на общности интересов⁴⁸. *Братство* – объединение, союз⁴⁹. *Английский* подразумевает все, что связано с английским народом и его культурой⁵⁰. *Царство* – государственная форма правления, во главе которой находится царь⁵¹. Следовательно, исходный фразеологический оборот устанавливает приоритет взаимоотношений близких по духу народов (здесь – славянских), основанных на доверии и взаимных интересах, над новыми, отличными по духу и менталитету взаимоотношениями, которые несут неизвестность. Вследствие этого фразеологизм *славянская дружба и братство дороже англий-*

ского царства приобретает семантику ‘поддержки ближнего и единения’, где также аккумулируются признаки соборности.

Следующий фразеологизм *Peace-Support Forces/Peace-Keeping Forces* (букв.: силы по поддержанию мира)⁵² также отражает деструктивные действия (фактическое противодействие силе). Эквивалент в русскоязычной культуре – миротворческие силы. Фразеологизм *Peace-Support Forces/Peace-Keeping Forces* состоит из двух компонентов: *Peace-Support/Peace-Keeping* – двухморфемный (мир + поддержание/сохранение) компонент ‘поддержание мира’, который в русском языке представлен двухкорневой лексемой *миротворческий* (мир + творение) – способствующий прекращению конфликта⁵³; *Forces (силы)* – воздействие⁵⁴. Таким образом, устойчивый оборот *Peace-Support Forces/Peace-Keeping Forces (миротворческие силы)* содержит метафору влияния и/или противодействия с целью сохранения мира всеми возможными средствами. Следовательно, данный оборот приобретает семантику ‘деструктивных действий’. Также заметим, что русский образ фразеологизма мир создает, а английский образ – мир поддерживает (сохраняет созданное).

Согласно ООН, *миротворческие силы* – войска ООН, которые предотвращают угрозу для всего мира, ожидаемую от конфликта на определенной территории⁵⁵. Соответственно, стоит отметить, что здесь оборот приобретает немного иную, экспрессивную окраску. В данном

⁴⁵ Серов В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений: более 4000 ст.

⁴⁶ Евгеньева А.П. Словарь русского языка в четырех томах. Т. 4.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Евгеньева А.П. Указ. соч. Т. 1. М.: Рус. яз., 1985. 703 с.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Евгеньева А.П. Указ. соч. Т. 4.

⁵² Флури Ф. Русско-английский политический словарь. Женева, 2002. 38 с.

⁵³ Евгеньева А.П. Указ. соч. Т. 2.

⁵⁴ Евгеньева А.П. Указ. соч. Т. 4.

⁵⁵ ООН и укрепление международного мира и безопасности // Советский Союз и Организация Объединенных Наций 1966–1970 гг. М.: Наука, 1975. 536 с.

контексте устойчивый оборот подобен разделительному и/или оборонительному сооружению, которое разводит/защищает конфликтующие стороны, и приобретает семантику 'давления и воздействия'.

Выводы

1. Этнополитическое пространство в образе фразеологизма представлено нестатическими, государственно-правовыми, коммуникационными потоками информации с точки зрения национального фактора, отражающего мировоззрение определенного народа (в зависимости от идеологии) по отношению к многопартийным и разностатусным субъектам и системам.

2. Акциональность во фразеологизмах, представляющих этнополитическое пространство, как правило, в призывах к отказу от воплощения идей по дестабилизации устоев, а также к урегулированию конфликтных ситуаций насильственным или ненасильственным путем, в предостережении от последствий реализации неверной политики и пр.

3. Собранный материал показывает, что фразеологическая акциональность в аспектах этнополитического пространства заключается в следующих формах: *конструктивная акциональность* (призыв к миру) – приостановление

или полное урегулирование конфликтной ситуации мирным способом на фоне предложения превентивных мер; *деструктивная акциональность* (сопротивление насилию) – готовность к самообороне или ведению обороны на фоне попытки разрушения созданного, подразумевает разрешение противоречий посредством прямых столкновений.

4. Конструктивная акциональность устойчивых выражений, призывающих к миру, обычно представлена механико-технической метафорой, в то время как деструктивная акциональность, являющаяся фактическим отражением агрессии со стороны противника, представлена, как правило, метафорой соборности – в виде частотных когнитивных моделей *интересы + единство* и *единение + взаимопомощь*, а также семантическим усилением соборности: *единство + покровительство*.

Компонентная модификация отражения действительности для конкретизации происходящей ситуации, метафорическое пересечение интересов, а также исторически сложившиеся компоненты в отдельных фразеологических единицах могут являться специфическим описанием реальности и рассматриваться как образ-прототип при современном прочтении оборота.

Список литературы

1. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Яз. рус. культуры, 1996. 288 с.
2. Василенко А.П. Образы фразеологизмов, построенные на идее социального противоборства (на материале военного жаргона) // Вестн. Челябинск. гос. ун-та. 2022. № 1(459). С. 117–128. DOI: [10.47475/1994-2796-2022-10114](https://doi.org/10.47475/1994-2796-2022-10114)
3. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Эдиториал УРСС, 2004. 256 с.
4. Коренькова С.А. Коннотативная семантика 'воздействия' (на материале фразеологизмов военной тематики) // Филол. аспект: междунар. науч.-практ. журн. 2023. № 1(93). С. 20–24.
5. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978. 200 с.
6. Крюкова И.В. Прагматика онима: направления исследований и методика анализа // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. 2011. № 8(62). С. 139–142.
7. Савчук И.П. Эволюция мифолингвистических характеристик геополитонима СИБИРЬ (на материале современных СМИ): дис. ... канд. филол. наук. М., 2021. 216 с.
8. Карбулатова И.С., Патенко Г.Р. Основные проблемы имиджевой политики региона в дискурсе визуальной коммуникации // Визуальная коммуникация в социокультурной динамике: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. (23 октября 2014 г.). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. С. 487–495.

9. Шулежкова С.Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие. М.: Азбуковник, 2002. 286 с.
10. Бьюкенен П.Дж. Смерть Запада / пер. с англ. А. Башкирова. М.: АСТ, 2003. 444 с.

References

1. Teliya V.N. *Russkaya frazeologiya. Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokul'turologicheskiy aspekty* [Russian Phraseology. Semantic, Pragmatic and Linguocultural Aspects]. Moscow, 1996. 288 p.
2. Vasilenko A.P. Phraseological Units Based on the Idea of Social Confrontation in Military Slang. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, no. 1, pp. 117–128 (in Russ.). DOI: [10.47475/1994-2796-2022-10114](https://doi.org/10.47475/1994-2796-2022-10114)
3. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago, 1980. 242 p. (Russ. ed.: Lakoff Dzh., Dzhonson M. *Metafora, kotorymi my zhivem*. Moscow, 2004. 256 p.).
4. Koren'kova S.A. Konnotativnaya semantika 'vozdeystviya' (na materiale frazeologizmov voennoy tematiki) [The Connotative Semantics of 'Pressure' (Exemplified by the Military Phraseological Units)]. *Filologicheskiy aspekt: mezhdunarodnyy nauchno-prakticheskiy zhurnal*, 2023, no. 1, pp. 20–24.
5. Podol'skaya N.V. *Slovar' russkoy onomasticheskoy terminologii* [Dictionary of Russian Onomastic Terms]. Moscow, 1978. 200 p.
6. Kryukova I.V. Pragmatika onima: napravleniya issledovaniy i metodika analiza [Pragmatics of Onym: Area of Research and Analysis Methods]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2011, no. 8, pp. 139–142.
7. Savchuk I.P. *Evolyutsiya mifolingvisticheskikh kharakteristik geopolitonima SIBIR' (na materiale sovremennykh SMI)* [The Evolution of the Mytholinguistic Characteristics of the Geopolitonym SIBERIA (Based on the Material of Modern Media): Diss.]. Moscow, 2021. 216 p.
8. Karbulatova I.S., Patenko G.R. Osnovnye problemy imidzhevoy politiki regiona v diskurse vizual'noy kommunikatsii [The Main Problems of the Image Policy of the Region in the Discourse of Visual Communication]. *Vizual'naya kommunikatsiya v sotsiokul'turnoy dinamike* [Visual Communication in Sociocultural Dynamics]. Kazan, 2015, pp. 487–495.
9. Shulezhkova S.G. *Krylatye vyrazheniya russkogo yazyka, ikh istochniki i razvitie* [Winged Words of the Russian Language, Their Sources and Development]. Moscow, 2002. 286 p.
10. Buchanan P.J. *The Death of the West: How Dying Populations and Immigrant Invasions Imperil Our Country and Civilization*. New York, 2002. 308 p. (Russ. ed.: B'yukenen P.Dzh. *Smert' Zapada*. Moscow, 2003. 444 p.).

DOI: 10.37482/2687-1505-V294

Anatoliy P. Vasilenko

Bryansk State Academician I.G. Petrovski University;
ul. Bezhitskaya 14, Bryansk, 241036, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8777-5743> e-mail: a.p.vasilenko@mail.ru

Snezhana A. Koren'kova

Bryansk State Academician I.G. Petrovski University;
ul. Bezhitskaya 14, Bryansk, 241036, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-4051-6187> e-mail: snezhick.b@mail.ru

THE SEMANTICS OF ACTIONALITY IN THE ETHNOPOLITICAL CONTEXT (Exemplified by Russian and English Set Phrases)

This paper analyses the semantics of set phrases in terms of the ethnopolitical space (geopolitonyms). Phraseological units are studied here from the point of view of constructive (calling for peace) and destructive (resisting violence) actionality. The constructive actionality group represents the metaphorization of prohibition, either strict or advisory, calling for peace through nonviolent means.

The set phrases of this group emphasize unity, strength and mutual support as well as a call for conflict suspension. The group of destructive actionality demonstrates aspects of confrontation aimed to prevent an adversary's aggression. The set phrases of this group express confrontation, opposition and readiness for self-defence. Having analysed the set phrases, the authors identified the component modification of the specific reflection of reality during ethnopolitical processes. This modification reflects the national factor and the worldview of a people. In the course of ethnopolitical activity, the identified types of metaphorical structures are manifested in slogans calling for avoidance of conflict situations. Phraseological constructive actionality can be found in the settlement of disputes, while destructive actionality, in readiness for stabilization and resistance (through direct clashes) in the current destabilized situation. The main function of such set phrases is avoiding destructive actions, at the same time being able to recode information and carry hidden meanings to achieve certain goals while distracting the subject. By demonstrating actionality of constructive and destructive actions, phraseological phrases are able to exert impact of varying degrees.

Keywords: *phraseological unit, constructive actionality, destructive actionality, component modification, geopolitonym.*

Поступила 08.05.2023
Принята 19.09.2023
Опубликована 30.10.2023

Received 8 May 2023
Accepted 19 September 2023
Published 30 October 2023

For citation: Vasilenko A.P., Koren'kova S.A. The Semantics of Actionality in the Ethnopolitical Context (Exemplified by Russian and English Set Phrases). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 5, pp. 45–55. DOI: 10.37482/2687-1505-V294

УДК 81'373:[811.161.1+811.112.2]

DOI: 10.37482/2687-1505-V293

ФИЛИППОВ Андрей Константинович, кандидат филологических наук, доцент кафедры математической лингвистики Санкт-Петербургского государственного университета. Автор 40 научных публикаций, в т. ч. трех коллективных монографий*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3120-4690>

БАЛТИЙСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В STRATAGEMA OECONOMICUM С. ГУБЕРТА И ИХ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ

Немецкоязычное наставление С. Губерта *Stratagema Oeconomicum, oder Acker-Student* содержит многочисленные наименования реалий сельского хозяйства и домоводства, в т. ч. обиходные крестьянские названия, распространенные в XVII веке в Балтийском регионе. В русском переводе за подписью М.В. Ломоносова – «Лифляндской экономии» – фрагменты с балтийскими заимствованиями даны в сокращении. Привлечение данных научной, справочной и архивной литературы позволяет прояснить референциальную отнесенность некоторых балтийских заимствований и их синонимов в тексте немецкого трактата, а также сделать выводы об их соотношении с русскоязычными эквивалентами. Так, сочетание *Dwessel laike* указывает на крестьянский языческий праздник поминовения душ усопших родственников, упоминаемый в текстах XVI века; *Zirzing* ‘сверчок’ выступает как синоним к *Embten* и *Grylle*, а *Skudra* ‘муравей’ – к *Ameise* и *Formica*; наименование *Szuring*, а также его обиходные немецкие эквиваленты *Flöhe-Kraut* *Persikaria* и *Schmertz kern Persikaria*, вероятнее всего, относятся к лекарственному растению горцу перечному, или водяному перцу (*Polygonum hydropyrum* L.). В русском переводе фрагментов, содержащих обиходные заимствованные наименования, отмечается большое количество ошибок при подборе эквивалентов, а также случаи отказа от их поиска, что, вероятнее всего, свидетельствует о трудностях, которые эти обозначения представляли для переводчика. В одних случаях опущение фрагментов оригинального текста не наносит заметного ущерба его общему смыслу, в других – ведет к искажению практических рекомендаций, приводимых в книге.

Ключевые слова: история немецкого языка, наставление по домоводству, балтийские заимствования, немецко-русские языковые контакты, С. Губерт, М.В. Ломоносов, лексические эквиваленты.

* Адрес: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9; e-mail: a.filippov@spbu.ru

Для цитирования: Филиппов А.К. Балтийские заимствования в *Stratagema Oeconomicum* С. Губерта и их лексические эквиваленты // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 5. С. 56–65. DOI: 10.37482/2687-1505-V293

Трактат С. Губерта *Stratagema Oeconomicum, oder Acker-Student* (Экономическая стратагема, или изучающему земледелию, 1-е издание, 1645 год¹) представляет собой немецкоязычное наставление по земледелию и домоводству, выполненное в русле традиции *Hausväterliteratur*. Данная традиция сформировалась в Германии к XVI веку [1, с. 27] и подразумевала изложение знаний и рекомендаций по ведению сельского хозяйства и ряду смежных дисциплин, предназначенное для хозяина усадьбы (Hausvater) или ее хозяйки (Hausmutter) [2, с. 52]. Автор трактата, Саломон Губерт (Salomon Gubert), был пастором одного из приходов исторической области Лифляндии [3, с. 274; 4, с. 203]. Данный факт обуславливает языковое и культурное своеобразие текста руководства.

Исследователи неоднократно отмечали лексическую неоднородность *Stratagema Oeconomicum*. К. Уусталу указал на наличие в тексте, в целом написанном литературным немецким языком (Hochdeutsch), многочисленных нижненемецких элементов (niederdeutsche Elemente) [5, с. 151]. В работе И. Полански о влиянии латышского языка на немецкий в Балтийском регионе приведены данные о прибалтийском происхождении некоторых слов в тексте Губерта [6]. А.М. Поликарпов и Т.Я. Кузнецова рассматривали трактат *Stratagema Oeconomicum* с когнитивно-дискурсивных позиций; результаты исследования свидетельствуют о тематическом разнообразии его лексики [7].

В отечественном историческом языкознании текст *Stratagema Oeconomicum* связывается в первую очередь с его рукописным русским переводом (вероятно, заказным [3, с. 273; 4, с. 205]) под названием «Лифляндская экономия» (1747) за подписью М.В. Ломоносова². Перевод, сделанный с четвертого издания книги Губерта (1688) [4, с. 203], в целом выполнен близко к оригиналу, однако некоторые фрагменты в нем

выпущены – предположительно, те, которые не представляли интереса для русского читателя [3, с. 274] либо же оказались трудными для переводчика [9, с. 18–21].

К сложным для интерпретации и перевода фрагментам *Stratagema Oeconomicum* относятся описания реалий из области сельского хозяйства и быта – в особенности те из них, которые содержат местные названия, применявшиеся в обиходе лифляндских крестьян. Некоторые из таких номинаций приводятся автором без каких-либо пояснений, например перечень плотницких инструментов на с. 7–8, содержащий номинации *Szuillex* ('плотницкий топор'), *Lizing* ('скобель'), *Zerpe* ('тесло') (подробнее см. [10, с. 19; 11, с. 113–116]).

В других случаях прибалтийские наименования вводятся в текст при помощи стандартных конструкций, самая распространенная из которых – «die Bauern nennen es...» ('крестьяне называют это...'). Зачастую подобные пояснения выступают в качестве дополнений к немецким названиям, формируя таким образом синонимические ряды. Что касается русского перевода, то в «Лифляндской экономии» большинство фрагментов, содержащих балтийские заимствования, приведено в сокращении: указывается только один переводной эквивалент, а упоминание обиходного названия отсутствует. Таким образом, мы можем говорить о немецких и русских лексических эквивалентах для балтийских заимствований в тексте *Stratagema Oeconomicum*.

Изучение этих связанных групп номинаций представляет интерес по нескольким причинам. Во-первых, референциальную соотнесенность некоторых из них нельзя считать до конца проясненной. Описание семантики исследуемых обозначений дает возможность получить новые данные о функционировании

¹В течение XVII века книга неоднократно переиздавалась (1649, 1673, 1688 и 1757 годы).

²Заглавие русского перевода отсылает к не сохранившейся до настоящего времени рукописи *Liefländische Oeconomia* рижского врача Штопиуса, которая, по свидетельству ряда исследователей, была использована Губертом при работе над трактатом [3, с. 273–274]. Относительно проблемы авторства Ломоносова применительно к «Лифляндской экономии» см. [8, с. 214].

немецкого языка в производственной сфере в Балтийском регионе в XVII веке. Во-вторых, сопоставление параллельных немецких и русских фрагментов позволяет углубить наше представление о стратегиях, свойственных переводческой практике XVIII века в России. Наконец, полученные факты позволяют внести отдельные коррективы в издательский комментарий к тексту «Лифляндской экономии» в 11-м томе Академического полного собрания сочинений Ломоносова (АПСС, 1983), безусловно, выполненный на высоком уровне, однако нуждающийся в дополнениях в свете новых данных, полученных в течение 40 лет, прошедших с момента издания.

Основным методом настоящего исследования является сопоставление лексико-фразеологических номинаций в параллельных фрагментах изучаемых произведений и их семантический анализ с привлечением исторических и современных словарей и других источников.

Показательный пример упоминания местной реалии можно найти во фрагменте *Stratagema Oeconomicum*, в котором приводятся советы насчет хранения гороха в осенний период:

(1) Die Bauren haben diesen Wahn: wen man die Erbsen zwischen Michael und Martini dröschet / (in dieser Zeit haben sie ihre **Dwessel laike**) daß sie alsden / unter der Erden wachsen³.

Лифляндские крестьяне так думают, когда горох между Покровом и Михайловым днем вымочен будет, то растет он под землею⁴.

Русский перевод отрывка не содержит пояснения, включающего номинацию *Dwessel laike*; он также расходится с оригиналом в части указаний границы временного отрезка, о

котором идет речь (*Michael*, 29 сентября – *Покров*, 1 октября; *Martinus*, 11 ноября – *Михайлов день*, 8 ноября; подробнее о заменах дат см. [8, с. 215; 12, с. 377–378, 382]). Из приведенного контекста следует, что название *Dwessel laike* обозначает некоторую дату, отмечаемую лифляндскими крестьянами в указанный промежуток календарного года. Рассмотрим подробнее это наименование.

Согласно данным исследований латышского фольклора, празднование Дня святого Михаила в Балтийском регионе с давних времен сопровождалось народными обрядами, включающими в себя подношения духам в виде еды, шерсти, воска и т. п.⁵ Противодействие этим языческим традициям со стороны церкви нашло отражение в законе, предписывающем пасторам Курляндии бороться с традицией «праздника душ», отмечаемого крестьянами в период от Дня святого Михаила до Дня Всех Святых:

Прежде всего будет крайне необходимо, <...> чтобы со стороны немцев или не-немцев, живущих в этой стране, не терпелось никакое идолопоклонство в церквях, полевых часовнях, лесах, кустах и других местах, и чтобы беднякам это не допускалось и не дозволялось как в обычные воскресенья, так и в праздничные, выходные и базарные дни.

Тем более это касается великого языческого идолопоклонства этой страны, которым давно страдают крестьяне в период от Дня святого Михаила до Дня Всех Святых самым нехристианским, суеверным и идолопоклонническим образом, в том числе в виде безбожного суеверия **Dwessel Meley** (и в высшей степени лицемерно мнение, что этот обычай распространен только среди их слуг), когда они по понедельникам совершают подношения пищи своим умершим

³Gubert S. *Stratagema oeconomicum, oder Akker-Student, Denen jungen, ungeübten Akkers-Leuten in Lieffland, zum nöthigen Unterrichte, vermittelt vieljährigen Observationibus, auch fürnehmer Philosophorum Placitis dargestellet*. Riga: Georg Mattias Nöller, 1688. S. 119. (Далее – SO).

⁴Губерт С. Лифляндская экономия / пер. М.В. Ломоносова // *Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. / АН СССР*. Т. 11, доп., справ.: Письма. Переводы. Стихотворения. Указатели. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1983. С. 111. (Далее – ЛЭ).

⁵Mīķeļi (Apjumības) // *Latviešu folklorā*. URL: <https://web.archive.org/web/20120403015639/http://www.liis.lv/folklorā/gadsk/origin/mikeli.htm> (дата обращения: 01.04.2023).

предкам, друзьям и родственникам, ставят приготовленную пищу рядом с их питьем, очищают, купают и омывают души всех святых. Все это должно терпеть проповедникам и властям так же мало, как и все прочие праздники идолопоклонства, особенно те, которые случаются на Рождество Христово⁶.

Данное постановление, включенное в свод церковных законов герцогства Курляндского, и употребленное в нем название *Dwessel Meley* (ср. латыш. *dvēseļu mielasts* 'праздник душ') упоминается в монографии К. Страубергса «Латышский фольклор об умерших» (*Lettisk folkstro om de döda*) [13, с. 109]; также оно присутствует в каталоге выставки «От герцога Готтхарда до герцога Якоба» Государственного исторического архива Латвии в Риге⁷.

Несмотря на то, что постановление о борьбе с описанной традицией было издано не в Лифляндии, а в Курляндии, вероятно, допустимо будет отождествить номинацию *Dwessel Meley* с *Dwessel laike* (ср. латыш. *laiks* 'время, пора') из текста *Stratagema Oeconomicum*. В пользу такого шага говорит не только частичное совпадение названий, но и отнесение их к крестьянской традиции, а также тот факт, что период, на который приходится данный праздник (от 29 сентября до 31 октября), целиком входит во временной интервал, указанный Губертом. Что касается отсутствия данного фрагмента в «Лиф-

ляндской экономии», то очевидно, что упоминание балтийского народного обычая, важное для Губерта как для местного пастора, не имело смысла для заказчика русского перевода.

В примере, взятом из главы об устройстве усадьбы и приусадебных построек, приводится способ, помогающий прогнать из комнаты сверчков, при этом насекомое в немецком тексте получает целый комплекс связанных наименований: *Embten – Grylli – Zirzing*; в русском тексте им соответствуют эквиваленты *сверчок* и *мокрица*:

(2) *Embten / Grylli*

*Embten / Grylli, die Bauern nennen es Zirzing. Nimm Erbsen / koche sie / drücke sie durch ein dünn Tuch / laß es mit Fett durchsieden / und wieder kalt werden / rühre alsdenn Quecksilber ein. Man muß Quecksilber nicht einthun / so lange sie warm seyn. Bestreiche darmtt die Ritzen / in welchen sich die Embten aushalten*⁸.

Сверчков прогонять

Возьми гороху и свари, продави его сквозь тонкий платок и свари с салом, а потом, простудив, смешай с ртутью, ртути до тех пор не клади, пока горох еще тепл, помажь тем щели, где **мокрицы** водятся, или кури часто в избе руюто, – сего духу не могут они терпеть⁹.

Из триады *Embten – Grylli – Zirzing* общеупотребительным является второе наименование (ср. соврем. нем. *Grille* – 'сверчок'). Локализм *Zirzing*, согласно данным Полан-

⁶«So wil zum ersten hochnötig sein / <...> daß ganz keine Abgötterey von Deutschen oder Undeutschen dieser Landen Einwohnern / in den Kirchen / Veldt Capellen / Welden / Büschen und an andern örtern hinferner geduldet / dem armen Volcke gestattet oder vergönnen werden / den gemeinen Sontagen so wenig als auff die Festtagen / Ablas und Marcket zeiten.

Viel weniger die grosse Heydnische Abgötterey dieses Landes Pawren lenger leiden / welche sie von Michaelis / biss auf *omnium Sanctorum*, Unchristlicher / Abergleubiger und Abgöttischer weise / noch durch ihre Gottlose *Superstition* der **Dwessel Meley** / und was der Heuchelischen *Opinion* mehr ist / ublich in ihren Gesinden gebrauchen / wenn sie alle Montage Speiseopffer ihren verstorbenen Voreltern / Freunden und Verwandten schlachten / gekochte Speise neben ihrem Getrencke / fürsetzen und auff aller Heiligen die Seele reinigen / baden und waschen. Dis alles sol ferner so wenig / wie aller andern Feste / Abgötterey / sonderlich die auff Weinachten geschehen pfelet / mehr von Predigern und Obrigkeit geduldet werden». De doctrina et ceremoniis sinceri cultus diuini Ecclesiarum Ducatus Curlandiæ, Semi-galliæque in Liuonia. Kirchen-Ordnung, etc (перевод – А.Ф.) / With a preface by A. Einhorn. Ger-Anno Salutis, 1570; Rostock, 1572. P. 74–75.

⁷No hercoga Gotharda līdz hercogam Jēkabam. Kurzemes un Zemgales hercogistes 450. Dzimšanas dienas izstāde. Rīgā: Latvijas Valsts vēstures arhīvā, 2011. P. 15.

⁸SO. S. 95.

⁹ЛЭ. С. 100.

ски, представляет собой случай употребления немецкого суффикса *-ing* в качестве эквивалента суффикса *-ene / -enis* при заимствовании из латышского языка (латыш. *circenis* – ‘сверчок’) [6, с. 170]. Таким образом, в тексте Губерта мы видим не само латышское слово, а окказиональное заимствование из латышского в немецкий. Наконец, наименование *Embten* Уусталу относит к числу нижненемецких лексических элементов, многочисленных в тексте *Stratagema Oeconomicum*. В качестве его основного значения исследователь указывает «Ameise» ‘муравей’ (со ссылкой на словарь К. Шиллера и А. Люббена¹⁰), однако делает вывод, что в данном случае оно скорее означает «Grille, Heimchen» ‘домовой сверчок’ [5, с. 152]. Такое объяснение представляется нам наиболее правдоподобным, тем более что для муравьев Губерт несколько раз использует традиционное обозначение *Ameise* (*Omeisse*); в следующем примере автор немецкого текста приводит соответствующее латинское название, а также эквивалент из лексикона балтийских крестьян:

(3) Wenn ein Pferd die Schnöwe hat / welche aus den Hüstern fleusset / so sol man **Ameisen** / **Formicas**, die Bauern nennen sie **Skudra** / mit Sommer-Roggen zusammen kochen mit einem Sack dem Pferde an den Kopff hängen / so warm es solches leiden kann / daß der Geruch und Fradem in die Hüstern steige¹¹.

Когда у лошади из глаз гной течет, то свари муравьев с ярицею и горячую, сколько лошади терпеть можно, привесь в мешочке к голове, чтоб дух и пар в глаза приходил¹².

Латышское слово *Skudra* означает ‘муравей’, как и латинское *formica*; в русском тексте

мы также видим слово *муравьи*. Тем не менее перевод, вероятнее всего, содержит ошибку, хотя она и касается не самого рецепта, а его применения. Немецкое слово *Schnöwe*, согласно Уусталу, представляет собой еще один нижненемецкий элемент и означает «слизь из носа, катарр; насморк» («Schleimfluß de Nase, Katarrh; Schnupfen» [5, с. 155] со ссылкой на словарь К. Шиллера и А. Люббена¹³). И хотя медицинский термин *katarr* (*katarr*) имеет достаточно общее значение «воспаление слизистой оболочки какого-л. органа»¹⁴, все же указание Губерта на кашель (*Hüstern*) позволяет предположить, что в его тексте речь идет о заболевании именно органов дыхания, а не глаз.

Что касается русских эквивалентов синонимического ряда *Embten* – *Grylli* – *Zirzing* (*сверчок* и *мокрица*), то необходимо обратить внимание не только на несоответствие второго из них оригиналу в семантическом плане¹⁵, но и на непоследовательность перевода, причем в пределах одного контекста. Не пытаюсь без достаточных оснований высказывать каких-либо предположений по поводу причин выбора конкретной лексической единицы русским переводчиком (предположительно, Ломоносовым), отметим лишь, что текст «Лифляндской экономии» в целом характеризуется наличием подобных неточностей и непоследовательных решений в ряде фрагментов (подробнее см. [8, с. 214, 216; 11, с. 112–113]).

Следующее местное название растения дважды встречается в тексте *Stratagema Oeconomicum* – как средство, помогающее прогонять

¹⁰Mittelniederdeutsches Wörterbuch / von Karl Schiller und August Lübben. Bd. I. A–E. Bremen: Kühtmann [u.a.], 1875. S. 658.

¹¹SO. S. 95.

¹²ЛЭ. С. 121.

¹³Mittelniederdeutsches Wörterbuch / von Karl Schiller und August Lübben. Bd. IV. S–T. Bremen: Kühtmann [u.a.], 1878. S. 281.

¹⁴См., например: Катар // Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвист. исследований. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 2. К – О. С. 39.

¹⁵См., например: «МОКРИЦА 1. Мелкое животное, живущее в сырых местах» // Словарь русского языка XVIII в. Вып. 12. Лытец–Молвотворство / гл. ред. Ю.С. Сорокин. СПб.: Наука, 2001. С. 249.

блех из помещения, и как компонент лекарства для лошадей:

(4) Kammer-Flohe zu vertreiben

Nimm Wermuth und Saltz / koche es zusammen / besprengte damit die Kammern. Mit dem Wasser / darinnen Rauten gesotten / verjaget man sie auch. Gekaackte Rutt jagt Flöh utt. Ite / streue **Flöhe-Kraut Persikaria**, die Bauren nennen es **Szuring**, in die Kammern / thue es oft¹⁶.

Блех из горницы прогонять

Возьми полыни и соли, свари вместе и выбрызгай тем горницу. Вода, в которой рута трава варена, блех так ж прогоняет. Еще ж возьми **травы ковыль персикария** и чаще ею посыпай горницу, то блехи пропадут¹⁷.

(5) Nimm **Schmertz kern Persikariam**, die Bauern nennen es **Szuring** / das kochen sie mit Wasser / waschen der verdächtigen Ort damit / und binden solch Kraut auff¹⁸.

Когда у лошади червь, то возьми **травы ковылю** и вари в воде; вымой то место и привяжи тут оную траву¹⁹.

Растение, которому соответствует балтийское наименование *Szuring*, представлено у Губерта латинским обозначением *Persikaria* в сочетании с немецкими словами *Flöhe-Kraut* и *Schmertz kern*. Русский переводчик использует номинации *трава ковыль персикария* и *трава ковыль*. Рассмотрим, каковы взаимоотношения между приведенными названиями.

Поланска указывает, что *Szuring* – это заимствование в немецкий язык из латышского по той же модели, что и *Zirzing*, с переходом суф-

фикса *-ene* в *-ing* [6, с. 170]. Латышское *sūrene* ‘горец’ указывает на один из родов семейства Гречишные (*Polygonaceae*) по современной систематике; таким образом, можно с уверенностью говорить о том, что перевод *трава ковыль* неадекватен оригиналу, как и содержащий заимствование вариант *ковыль персикария*, особенно учитывая, что ковыль (*Stipa* L.) – преимущественно кормовое растение, не используемое в лекарственных целях²⁰.

Однако остается вопрос, о каком конкретном роде и виде семейства *Polygonaceae* идет речь в немецком оригинале. Согласно современной ботанической номенклатуре, *горец* – русское название рода *Polygonum*, включающего в себя более 160 видов²¹. Однако обозначение *Persikaria* из текста Губерта указывает на другой род – *Persicaria* (*Persicaria*), к которому относится более 120 видов²². Картина еще более усложняется, если принять во внимание тот факт, что представители *Persicaria* долгое время не выделялись в самостоятельный род, а включались в состав рода *Polygonum* [14, с. 621]²³. Однако обращение к немецким словарям и справочникам XVIII–XIX веков с опорой на приведенные у Губерта варианты названия, в первую очередь обиходное *Flöhe-Kraut* (указывающее на возможность применения данного растения против блох), позволяет разрешить вопрос о его денотате.

Справочник Г.А. Притцеля и К. Йессена «Немецкие народные названия растений»

¹⁶SO. S. 94–95.

¹⁷ЛЭ. С. 100. Издательский комментарий АПСС к данному фрагменту краток и малоинформативен: «Ковыль персикария – у Губерта Kraut Persicaria» [4, с. 208].

¹⁸SO. S. 146.

¹⁹ЛЭ. С. 100.

²⁰См. например: Ковыль // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XVa: Коала – Конкордия. СПб.: Типо-литограф. И.А. Ефрона, 1895. С. 530–531. Ср. также: «КОВЫЛЬ Степная колосистая трава» // Словарь русского языка XVIII в. Вып. 10. Кастальский–Крепостца / гл. ред. Ю.С. Сорокин. СПб.: Наука, 1998. С. 76.

²¹*Polygonum* L. // Plants of the World Online. URL: <https://powo.science.kew.org/taxon/urn:lsid:ipni.org:names:331872-2> (дата обращения: 01.04.2023).

²²*Persicaria* Mill. // Plants of the World Online. URL: <https://powo.science.kew.org/taxon/urn:lsid:ipni.org:names:60433517-2> (дата обращения: 01.04.2023).

²³См. также: Index Nominum Genericorum. URL: <https://naturalhistory2.si.edu/botany/ing/INGsearch.cfm?searchword=Persicaria> (дата обращения: 01.04.2023).

(*Die deutschen Volksnamen der Pflanzen*, 1882) фиксирует название *Flöhkraut* для целого ряда видов растений, в числе которых *Polygonum hydropiper* L., а также *Polygonum lapathifolium* и *persicaria* L.²⁴

Если принять во внимание, что для вида *hydropiper* справочник приводит также названия *Schmarktarn* и *Schmerzen*, а для *lapathifolium* и *persicaria* – *Schmarktarn* и *Schmarktorn* (ср. *Schmertzker* у Губерта), можно сделать вывод, что одно из этих растений, вероятнее всего, является искомым денотатом.

Первому из наименований Притцеля и Йессена соответствует *горец перечный* (*Persicaria hydropiper* по современной номенклатуре), называемый также водяным перцем (нем. *Wasserpfeffer*) и с давних времен применяемый в медицине как кровоостанавливающее и пр. средство²⁵. Второе может относиться либо к *горцу развесистому* (*Persicaria lapathifolia*), либо к *горцу почечуйному* (*Persicaria maculosa*, в прошлом также *Polygonum persicaria* L.); из них в медицине применяется только горец почечуйный²⁶, что позволяет исключить горец развесистый из рассмотрения. Таким образом, речь у Губерта идет либо о *Persicaria hydropiper*, либо о *Persicaria maculosa*.

Обратимся к описаниям растения, называемого *Floh-Kraut* либо *Persicaria*, которые приводятся в различных немецких словарях и справочниках. Словарь И.К. Аделунга, как и справочник Притцеля и Йессена, отмечает многозначность наименования *Flöhkraut* и различает *Polygonum persicaria* L. и *Polygonum*

hydropiper L., для последнего также указывая синоним *Wasserpfeffer* и отмечая горько-острый запах его листьев²⁷, однако не приводит информации, достаточной для разрешения нашего вопроса. Немецко-латинский лексикон И.Л. Фриша в статье *Floh-Kraut* приводит названия *Persicaria* и *Hydropica*, но не описывает различий между ними²⁸. Наиболее полная информация содержится в словаре И.Г. Цедлера, выделяющего такие разновидности *Flöh-Kraut*, как *brennend* ‘жгучая’, *gelinde* ‘мягкая’ и *scharffes* ‘острая’²⁹. Все они объединяются под общим названием *Persicaria* или *Wasserpfeffer* (в отличие от вышеупомянутых источников, трактующих наименование *Wasserpfeffer* как синоним лишь для *Hydropiper*, но не для *Maculosa*). В статье на слово *Wasserpfeffer* дается подробное описание двух его наиболее распространенных значений с перечнем синонимичных названий для каждого из них. Первое значение соответствует горцу почечуйному, на что указывает, в частности, приведенное латинское наименование *Persicaria maculosa*, а второе – горцу перечному, названному в словаре *Hydropiper*. Статья указывает на применимость обоих этих растений в борьбе против блох, а также на практику их употребления в медицине, однако лишь для второго значения приводится еще один вариант использования, который фигурировал в *Stratagema Oeconomicum*, – лечение лошадей, в частности избавление их от паразитических червей при помощи

²⁴Pritzel G.A., Jessen C. Die deutschen Volksnamen der Pflanzen: Neuer Beitrag zur deutschen Sprache aus allen Mundarten und Zeiten. Hannover: Verlag von Philipp Cohen, 1882. S. 298–299.

²⁵Энциклопедический словарь лекарственных, эфирномасличных и ядовитых растений. С. 69.

²⁶Ботанико-фармакологический словарь / под ред. К.Ф. Блиновой и Г.П. Яковлева. М.: Высш. шк., 1990. С. 181; Энциклопедический словарь лекарственных, эфирномасличных и ядовитых растений. С. 308.

²⁷Adelung J. Chr. Grammatisch-kritisches Wörterbuch der hochdeutschen Mundart. Bd. 2: F – L. Wien: B. Ph. Bauer, 1811. S. 215–216.

²⁸Frisch J.L. Teutsch-lateinisches Wörter-Buch, ... Nebst einem Register der lateinischen Wörter. Berlin: Christoph Gottlieb Nicolai, 1741. 1300 s.

²⁹Grosses vollständiges Universallexicon aller Wissenschaften und Künste / 68 B. Halle, Leipzig: Johann Heinrich Zedler, 1731–1754. Bd. 9. S. 1252–1254.

отвара этой травы: «Es tödtet die Würmer in den Geschwüren und Wunden vortreflich» ('Он отлично убивает червей в гнойниках и ранах')³⁰.

Таким образом, наиболее вероятный денотат для обозначений *Flöhe-Kraut Persikaria* и *Schmertz kern Persikaria* – горец перечный, также известный как водяной перец (*Persicaria hydropiper*). Безусловно, нельзя полностью исключить и предположение о том, что в XVII веке виды *hydropiper* и *maculosa* рода *Persicaria* путались между собой, однако уже в источниках середины XVIII века они четко различаются.

Анализ приведенных фрагментов позволяет сделать ряд выводов относительно семантики отдельных балтийских наименований реалий в *Stratagama Oeconomicum* и их лексических эквивалентов, а также особенностей перевода подобных названий в тексте «Лифляндской экономии»:

1. Данные обозначения принадлежат к крестьянской традиции, о чем свидетельствуют пояснения самого Губерта.

2. Номинация *Dwessel laike* указывает на языческий праздник поминовения душ умер-

ших, отмечавшийся крестьянами в Балтийском регионе.

3. Названия *Flöhe-Kraut Persikaria* и *Schmertz kern Persikaria*, а также местное *Szuring*, вероятнее всего, служат обозначениями горца перечного (*Polygonum hydropiper* L.). В связи с этим заключением может быть скорректирован издательский комментарий в АПСС к сочетанию *ковыль персикария* с указанием *Flöhe-Kraut Persikaria* (вместо *Kraut Persikaria*) в качестве исходного выражения, а также объяснением его семантики, подобно тому, как это сделано для ряда других слов.

4. Все приведенные фрагменты представляли сложность для русского переводчика (которым, предположительно, был Ломоносов). Как следствие, в большинстве из них допущены ошибки при выборе эквивалентов для исходных наименований либо таковые не были подобраны. При этом если в примере 1 опущение фрагмента с народным названием не оказывает существенного влияния на общий смысл контекста, то в примерах 3–5, содержащих конкретные практические рекомендации, замена номинаций приводит к отступлению от содержания оригинала.

Список литературы

1. Poplow M. Die Ökonomische Aufklärung als Innovationskultur des 18. Jahrhunderts zur optimierten Nutzung natürlicher Ressourcen // *Landschaften agrarisch-ökonomischen Wissens: Strategien innovativer Ressourcennutzung in Zeitschriften und Sozietäten des 18. Jahrhunderts* / hrsg. M. Poplow. Münster: Waxmann, 2010. S. 3–48.
2. Gray M.W. *Productive Men, Reproductive Women: The Agrarian Household and the Emergence of Separate Spheres During the German Enlightenment*. N. Y.: Berghahn Books, 2000. 370 p.
3. Берков П.Н. Ломоносов и «Лифляндская экономия» // Ломоносов: сб. ст. и материалов. [Сб.] 2. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1946. С. 271–276.
4. Паина Э.С., Соколова Н.В. Примечания: К № 9 [«Лифляндской экономии»] // *Ломоносов М.В. Полн. собр. соч.*: [в 11 т.]. Т. 11. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1983. С. 202–211.
5. Uustalu K. Niederdeutsche Elemente in Baltisch-Deutsch des XVII. Jh. // *Tartu Riikliku Ülikooli toimetised. Vihik 619. Kõrvutava ja rakenduslingvistika küsimusi*. Тарту: Тартус. гос. ун-т, 1982. С. 151–158.
6. Polanska I. *Zum Einfluss des Lettischen auf das Deutsche im Baltikum: Inaugural-Dissertation in der Fakultät Sprach- und Literaturwissenschaften der Otto-Friedrich-Universität Bamberg*. Bamberg, 2002. 354 s.

³⁰Grosses vollständiges Universallexicon aller Wissenschaften und Künste. Bd. 53. S. 689–690.

7. Поликарпов А.М., Кузнецова Т.Я. Немецкоязычный сельскохозяйственный дискурс в XVII в. (на материале трактата Соломона Губерта «Stratagema oeconomicum oder Akkerstudent») // Вестн. Балт. федер. ун-та им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2016. № 4. С. 5–15.
8. Keipert H. Lomonosov und die *Lifljandskaja ékonomija* // Festschrift für Hans-Bernd Harder zum 60. Geburtstag / hrsg. K. Harrer, H. Schaller. München: Otto Sagner, 1995. S. 213–222.
9. Филиппов А.К. О лакунах в тексте «Лифляндской экономики» М.В. Ломоносова // Универ. науч. журн. 2019. № 51. С. 15–25. DOI: [10.25807/PBH.22225064.2019.51.15.25](https://doi.org/10.25807/PBH.22225064.2019.51.15.25)
10. Viires A. *Woodworking in Estonia: Historical Survey*. Fort Mitchell: Lost Art Press, 2016. 290 p.
11. Филиппов А.К., Филиппов К.А. Специальная лексика в *Лифляндской экономике* М.В. Ломоносова в сопоставлении с трактатом С. Губерта *Stratagema Oeconomicum* // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер.: Язык и литература. 2020. Т. 17, № 1. С. 102–121. DOI: [10.21638/spbu09.2020.107](https://doi.org/10.21638/spbu09.2020.107)
12. Филиппов А.К. Хрононимы в текстах *Stratagema Oeconomicum, oder Akker-Student* С. Губерта и *Лифляндской экономики* М.В. Ломоносова (сопоставительный анализ) // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер.: Язык и литература. 2022. Т. 19, № 2. С. 373–388. DOI: [10.21638/spbu09.2022.211](https://doi.org/10.21638/spbu09.2022.211)
13. Straubergs K. *Lettisk folketro om de döda*. Stockholm: Nordiska Museet, 1949. 140 s.
14. Wilson K.L. Some Widespread Species of *Persicaria* (*Polygonaceae*) and Their Allies // *Kew Bull.* 1990. Vol. 45, № 4. P. 621–636. DOI: [10.2307/4113867](https://doi.org/10.2307/4113867)

References

1. Poppow M. Die Ökonomische Aufklärung als Innovationskultur des 18. Jahrhunderts zur optimierten Nutzung natürlicher Ressourcen. Poppow M. (ed.). *Landschaften agrarisch-ökonomischen Wissens: Strategien innovativer Ressourcennutzung in Zeitschriften und Sozietäten des 18. Jahrhunderts*. Münster, 2010, pp. 3–48.
2. Gray M.W. *Productive Men, Reproductive Women: The Agrarian Household and the Emergence of Separate Spheres During the German Enlightenment*. New York, 2000. 370 p.
3. Berkov P.N. Lomonosov i “Liflyandskaya ekonomiya” [Lomonosov and the *Economy of Livonia*]. *Lomonosov*. Vol. 2. Moscow, 1946, pp. 271–276.
4. Paina E.S., Sokolova N.V. Primechaniya: K № 9 (“Liflyandskoy ekonomii”) [Notes: To no. 9 (*Economy of Livonia*)]. *Lomonosov M.V. Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 11. Leningrad, 1983, pp. 202–211.
5. Uustalu K. Niederdeutsche Elemente in Baltisch-Deutsch des XVII. Jh. *Tartu Riikliku Ülikooli toimetised. Iss. 619. Kõrvutava ja rakenduslingvistika küsimusi*. Tartu, 1982, pp. 151–158.
6. Polanska I. *Zum Einfluss des Lettischen auf das Deutsche im Baltikum: Inaugural-Dissertation in der Fakultät Sprach- und Literaturwissenschaften der Otto-Friedrich-Universität Bamberg*. Bamberg, 2002. 354 p.
7. Polikarpov A.M., Kuznetsova T.Ya. Nemetskoyazychnyy sel’skokhozyaystvennyy diskurs v XVII v. (na materiale traktata Solomona Guberta “Stratagema oeconomicum oder Akkerstudent”) [The German Agricultural Discourse in the 17th Century (Based on the Treatise “Stratagema oeconomicum oder Akkerstudent” by Salomon Gubert)]. *Vestnik Baltiyskogo federal’nogo universiteta im. I. Kanta. Ser.: Filologiya, pedagogika, psikhologiya*, 2016, no. 4, pp. 5–15.
8. Keipert H. Lomonosov und die *Lifljandskaja Ékonomija*. Harrer K., Schaller H. (eds.). *Festschrift für Hans-Bernd Harder zum 60. Geburtstag*. Munich, 1995, pp. 213–222.
9. Filippov A.K. O lakunakh v tekste “Liflyandskoy ekonomii” M.V. Lomonosova [Gaps in *Liflyandskaya Ekonomiya* by M.V. Lomonosov]. *Universitetskiy nauchnyy zhurnal*, 2019, no. 51, pp. 15–25. DOI: [10.25807/PBH.22225064.2019.51.15.25](https://doi.org/10.25807/PBH.22225064.2019.51.15.25)
10. Viires A. *Woodworking in Estonia: Historical Survey*. Fort Mitchell, 2016. 290 p.
11. Filippov A.K., Filippov K.A. Special Vocabulary of *Liflyandskaia ekonomia* by M. Lomonosov in Comparison with *Stratagema Oeconomicum* by S. Gubert. *Vestnik Saint Petersburg Univ. Lang. Lit.*, 2020, vol. 17, no. 1, pp. 102–121 (in Russ.). DOI: [10.21638/spbu09.2020.107](https://doi.org/10.21638/spbu09.2020.107)
12. Filippov A.K. Chrononyms in *Stratagema Oeconomicum* by S. Gubert and in *Liflyandskaia Ekonomia* by M.V. Lomonosov (a Comparative Study). *Vestnik Saint Petersburg Univ. Lang. Lit.*, 2022, vol. 19, no. 2, pp. 373–388. DOI: [10.21638/spbu09.2022.211](https://doi.org/10.21638/spbu09.2022.211)
13. Straubergs K. *Lettisk folketro om de döda*. Stockholm, 1949. 140 p.
14. Wilson K.L. Some Widespread Species of *Persicaria* (*Polygonaceae*) and Their Allies. *Kew Bull.*, 1990, vol. 45, no. 4, pp. 621–636. DOI: [10.2307/4113867](https://doi.org/10.2307/4113867)

DOI: 10.37482/2687-1505-V293

Andrey K. Filippov

Saint Petersburg State University;
Universitetskaya nab. 7/9, St. Petersburg, 199034, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3120-4690> e-mail: a.filippov@spbu.ru

BALTIC BORROWINGS IN S. GUBERT'S *STRATAGEMA OECONOMICUM* AND THEIR LEXICAL EQUIVALENTS

The German-language guide *Stratagema Oeconomicum, oder Acker-Student* by Salomon Gubert contains numerous words from the spheres of agriculture, farming and housekeeping, including colloquial object names that were used by peasants of the Baltic region in the 17th century. In the Russian translation – *Lifyandskaya ekonomiya (Economy of Livonia)* – signed by Mikhail Lomonosov, fragments with Baltic borrowings are abridged. Using data from scientific, reference and archival literature, we can clarify the referential attribution of some Baltic borrowings and their synonyms in the German text, as well as draw conclusions about the relationship between them and their Russian equivalents. For instance, the combination *Dwessel laike* refers to the pagan peasant holiday in remembrance of the deceased relatives and their souls, mentioned in 16th-century texts; *Zirzing* 'cricket' is a synonym for *Embten* and *Grylle*, while *Skudra* 'ant' is a synonym for *Ameise* and *Formica*; the name *Szuring*, as well as its colloquial German equivalents *Flöhe-Kraut Persikaria* and *Schmertz kern Persikaria*, most likely refer to water pepper (*Polygonum hydropyrum* L.), a medicinal plant. In the Russian translation of excerpts containing colloquial borrowed names, numerous errors can be found, as well as cases when these names are not translated at all, which most likely indicates that these words and phrases presented difficulties to the translator. In some cases, the omission of parts of the original text does not significantly change the meaning, while in others, it distorts the practical recommendations given in the book.

Keywords: *history of the German language, Hausväterliteratur, Baltic borrowings, German-Russian language contacts, S. Gubert, M.V. Lomonosov, lexical equivalents.*

Поступила 11.04.2023
Принята 12.09.2023
Опубликована 30.10.2023

Received 11 April 2023
Accepted 12 September 2023
Published 30 October 2023

For citation: Filippov A.K. Baltic Borrowings in S. Gubert's *Stratagema Oeconomicum* and Their Lexical Equivalents. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 5, pp. 56–65. DOI: 10.37482/2687-1505-V293

УДК 81'373.2

DOI: 10.37482/2687-1505-V292

РОДИНА Надежда Андреевна, кандидат филологических наук, доцент, старший преподаватель кафедры русского языка Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации (Москва). Автор 65 научных публикаций*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4013-919X>

ПОЛЕВОЙ ПОДХОД К РАССМОТРЕНИЮ ОНОМАСТИЧЕСКОГО ФРАГМЕНТА ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩЕГО

Статья посвящена применению полевого подхода к организации ономастикона военного социума. Современная языковая личность использует в коммуникации различную лексику, в которой особое место занимают имена собственные, являясь одним из важнейших средств отражения национальной культуры. В качестве одного из наиболее эффективных подходов к разграничению и выявлению системных отношений в разнообразной ономастической лексике, определению их структурно-семантических и функциональных свойств выступает полевой. В традиционном понимании ономастического поля русского языка ядро составляют антропонимы (личные имена, отчества, фамилии, прозвища и псевдонимы), околядерную зону – имена собственные антропоцентрического притяжения (теонимы, мифонимы, зоонимы, этнонимы), периферийную зону – разряды с чертами апеллятивно-ономимического пограничья; при этом топонимы и космонимы представлены дисперсно как в ядре, так и на периферии, в зависимости от известности и величины называемого объекта. Применительно к закрытому военному социуму полевой подход в совокупности с авторским антропоцентрическим критерием позволил получить иное распределение имен собственных, функционирующих в коммуникации современного российского военнослужащего. Центр ядра составляют официальные антропонимы – фамилии, имена, отчества (прежде всего, фамилии), которые индивидуализированы, немотивированы, системны и устойчивы. В периферийной зоне ядра – позывные и прозвища, четко выполняющие номинативно-выделительную функцию, мотивированные, условно системные и изменчивые. На периферии поля располагаются военные эргонимы, хрематонимы, топонимы и хрононимы. При этом эргонимы и хрематонимы обладают ослабленными индивидуализирующими свойствами, мотивированы, системны, устойчивы и более тяготеют к ядру в силу частого использования языковой личностью. Военные топонимы и хрононимы относятся к непосредственной периферии ономастического поля, однако не равноудалены от ядра: они мотивированы и слабо индивидуализируют называемое, но хрононимы сильнее систематизированы и более устойчивы во времени. Исследование позволяет пролить свет как на особенности ономастикона военного дискурса, так и на многие общие вопросы теории имени собственного.

Ключевые слова: языковая личность, антропоцентрический подход, российский военнослужащий, полевой подход, военный социум, ономастическое поле.

*Адрес: 123001, Москва, ул. Большая Садовая, д. 14; e-mail: esperance84@mail.ru

Для цитирования: Родина Н.А. Полевой подход к рассмотрению ономастического фрагмента языковой личности военнослужащего // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 5. С. 66–75. DOI: 10.37482/2687-1505-V292

Антропоцентрический подход на протяжении более полувека преобладает в гуманитарных исследованиях, в т. ч. и лингвистике. Например, социолингвистические изыскания в области русского языка направлены на выявление особенностей и закономерностей выбора представителями того или иного социума языковых средств общения, отражающих в продуцируемых текстах индивидуальное видение реальности.

Как известно, в процессе своей повседневной деятельности современная языковая личность использует в коммуникации различную лексику. Социально-функциональная стратификация русского языка, где каждая из форм его существования закреплена за определенной сферой коммуникации или социальной средой, представлена на рис. 1.

Средства официально-делового, научного, публицистического и разговорного стилей языковая личность может использовать чаще, поскольку литературный русский язык обслуживает общероссийское письменное и устное общение, а жаргонизмы, профессионализмы и терминологию – применять по мере необхо-

димости, т. к. они принадлежат к подъязыкам русского языка, существующим в профессиональных социумах.

В словарный запас языковой личности входят как нарицательные, так и собственные (онимы) имена существительные. При этом первые являются основой лексикона. Онимы же представляют собой особый разряд: будучи нейтральными (например, фамилия), они используются в официально-деловом стиле речи, в случае маркированности (например, домашнее имя) – в разговорной речи, а образуясь от жаргонизмов или диалектизмов (например, прозвище), относятся к нелитературному русскому языку.

Результат познавательной деятельности языковой личности по хранению, накоплению и отражению опыта использования имен собственных представляет собой ономастическое знание. Его человек получает в итоге концептуализации и категоризации окружающей действительности, следовательно, знание об ониме и его специфических чертах является результатом познания, осмысления и употребления данной лексемы в целях называния.

Схема 1. Социально-функциональная стратификация русского языка

Рис. 1. Социально-функциональная стратификация русского языка

Fig. 1. Social-functional stratification of the Russian language

Это знание подразумевает присутствие соответствующих свойств у предмета мысли и иллюстрирует специфику языкового сознания индивидуума [1].

По мере вовлечения в жизнь человека того или иного объекта накапливаются различные сведения о нем, позволяющие четко дифференцировать его среди подобных. Таким образом, например, антропонимы являются одним из важнейших средств отражения национальной культуры, по-особому представляясь в официальной формуле именовании, вокативных, квалитативных формах и т. д. [2].

С целью разграничения и выявления системных отношений в разнообразной ономастической лексике, определения их структурно-семантических и функциональных свойств рядом отечественных лингвистов (Г.С. Щур, А.В. Бондаренко, В.И. Супрун и др.) были разработаны теории полевого подхода. В соответствии с единым пониманием поле представляет собой совокупность как однородных, так и разнородных элементов, имеющих семантическую общность и составляющих ядро и периферию. При этом конститuentы ядра одного поля могут принадлежать периферии другого, а разные поля – накладываться друг на друга [3–12].

Ономастическое поле, сформированное совокупностью устойчивых имен собственных, находящихся в структурно-системных отношениях, будучи живым организмом, обладает такими чертами, как изменчивость и функциональная подвижность.

В.И. Супрун в монографии «Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал» в 2000 году выделил в качестве ядра ономастического поля антропонимы, к которым примыкает околоядерная зона – имена собственные антропоцентрического притяжения: теонимы, мифонимы, зоонимы, этнонимы. Дисперсно, в зависимости от известности и величины называемого объекта, как в ядре, так и на периферии находятся топонимы и космонимы. Менее значительные по объему и употребительности разряды с чертами апеллятивно-онимического пограничья относятся исключительно к периферийной зоне. Что касается самого ядра – антропонимии русского языка, то его «ядро» представлено личными именами (полными и гипокористическими формами), а уменьшительно-ласкательные и увеличительно-уничижительные формы, отчества и фамилии находятся в «околоядерном пространстве», прозвища и псевдонимы – «периферийном» (рис. 2) [12].

По мнению И.В. Крюковой, периферийные онимы обладают ослабленной номинативно-

Рис. 2. Ономастическое поле в традиционном понимании

Fig. 2. Onomastic field in its traditional understanding

выделительной функцией, индивидуализируют некие абстрактные сущности (например, у эргонимов – род деятельности). Другими критериями удаленности групп имен собственных от ядра являются их мотивированность, слабая системная организация и изменчивость во времени [11].

В настоящее время резко возросло количество имен собственных, выходящих за рамки традиционной ономастической категоризации. Так называемый ономастический взрыв обусловлен политическими, культурными и экономическими изменениями в обществе [11].

Особенно ярко подобная тенденция проявляется в таком некогда полностью закрытом, но сегодня находящемся в центре внимания социуме, как военный. Благодаря существующим научным трудам и средствам массовой информации на сегодняшний день уже достаточно много известно о системе личных имен, бытующих в обществе представителей российской армии и флота.

Настоящее исследование призвано выявить особенности полевого распределения онимов, функционирующих в военном социуме. С этой целью были проанализированы все группы имен собственных, называющих в данном обществе различные объекты и лиц. В результате сбора, каталогизации и классификации более 3600 единиц картотеки, собранной путем анализа открытых источников Министерства обороны Российской Федерации, отечественных средств массовой информации, а также анкетирования и интервьюирования представителей военного социума, сформирован следующий типологический список [13; 14]:

1) военные антропонимы:

– фамилии, преобладающие наряду с указанием воинского звания в официальной коммуникации и присутствующие на нашивках (напр.: Сидоров, Костенко, Павлович, Шульц),
– прозвища, функционирующие в неформальном общении (напр.: Островитянин, Стэх, Морж),
– позывные, функционирующие в официальной коммуникации в боевой обстановке (напр.: Диктор, Старый, Белорус, Лис);

2) военные эргонимы:

– названия подразделений (напр.: батальон «Каскад», бригады «Отважные» и «Пятнашка», казачий отряд «Дон», группировка «Восток»),
– названия военных учебных заведений (напр.: Военный университет имени князя Александра Невского, Архангельский морской кадетский корпус имени Адмирала Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова);

3) военные хрематонимы:

– официальные названия вооружения и военной техники (напр.: гаубица «Мста-Б», тяжелая огнемётная система «Солнцепек», комплекс артиллерийской разведки «Пенициллин», мина с лазерным наведением «Смельчак»),
– прозвища вооружения и военной техники (напр.: БМП – «Бэха», УАЗ-452 – «Таблетка», бомбардировщик Су-34 – «Утенок»);

4) военные топонимы:

– названия военных городков (напр.: Краснознаменск, Солнечный, Чехов-2),
– названия военных полигонов (напр.: Кап-Яр, Кура, Гороховецкий артиллерийский полигон),
– названия космодромов (напр.: космодром «Плесецк», «Свободный»),
– позывные аэродромов (напр.: «Балти-мор», «Припять», «Глинозем»),
– названия аэродромов (напр.: Клин-5, Смоленск-Северный, Рогачево),
– урбанонимы (напр.: Красноказарменная улица, улица Жукова, Кутузовский проспект, площадь Победы, Штабной переулок);

5) военные хрононимы:

– названия военных операций (напр.: «Весна-80», «Памир», «Маневр», «Багратион»),
– наименования военных дат (напр.: День разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск в Сталинградской битве, День Неизвестного Солдата).

В соответствии с критериями разграничения центральной и периферийной ономастики у военных антропонимов, эргонимов, хрематонимов, топонимов и хрононимов может быть выделен ряд дифференциальных признаков.

Так, по *номинативно-выделительной функции* антропонимы значительно отличаются от

других разрядов имен собственных, поскольку последние называют зачастую нечетко отграниченные друг от друга объекты и даже серии объектов. Например, хрематонимы называют модели вооружения и военной техники, а эргонимы – объединения военнослужащих.

Далее рассмотрим критерий *мотивированности*.

Если официальные военные антропонимы (фамилия, имя и отчество – ФИО) не являются характеризующими, то другие группы имен собственных в военном социуме обладают двуплановой семантикой и нуждаются в мотивировке. Прежде всего это относится к позывным, присваиваемым военнослужащими самостоятельно или сослуживцами как необсуждаемая рабочая альтернатива фамилии с целью усиления скрытности коммуникации. Прозвища также даются по какой-то отличительной черте, однако используются в неформальной обстановке, в связи с чем обладают гораздо более широким спектром семантических особенностей и лексическим разнообразием коррелирующих апеллятивов.

Эргонимы, элементами которых являются имена знаменитых отечественных военнослужащих и указание на местонахождение организации, выполняют, помимо прочих, мемориальную и ориентационную функции. Так, название Военного университета увековечивает имя князя Новгородского, великого князя Киевского, великого князя Владимирского, святого Русской православной церкви и полководца Александра Невского, а название Архангельского морского кадетского корпуса – имя Адмирала Флота Советского Союза, Главнокомандующего Военно-морским флотом СССР, Героя Советского Союза Николая Герасимовича Кузнецова. Кроме того, элемент «Архангельский» указывает на местонахождение образовательной организации.

Хрематонимы, подразделяясь на официальные и неофициальные, несут в себе как определенные «сверху» тактико-технические характеристики, так и отраженные в народных, прозвищных именовании мотивы (размер, форма, специфика работы или написания официального артикула и др.). Например, хрема-

тоним «Солнцепек» метафорически проясняет особенности способа уничтожения противника тяжелой огнеметной системой, а «Утенок» – описывает форму носовой части самолета Су-34.

Следующая категория – военные топонимы – представлена весьма разнообразно, однако все типы именовании в основном несут характеристику связанности либо непосредственно с географическим расположением (соседние природные объекты или административные гражданские), либо непосредственно с общепринятыми символами и терминами в военном социуме (красное знамя, казарма, штаб) и антропонимами, принадлежащими великим полководцам (Кутузов, Жуков, Конеv и др.). Так, аэропорт Амдерма находится рядом с одноименным поселком, полигон Кура – недалеко от одноименной реки, Красноказарменная улица в Москве названа в честь «Красных казарм» – зданий бывших кадетских корпусов Екатерининского дворца и Лефортовских казарм, выстроенных из красного кирпича. Практически в каждом российском городе существует улица Жукова, увековечивающая фамилию Маршала Советского Союза, главного маршала Великой Победы, четырежды Героя Советского Союза, кавалера двух орденов «Победа» и министра обороны СССР Георгия Константиновича Жукова.

Наконец, военные хрононимы также обладают мотивировкой. Так, названия военных операций могут отражать замысел полководцев («Кольцо», «Суворов») или обстоятельства («Январский гром», «Гератская», «Рельсовая война»). Например, именование Смоленской стратегической наступательной операции 1943 года – «Суворов» – отсылает, во-первых, к европейской локализации знаменитого Швейцарского похода, во-вторых, напоминает, что Александр Васильевич предпочитал наступление обороне. «Рельсовая война» подразумевала совместные с партизанским движением действия, направленные на нарушение работы железнодорожного транспорта немецко-фашистских войск. Именования дней воинской славы и памятных дат в своем составе имеют обозначение важного для военной истории события, память

о котором необходимо сохранить. Таким образом, данный тип хрононимов зачастую мотивирован названием сражения (День разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск в Курской битве) или именем полководца и названием сражения (День победы русских воинов князя Александра Невского над немецкими рыцарями на Чудском озере).

Следующим критерием для отнесения разряда имен собственных к ядру или периферии является *системная организация групп*.

Главным признаком системности можно считать серии названий одного разряда, образованные по одинаковой словообразовательной модели. Не вызывает никаких сомнений факт, что официальные военные антропонимы, использующие российскую формулу ФИО, обладают общепризнанными формантами для имен, фамилий, отчества за редким исключением иностранных или модных именовании. Что касается прозвищ и позывных, то единственной общей словообразовательной моделью можно считать метафорический перенос значения от апеллятива. В целом же благодаря свойственной представителям Вооруженных сил РФ развитости образного мышления практически любое слово, способное проиллюстрировать отличительную характеристику сослуживца, может стать индивидуальным маркером – прозвищем или позывным.

Прослеживается системная организация и у общероссийских периферийных разрядов. Так, у хрематонимов, например, это «цветочные» серии гаубиц («Пион», «Гиацинт», «Фиалка»), у эргонимов – аббревиатурные названия, у хрононимов – использование фамилий полководцев для наименования операций и модели *День + кого/чего* для обозначения дат. Системная организация топонимов прослеживается несколько сложнее из-за обилия типов названий, семантика которых направлена, прежде всего, на сокрытие каких-либо конкретных сведений о располагающихся в данном месте объектах. Однако в некоторых случаях представляется вполне возможной идентификация

топонима по форманту: индексирование военных городков, включение в состав компонентов *улица, проспект, площадь, полигон, аэродром, космодром* и т. п.

Последним критерием для установления удаленности групп имен собственных от ядра является *устойчивость категории* онимов во времени. В этом отношении необходимо отметить, что российские фамилии, имена и отчества традиционны и со временем претерпевают лишь незначительные изменения. Вторичные антропонимы подвержены влиянию языковой моды и в зависимости от социальной и политической обстановки могут по-разному преломлять свойства тех или иных лиц, предметов или явлений. Например, по мере удаления отечественной массовой культуры от американской прозвище курсанта, увлекающегося мультфильмами, трансформируется из частотного Микки Маус (один из символов The Walt Disney Company) в 2015 году в частотное Лунтик (главный персонаж современного российского мультсериала) в 2023 году. Эргонимы, хрононимы и хрематонимы в военном социуме достаточно устойчивы в силу сложившихся еще в советское время традиций описательности и аббревиации для названий учреждений, отражения основных вех отечественной военной истории – для дней воинской славы и памятных дат, принципа «образа и подобия» – для вооружения и военной техники. Для прозвищных хрематонимов традиционными являются юмористические мотивы номинации. Так, по массивной форме многоцелевой вертолет Ми-8 неофициально называют *дойной коровой*, весьма далекую от комфорта БМП – *Бэхой* по схожести с аббревиатурой БМВ (Бэха – разговорное название автомобиля немецкой марки BMW). 152-миллиметровая армейская самоходная пушка 2А36 «Гиацинт» получила прозвище *«Геноцид»* (по созвучию): такая игра слов является достаточно ярким примером черного юмора. Рассмотрение топонимов в аспекте их устойчивости заслуживает особого внимания, поскольку многие из них, называя относительно мелкие географические объекты, также подвержены влиянию факто-

ров социально-политической обстановки. Так, например, в результате расформирования структурного военного подразделения соответствующий военный городок может исчезнуть вместе со своим названием, а внутригородской объект – получить новый урбаноним в результате смены политического курса страны и необходимости увековечивания имени другого деятеля.

Однако при определении места той или иной группы имен собственных в ономастическом поле, по нашему мнению, также немаловажен фактор *удаленности от самой языковой личности российского военнослужащего*. Так, в соответствии с антропоцентрическим подходом ближайшими к человеку считаются его имя, фамилия и отчество, полученные при рождении и задокументированные. Применительно к военному социуму главным официальным идентификатором является фамилия, которая вкупе со званием и инициалами используется в формальной коммуникации и полностью значится на нашивках. На некотором удалении находятся позывные, т. к. их применение обусловлено боевыми действиями, хотя не все военнослужащие могут быть в них задействованы. Такими же необязательными, но имеющими место являются военные прозвища, используемые для более эффективного общения во внеслужебное время. Поскольку вооруженные силы четко структуриро-

ваны, их представители объединяются в подразделения, имеющие типичные, понятные каждому российскому военнослужащему названия. И каждый офицер, солдат, матрос так или иначе контактирует с оружием, у которого есть официальное и прозвищное именованья. Специальные военные названия для географического объекта или события опциональны, поскольку военнослужащий не так часто сталкивается с их денотатами.

В результате применения полевого подхода с учетом антропоцентрического фактора для организации системы имен собственных в военном социуме была получена новая схема (рис. 3).

Таким образом, полевое распределение ономастикона российского военного социума отличается от традиционного распределения русских имен собственных.

Центр ядра составляют официальные антропонимы ФИО (прежде всего – фамилия). Они являются индивидуализирующими, немотивированными, системными и устойчивыми.

В периферийной зоне ядра находятся позывные и прозвища, поскольку они четко выполняют номинативно-выделительную функцию, все же мотивированы, условно системны и изменчивы.

В периферии поля располагаются военные эргонимы, хрематонимы, топонимы и хрононимы. При этом эргонимы и хрематонимы обладают ослабленными индивидуализирующими свой-

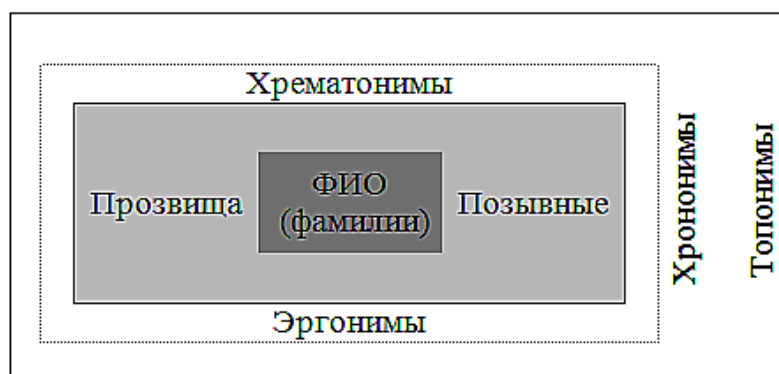

Рис. 3. Ономастическое поле военного социума

Fig. 3. Onomastic field of a military community

ствами, мотивированы, системны, устойчивы и более тяготеют к ядру в силу частого использования языковой личностью.

Военные топонимы и хронимы относятся к непосредственной периферии ономастического поля, но не равноудалены от ядра. Единицы обоих разрядов мотивированы и слабо индивидуализируют называемое, однако хро-

нимы при этом сильнее систематизированы и более устойчивы во времени.

Исследования, проведенные на относительно узком тематическом материале с применением полевого подхода, позволяют пролить свет как на особенности ономастикона институционального дискурса, так и на многие общие вопросы теории имени собственного.

Список литературы

1. Щербак А.С. Ономастические категории: соотношение языковых и когнитивных структур // *Вопр. когнитив. лингвистики*. 2012. № 4(033). С. 78–83.
2. Мадиева Г.Б., Супрун В.И. Антропонимы как средство выражения национальной культуры // *Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та*. 2010. № 6(50). С. 96–102.
3. Бондарко А.В. Функционально-семантическое поле // *Языкознание. Большой энциклопедический словарь* / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Большая Рос. энцикл., 1998. С. 566–567.
4. Васильева О.А. Ономастическое поле зоонимов с гиперсемой «свинья»: дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2018. 214 с.
5. Ивашикович Т.И. Лексико-синтаксическое структурирование семантического поля «Знание. Компетентность» в современном русском языке (лексикографический аспект): дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001. 184 с.
6. Королева И.А. Ономастические пространства и поле в языке // *Рус. речь*. 2003. № 2. С. 85–86.
7. Королева И.А. Становление русской антропонимической системы: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2000. 387 с.
8. Файзуллина И.И. Ономастическое поле прагматонимов современного русского языка: дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2009. 184 с.
9. Тиллоева С.М. Понятийный аспект структуры семантического поля: моногр. Екатеринбург: [б. и.], 2020. 57 с.
10. Щур Г.С. Теории поля в лингвистике. М.: Наука, 1974. 254 с.
11. Крюкова И.В. Гл. 9. Периферийные разряды ономастики // *Супрун В.И., Ильслова С.В., Беданоква З.К., Нефляшева И.А. Теория и практика ономастических и дериватологических исследований: коллект. моногр.* Май-коп: Изд-во «Магарин О.Г.», 2017. С. 169–183.
12. Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. Волгоград: Перемена, 2000. 172 с.
13. Родина Н.А. Ономастическая составляющая языковой личности российского военнослужащего // *Вестн. Балт. федер. ун-та им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология*. 2021. № 1. С. 51–60.
14. Родина Н.А. Вторичная антропонимическая номинация русских военнослужащих: структурно-семантические особенности позывных // *Соц. и гуманитар. знания*. 2022. Т. 8, № 4(32). С. 450–462. DOI: [10.18255/2412-6519-2022-4-450-462](https://doi.org/10.18255/2412-6519-2022-4-450-462)

References

1. Shcherbak A.S. Onomasticheskie kategorii: sootnoshenie yazykovykh i kognitivnykh struktur [Onomastic Categories: Correlation of Language and Cognitive Structures]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, 2012, no. 4, pp. 78–83.
2. Madieva G.B., Suprun V.I. Antroponimy kak sredstvo vyrazheniya natsional'noy kul'tury [Anthroponyms as a Means of National Culture Expressing]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2010, no. 6, pp. 96–102.

3. Bondarko A.V. Funktsional'no-semanticheskoe pole [Functional-Semantic Field]. Yartseva V.N. (ed.). *Yazykoznanie. Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistics: The Great Encyclopaedic Dictionary]. Moscow, 1998, pp. 566–567.
4. Vasil'eva O.A. *Onomasticheskoe pole zoonimov s gipersemoy "svin'ya"* [Onomastic Field of Zoonyms with the Hyperseme "Pig": Diss.]. Samara, 2018. 214 p.
5. Ivashkovich T.I. *Leksiko-sintaksicheskoe strukturirovanie semanticheskogo polya "Znanie. Kompetentnost'" v sovremennom russkom yazyke (leksikograficheskiy aspekt)* [Lexico-Syntactic Structuring of the Semantic Field "Knowledge. Competence" in the Modern Russian Language (Lexicographic Aspect): Diss.]. Volgograd, 2001. 184 p.
6. Koroleva I.A. Onomasticheskie prostranstva i pole v yazyke [Onomastic Spaces and Field in Language]. *Russkaya rech'*, 2003, no. 2, pp. 85–86.
7. Koroleva I.A. *Stanovlenie russkoy antroponimicheskoy sistemy* [The Formation of the Russian Anthroponymic System: Diss.]. Moscow, 2000. 387 p.
8. Fayzullina I.I. *Onomasticheskoe pole pragmatonimov sovremennogo russkogo yazyka* [Onomastic Field of Pragmatonyms of the Modern Russian Language: Diss.]. Ufa, 2009. 184 p.
9. Tilloeva S.M. *Ponyatiynyy aspekt struktury semanticheskogo polya* [Conceptual Aspect of the Structure of the Semantic Field]. Yekaterinburg, 2020. 57 p.
10. Shchur G.S. *Teorii polya v lingvistike* [Field Theories in Linguistics]. Moscow, 1974. 254 p.
11. Kryukova I.V. Gl. 9. Periferiynye razryady onomastiki [Peripheral Categories of Onomastics]. Suprun V.I., Il'yasova S.V., Bedanokova Z.K., Neflyasheva I.A. *Teoriya i praktika onomasticheskikh i derivatologicheskikh issledovaniy* [Theory and Practice of Onomastic and Derivatological Research]. Maykop, 2017, pp. 169–183.
12. Suprun V.I. *Onomasticheskoe pole russkogo yazyka i ego khudozhestvenno-esteticheskiiy potentsial* [Onomastic Field of the Russian Language and Its Artistic and Aesthetic Potential]. Volgograd, 2000. 172 p.
13. Rodina N.A. Onomasticheskaya sostavlyayushchaya yazykovoy lichnosti rossiyskogo voennosluzhashchego [Onomastic Component of a Linguistic Identity of a Russian Military Officer]. *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Ser.: Filologiya, pedagogika, psikhologiya*, 2021, no. 1, pp. 51–60.
14. Rodina N.A. Secondary Anthroponymic Nomination of Russian Servicemen: Structural and Semantic Features of Call Signs. *Sotsial'nye i gumanitarnye znaniya*, 2022, vol. 8, no. 4, pp. 450–462 (in Russ.). DOI: [10.18255/2412-6519-2022-4-450-462](https://doi.org/10.18255/2412-6519-2022-4-450-462)

DOI: 10.37482/2687-1505-V292

Nadezhda A. Rodina

Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation;
ul. Bol'shaya Sadovaya 14, Moscow, 123001, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4013-919X> e-mail: esperance84@mail.ru

FIELD APPROACH TO STUDYING THE ONOMASTIC COMPONENT OF THE LINGUISTIC PERSONALITY OF A SERVICEMAN

This article is devoted to the application of the field approach to the organization of the onomasticon of the military community. A modern linguistic personality communicates using varied vocabulary, a special place being occupied by proper names as one of the most important means of reflecting national culture. A highly effective approach to distinguishing and identifying systemic relations in the rich onomastic vocabulary as well as determining their structural, semantic, and functional properties

For citation: Rodina N.A. Field Approach to Studying the Onomastic Component of the Linguistic Personality of a Serviceman. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 5, pp. 66–75. DOI: 10.37482/2687-1505-V292

is the field approach. In the traditional understanding of the onomastic field of the Russian language, the nucleus is made up of anthroponyms (personal names, patronymics, surnames, nicknames and pseudonyms), the near-nuclear zone, of anthropocentric proper names (theonyms, mythonyms, zoonyms and ethnonyms), while the peripheral zone, of proper names exhibiting features of the appellative-onymic boundary; at the same time, toponyms and cosmonyms are dispersed both in the nucleus and on the periphery, depending on the size of the object and whether it is well known or not. With regard to the closed military community, the field approach, together with the author's anthropocentric criterion, allowed us to obtain a different distribution of proper names used by Russian servicemen in communication. The centre of the nucleus is comprised of official anthroponyms of the full name (first of all, the surname), which are individualized, unmotivated, systemic and stable. In the peripheral zone of the nucleus are call signs and nicknames that precisely fulfil the nominative and distinguishing function; they are motivated, relatively systemic and changeable. On the periphery of the field, we find military ergonyms, chrematonyms, toponyms and chrononyms. Ergonyms and chrematonyms have weak individualizing properties, are motivated, systemic, stable and gravitate more towards the nucleus due to their frequent use by the linguistic personality. Military toponyms and chrononyms belong to the immediate periphery of the onomastic field, but are not equidistant from the nucleus: they are motivated and weakly individualize what is being named. However, chrononyms are more systematized and more stable in time. The study sheds some light on both the features of the onomasticon of military discourse and on many general issues of the theory of proper names.

Keywords: *linguistic personality, anthropocentric approach, Russian serviceman, field approach, military community, onomastic field.*

Поступила 01.04.2023
Принята 20.09.2023
Опубликована 30.10.2023

Received 1 April 2023
Accepted 20 September 2023
Published 30 October 2023

УДК [81'42+81'342.8]:82-2

DOI: 10.37482/2687-1505-V288

БЕЛОШИЦКАЯ Наталья Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английского языка Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор 38 научных публикаций, в т. ч. трех учебных пособий*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0899-1828>

СПЕЦИФИКА ДРАМАТУРГИЧЕСКОЙ ТОНАЛЬНОСТИ ДИСКУРСА (на примере новостного корпоративного дискурса)

В статье рассматривается видовое проявление дискурсивной категории тональности – драматургическая тональность. Относясь к прагматическому параметру дискурса, она проявляет когнитивную природу и обладает культурно-социальной значимостью. Это позволяет прибегнуть к аналитическому инструментарию комплекса направлений гуманитарного знания. Драматургическая тональность характеризуется перформативностью, оценочностью и адресностью. Этот вид дискурсивной тональности основывается на лингвосомиотической категории театральности и пронизывает структуру текста. В статье определяется прототипическая функция драматургической тональности – запланированное субъектом дискурса и близкое к «авторскому» понимание и интерпретация сообщения адресатом. Мы предлагаем анализировать драматургическую тональность в рамках презентационной теории дискурса, т. к. назначение тональности состоит в стратегическом выстраивании коммуникации. Драматургическая тональность профилирует ценностные ориентации субъекта дискурса, обеспечивая в дискурсивном развертывании демонстрацию смыслов адресату. В то же время она побуждает адресата к активному интерпретированию, участию в созидании смысла. Драматургическая тональность выступает как механизм управления воздействием и актуализируется в контексте социального взаимодействия. В качестве языкового материала используются новостные сообщения информационного пространства сайта Северного (Арктического) федерального университета. В процессе анализа выявляются языковые приемы, актуализирующие действие драматургической тональности. В исследуемом типе дискурса наблюдается предсказуемость процесса дискурсивного развертывания коммуникативного события в фокусе внимания. Автор считает это проявлением действия механизма драматургической тональности, релевантного данному виду дискурса (медийному). Делается вывод, что архитекtonика дискурсивного отрывка, ролевой статус субъекта дискурса, модальная рамка оформления сообщения, экспрессивность семантики – приемы актуализации драматургической тональности.

Ключевые слова: *драматургическая тональность, презентационный медиадискурс, интерпретация, субъект дискурса, метадискурсивное взаимодействие, перформативность, категория театральности.*

*Адрес: 163000, г. Архангельск, просп. Ломоносова, д. 4; e-mail: n.beloshickay@narfu.ru

Для цитирования: Белошицкая Н.Н. Специфика драматургической тональности дискурса (на примере новостного корпоративного дискурса) // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 5. С. 76–84. DOI: 10.37482/2687-1505-V288

Дискурсивная тональность как категория дискурса неоднократно становилась объектом внимания исследователей [1–8]. В частности, Л.В. Селезнева определяет ее, наряду с такими категориями, как порядок дискурса и позиционирование, в качестве условия формирования и целостности дискурса [5]. В исследованиях дискурса, затрагивающих категорию тональности, отмечается ее связь с аксиологией дискурса и категорией модальности. Дискурсивная тональность направлена на семиотическое означивание концептуальных характеристик субъектов дискурса. Существует корреляция между типом дискурса и преобладающим видом тональности.

Актуальность данного исследования заключается в том, что здесь впервые рассматривается видовое проявление дискурсивной тональности – драматургическая дискурсивная тональность. Изучение действия механизма драматургической тональности может способствовать поиску эффективных стратегий дискурсивного поведения.

Цель статьи – отследить действие и проявление этого вида тональности. В процессе работы выявляются языковые приемы, актуализирующие действие драматургической тональности как основного механизма, обеспечивающего интерпретацию текста реципиентом (адресатом) в запланированном субъектом (автором) ключе. Полагаем, что именно данный механизм является основой для реализации эффекта воздействия на адресата.

Драматургическая тональность, будучи видовым проявлением дискурсивной категории тональности, строится по прототипическому принципу. В качестве прототипа действия драматургической тональности мы предлагаем механизм базовой лингвoseмиотической категории презентационности (театральности, демонстрационности) с ярким профилированием прагматики пафоса (термин В.И. Карасика). Прототипическим признаком драматургической тональности считаем ее перформативность, прототипической функцией – запланированное субъектом дискурса, срежиссированное и близкое к «авторскому» по-

нимание (интерпретация) сообщения (высказывания, текста) адресатом (слушающим, читающим). Действие механизма драматургической тональности требует анализа в ракурсе социального взаимодействия с учетом культурной значимости, что позволяет прибегнуть к аналитическому инструментарию комплекса направлений гуманитарного знания.

Интерпретация как способ понимания информации и освоения знания приобретает двойной смысл при изучении механизма действия драматургической тональности. Во-первых, в данном исследовании интерпретация выступает как метафункция – основной прием экспликации действия механизма драматургической тональности при анализе языкового материала. Во-вторых, запланированный субъектом дискурса способ интерпретации (ее вектор) сообщения адресатом есть основная задача драматургической тональности: «Интерпретативный вектор смысла акцентирует внимание не на содержании некоторого текста, а на тех установках интерпретатора, которые обеспечивают понимание высказывания» [9, с. 277].

Однако изначальная неэквивалентность концептуальных систем адресанта и адресата определяет появление новых, «незапланированных» (автором) смыслов. Моделируя семиотику коммуникации, Ю.М. Лотман приходит к выводу, что при передаче текста (сообщения) от говорящего к слушающему неизбежны отклонение и изменение этого сообщения [10]. В системе языка, тем не менее, есть такие средства, которые компенсируют априорную недостижимость полного соответствия смыслов у адресанта и адресата, например избыточность [10, с. 13]. В связи с этим драматургическую тональность можно рассматривать как механизм, обеспечивающий минимальные потери авторского смысла во время передачи и интерпретации сообщения. Она профилирует ценностные ориентации субъекта, обеспечивая в дискурсивном развертывании демонстрацию смыслов адресату.

Этот тезис приобретает особую значимость при рассмотрении драматургической тональности в рамках презентационной теории дискурса [11].

С точки зрения данной теории все концепты, вовлеченные в информационный процесс, подвергаются драматизации: «для того, чтобы воздействие было эффективным, необходимо, чтобы это “представление” было столь же эффективно “представлено”» [11, с. 70]. Демонстрируя смыслы, драматургическая тональность в то же время побуждает к активному интерпретированию, участию в созидании смысла. Достаточно наглядно это показано в исследовании паремиологических единиц как высказываний-инсценировок, развивающихся, подобно театральному представлению, презентационных коммуникативных действий [12].

Драматургическая тональность может в той или иной мере быть обнаружена в каждом коммуникативном действии. Анализ действия определяется коммуникативной ситуацией, в неразрывной связи с которой мы рассматриваем его как функционально целый фрагмент коммуникации – коммуникативное событие. Именно в рамках последнего мы будем изучать явление драматургической тональности. Данное событие представляет собой текст как конкретную ипостась дискурса и релевантные признаки ситуации, помогающие понять текст в его конкретном воплощении [9, с. 269]. Разноуровневые единицы языка, следуя замыслу автора – оказать воздействие на слушателя, удивить, подвигнуть на конкретные действия, сопрягаются в порождаемом высказывании (тексте).

Тональность как дискурсивный параметр (и драматургическая тональность как частный случай) пронизывает текст во всей полноте его структур. Изоморфно нелинейности текста нелинейно и проявление драматургической тональности. Выбор эффективных средств воздействия, манипулятивность – суть данного феномена. Очевидно, что лексико-синтаксическая ткань текста наиболее открыта для анализа, поскольку стратегии интерпретации заложены в нем самом. Корпоративное информационное пространство есть результат создания возможного мира через постановочное воздействие, в т. ч. с помощью

механизма драматургической тональности. В качестве примера рассмотрим пространство сайта Северного (Арктического) федерального университета (САФУ). В фокусе нашего внимания находятся новостные сообщения из раздела «Новости» вкладки «Жизнь САФУ». Ее название ясно определяет содержательное наполнение и образ адресата: тексты широкой тематики, затрагивающие самые разные аспекты функционирования учебного заведения, предназначенные для чтения как внешней, так и внутренней аудиторией, что обуславливает необходимость соответствия их содержания критериям драматургичности и режиссуры. Полагаем, что механизм именно драматургической тональности как видového выражения дискурсивной тональности является основным для реализации воздейственного эффекта на адресата. Анализ текстового материала предполагает рассмотрение дискурсивных отношений между субъектом, объектом и адресатом, т. к. драматизация дискурса предусматривает определенное ранжирование ролей участников [11, с. 79]. Роль субъекта дискурса (автора высказывания/текста) является ведущей. Субъект (автор текстов) выступает инициатором и контролером этого процесса.

Процесс постановки (драматизации) начинается на уровне подготовки объекта (написания текста) – в презентации «Как писать новости на сайт САФУ» даются четкие инструкции со стороны пресс-службы университета (в данном случае это контролер процесса – «постановщик»). Данные инструкции выполняют метаязыковую функцию – акцентируют внимание потенциального автора непосредственно на языковом выражении, структуре текста, стиливых приемах. Приведем пример¹:

(1) *Заголовок должен:*

- *быть ясным высказыванием;*
- *заключат в себе основную идею текста;*
- *не противоречить содержанию материала;*
- *быть корректным и понятно сформулированным.*

¹Как писать новости на сайт САФУ. URL: <https://narfu.ru/life/news/press-center/> (дата обращения: 10.02.2023).

Модальность долженствования, лаконичность и четкость формулировок, перечисление требований в виде списка максим конституируют директивность послания и выстраивают стратегию решения задачи. «Драматург-постановщик» информационного процесса конкретизирует сказанное примером:

(2) *А еще в заголовке должен быть глагол. «Рок-квартирник» – плохой заголовок. «В САФУ прошел рок-квартирник» или «Студенты “зажгли” на рок-квартирнике» – уже лучше².*

Стилизация текста под нормы устной речи (*а еще, уже лучше*), дидактичность, которая выражается в категоричной оценочной модальности (*плохой заголовок, уже лучше*), проявляют иерархию субъектов-авторов, вовлеченных и вовлекаемых в процесс работы над объектом дискурса. Потенциальный студент вуза как непосредственный участник «жизни» университета должен стать и основным летописцем событий. Способ выражения установок-рекомендаций со стороны «постановщика» (контролера) имплицитно выражает мнение университета (корпорации) относительно социальных характеристик потенциального автора дискурса. Важны не столько его индивидуальные, сколько социальные характеристики, определяющие принадлежность к университету: студент, лидер, активен, вовлечен в жизнь вуза, транслирует корпоративные ценности учебного заведения.

Анализ заголовков позволяет оценить референтное пространство, формируемое в результате отбора только тех ситуаций действительности, которые создают позитивный образ жизни университета. Очевиден демонстративный, презентационный характер посланий, заключенных в заголовки. В.И. Карасик выделяет демонстратив как особый жанр в медийном (сетевом) дискурсе: «суть этого жанра состоит в подчеркивании саморепрезентации как разыгрывания определенной роли» [9, с. 392]. Например, демонстративами являются такие сообщения:

(3) *Волонтер САФУ принял участие во всероссийском молодежном форуме «Экосистема. Заповедный край»; Студенты САФУ завершили благоустройство кленовой аллеи на территории университета; В САФУ прошел образовательный интенсив для старост; Студентки САФУ вышли в финал конкурсного отбора для участия в международной летней школе; Студенты САФУ помогли Сийскому монастырю; Клуб Кэндо САФУ «Северные Гончие» открыли набор в команду и провели первые тренировки³.*

Драматургия информационного пространства создается не только через отбор материала, но и посредством функциональных категориальных значений глаголов-предикатов: «Выбор того или иного смысла... в процессе структурирования и категоризации событий определяется комплексом функций и прагматической установкой высказывания. Если в прагматической установке доминирует функция репрезентации внутрисобытийных функций и отношений (функция пропозициональности), то это определяет консентное использование глагола» [13, с. 20]. Активный характер субъекта действия и акциональный характер события в фокусе внимания передаются через семантику завершенности, результативности, действительности выделенных глаголов-предикатов. Заголовки отражают ключевую позицию субъекта дискурса – важен не индивид, а позиция университета, экстраполируемая через того или иного индивида, поэтому в группе подлежащего неизменно фигурирует университет.

Инструкция по подбору заголовка сменяется указаниями по написанию первого абзаца текста новости. Метаязыковые рефлексии «постановщика» включают требования к объему и способу отражения события в тексте:

(4) *Первый абзац содержит основную информацию новости. Не нужно вступлений – начинаем сразу с самого главного и интересного⁴.*

²Как писать новости на сайт САФУ. URL: <https://narfu.ru/life/news/press-center/> (дата обращения: 10.02.2023).

³Новости САФУ. URL: <https://narfu.ru/life/news/> (дата обращения: 10.02.2023).

⁴Как писать новости на сайт САФУ. URL: <https://narfu.ru/life/news/press-center/> (дата обращения: 10.02.2023).

Установка на динамизм, конкретность изложения и быстроту развития действия в тексте вполне отвечает духу времени: событий много, они стремительно сменяют друг друга, жизнь в университете бурлит, как следствие, текст должен максимально реалистично воссоздавать референтную ситуацию в сознании адресата. Перформативный характер метадискурсивного взаимодействия субъекта (контролера, «постановщика») и адресата (потенциального субъекта-автора) изоморфен реальному процессу постановки действия на сцене. Тональность дискурсивного взаимодействия уже на этом этапе приобретает драматургический характер.

Проанализируем соответствие директивам «постановщика» текстового воплощения коммуникативного события – пресс-конференции. Начнем с заголовка и первого абзаца.

(5) *В САФУ прошла пресс-конференция по итогам экспедиции «АПУ – 2022: Меняющаяся Арктика»*

*В Северном (Арктическом) федеральном университете имени М.В. Ломоносова состоялась пресс-конференция, на которой **ученые подробно рассказали** об экспедиции «Арктический плавучий университет – 2022», высадках, проведенных исследованиях и первых результатах. Напоминаем, в экспедиции, которая проходила с 24 июня по 16 июля, приняло участие 53 человека из 17 российских научно-исследовательских и образовательных организаций. Большая часть участников – студенты и аспиранты⁵.*

Заголовок фиксирует актуальность события, адресат получает необходимую фактическую информацию. В первом абзаце выстраивается хронотоп события – что и где имело место, указывается статистика, перечисляются участники события. Он выполняет функцию декораций постановки события в тексте. Читатель «видит» контекст события. Возвраща-

ясь к инструкции «постановщика», отметим, что он буквально ведет потенциального автора (субъекта конструируемого дискурса). Так, на следующем слайде цитируемой презентации, посвященном текстовому уровню воплощения замысла, находим детальные напутствия:

(6) *Текст должен быть написан понятным языком. Термины при необходимости поясняются. Аббревиатуры расшифровываются (за исключением очевидных: САФУ, РФ, РАН)⁶.*

Прозрачность и максимальная эксплицитность, направленная на избежание всякого недопонимания или незапланированной интерпретации, – проявления порядка институционального корпоративного дискурса. Общий замысел субъекта в первом абзаце новости все же определяет необходимость развертывания номинации университета до полного официального названия (в заголовке, как того требует жанр, автор обходится аббревиатурой). Позиция темы высказывания представлена торжественной номинацией университета, в его многомерном образе профилируются функциональные смыслы академичности, вовлеченности в научно-исследовательскую деятельность. Это поддерживается высокой регистровой принадлежностью предиката – пресс-конференция состоялась (сравним с заголовком, где использован более «обиходный» глагол *прошла*). На актуализацию профиля «академичности» работает и словоформа *ученые*, номинирующая актанта действия. Торжественность «постановки» ситуации находит концептуальное проявление в синтагматическом отрезке *подробно рассказали*. Семантика наречия *подробно* влияет на лексическую семантику глагола *рассказали*, рисуя в воображении адресата соответствующий образ неспешного и детального процесса. Здесь мы исходим из того, что грамматические и лексические признаки глагола

⁵В САФУ прошла пресс-конференция по итогам экспедиции «АПУ – 2022: Меняющаяся Арктика». URL: <https://narfu.ru/life/news/university/370011/> (дата обращения: 12.02.2023).

⁶Как писать новости на сайт САФУ. URL: <https://narfu.ru/life/news/press-center/> (дата обращения: 10.02.2023).

объективируются с помощью различных элементов предложения и их связей с глаголом-предикатом.

Проявление драматургической тональности наблюдаем в предсказуемости процесса дискурсивного развертывания анализируемого коммуникативного события. Если его хронологический топ установлен первыми частями композиции – заголовком и первым абзацем, то следующий текст разворачивается по траектории снижения важности информации для достижения перлокутивного эффекта. Заданная градуальность степени значимости сообщаемого в текстовом пространстве новости проявляет следующую корреляцию – важность в первом абзаце не эксплицируется дополнительными языковыми механизмами в виде эмфатических конструкций или интенсификаторов, тогда как в последующих абзацах текстовая ткань изобилует экспрессией. Дело в том, что драматургичность предполагает необходимость «удержать» адресата (читателя) до конца новости. Действительно, достаточно информации уже получено, но общий метазамысел субъекта дискурса заключается не просто в передаче фактической информации, а в прочной фиксации в сознании адресата многомерного положительного образа университета. На реализацию этого метазамысла и «работает» остальной текст. Необходимо привлечь внимание адресата и удерживать его, что обеспечивается за счет языковой зрелищности и незначительной длины текста.

Реализация прагматической установки на создание положительного образа университета решается и прочной его фиксацией в сознании адресата через многократное воспроизведение и упоминание – рекурсивность рассматриваем как одно из проявлений драматургической тональности. Процесс смысловой наполненности образа университета также обладает постановочным характером, и при каждом новом воспроизведении он приобретает новые смыслы.

Драматургическая тональность характеризуется адресованностью, т. е. каждая ситуация разыгрывается перед адресатом. Адресат выступает основным критерием текста и «удовлетворение пресуппозиции адресата составляет одно из важных условий его эффективности» [14, с. 358].

Обратимся к следующему дискурсивному отрывку из новостного сообщения о пресс-конференции по итогам экспедиции:

*(7) **Очень важен тот факт, что проект «Арктический плавучий университет» в прошлом году вошел в программу председательства России в Арктическом совете. Мы этому очень рады, очень горды тем, что наш проект оценен на высоком уровне. Это заслуга команды проекта и участников, которые все десять лет активно принимали участие в экспедиции, делали интересные открытия. Самое главное – интерес к проекту растет от года в год. За эти десять лет было очень много сделано.... В этом году участники экспедиции провели уникальные исследования***⁷.

Лексико-синтаксическая ткань отрывка насыщена семантикой положительной оценки. Здесь прагматический и семантический факторы проявляются в отборе синтаксических конструкций и лексических средств, позволяющих наиболее выгодно представить образ университета. Коммуникативный фокус сообщения аксиологически направлен на профилирование ключевых концептуальных составляющих САФУ: активная вовлеченность в освоение и исследование Арктики и внешнее признание достижений университета в этом направлении. Структурирование события происходит таким образом, что основным приемом служит интенсификация через многократное повторение лексических единиц с семантикой абсолютной положительной оценки. Интенсификация подкрепляется синтаксическими структурами эмфазы. Доминантой отрывка выступают оценоч-

⁷В САФУ прошла пресс-конференция по итогам экспедиции «АПУ – 2022: Меняющаяся Арктика». URL: <https://narfu.ru/life/news/university/370011/> (дата обращения: 12.02.2023).

ные предикаты. Придерживаясь таксономии свойств оценочного предиката, предложенной Е.М. Вольф [15], отметим, что, несмотря на превалирование эмоциональной оценки, – рациональная, дескриптивная информация есть и она заключена в модальную рамку позитивной оценки, что предполагается прагматической установкой субъекта. Так, в первом предложении, приведенном в примере (7), адресату предъявляется факт. Весь отрывок ярко экспрессивен, что достигается избыточностью словоформ позитивной семантики и очевидной аффективностью, которая находит выражение в семантике отдельных словоформ и их сочетаний (*уникальные исследования, высоком уровне*) и через слова-интенсификаторы – *очень много, очень горды, очень рады*. По мнению Е.М. Вольф, «экспрессивность выражается интонационной структурой и, соответственно, восклицательной формой выражения» [15, с. 42]. Перед нами письменная форма сообщения, что не мешает «услышать» экспрессию высказывания благодаря презентационной форме коммуникативно-синтаксической организации предложений-высказываний в рассматриваемом отрывке. «Действие» открывается вводом темы и исходного тезиса. Характерна коммуникативно-актуальная нерасчлененность информации – все предложение является ремой для адресата: «проект вошел в программу».

Отвлекаясь от модальной модификации подачи этого факта, отметим, что коммуникативное назначение таких нерасчлененных предложений-высказываний с нулевой темой – «констатация имеющего место в действительности некоторого факта, события как целого» [16, с. 18]. Действительно, для передачи дескриптивной оценки, фактической информации ситуация могла быть оформлена простым предложением. Однако жанр и прагматическая установка на структурирование образа университета в созна-

нии адресата определяют перформативность коммуникативного события и, как следствие, усложнение синтаксической конструкции до сложноподчиненной с аксиологическим предикатом: *очень важен тот факт, что...* Управление способом структурирования информации в сознании адресата и обогащение концептуального содержания образа университета есть проявления действия драматургической тональности. Реконструируем модальную рамку: *Мы считаем, что этот факт очень важен*. Наблюдаем директивность пропозиционального отношения к событию, описываемому в придаточном предложении.

Как отмечалось в тексте статьи выше, дискурсивная тональность, порядок дискурса и позиционирование обеспечивают целостность дискурса. Первая проявляет единую позицию субъекта дискурса к внеязыковой действительности. Второй в дискурсивном развертывании рассматриваемого коммуникативного события определяется ценностным вектором. Третье обеспечивается ролевым статусом говорящего и адресата – отношением, определяющим направление зависимости. Данный механизм прагматического воздействия или, точнее, управления воздействием актуализируется в контексте социального взаимодействия, т. к. назначение тональности состоит в стратегическом выстраивании коммуникации для решения потребностных задач.

Механизм формирования дискурсивной тональности обусловлен принципом иерархической соподчиненности уровней структуры, который состоит в том, что оценка проявляется в словах, выражениях и в текстах в целом, т. е. в дискурсе. Этот вид дискурсивной тональности зиждется на категории театральности и пронизывает всю структуру текста. Драматургическая тональность как проявление общего замысла отражается в архитектонике дискурса коммуникативного события.

Список литературы

1. Карасик В.И. Коммуникативная тональность // Жанры речи. 2007. № 5. С. 81–94.
2. Карасик В.И. Языковые ключи. Волгоград: Парадигма, 2007. 520 с.

3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
4. Матвеева Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий: синхронно-сопоставительный очерк. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. 172 с.
5. Селезнева Л.В. Параметрическая модель PR-дискурса: прагматика, семантика, аксиология: дис. ... д-ра филол. наук. Тверь, 2018. 360 с.
6. Тупилова С.Е. Категории, концепты, тональность // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. 2010. Вып. 3(83). С. 264–269.
7. Тупилова С.Е. О когнитивных механизмах формирования коммуникативной тональности // Вопр. когнит. лингвистики. 2012. № 3(32). С. 84–90.
8. Halliday M.A.K. Language as Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning. London: Edward Arnold, 1978. 256 p.
9. Карасик В.И. Языковые картины бытия: моногр. М.: Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина, 2020. 468 с.
10. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Яз. рус. культуры, 1999. 464 с.
11. Олянич А.В. Презентационная теория дискурса: моногр. Волгоград: Парадигма, 2004. 507 с.
12. Карасик В.И. Пословичные инсценировки // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Лингвистика. 2015. № 3. С. 43–53.
13. Болдырев Н.Н. Функциональная категоризация английского глагола. М.: ЛИБРОКОМ, 2022. 142 с.
14. Арутюнова Н.Д. Фактор адресата // Изв. Акад. наук СССР. Сер. литературы и языка. 1981. Т. 40, № 4. С. 356–367.
15. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Едиториал УРСС, 2002. 260 с.
16. Крылова О.А. Коммуникативный синтаксис русского языка. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 176 с.

References

1. Karasik V.I. Kommunikativnaya tonal'nost' [Communicative Tonality]. *Zhany rechy*, 2007, no. 5, pp. 81–94.
2. Karasik V.I. *Yazykovye klyuchi* [Language Keys]. Volgograd, 2007. 520 p.
3. Karasik V.I. *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd, 2002. 477 p.
4. Matveeva T.V. *Funktional'nye stili v aspekte tekstovykh kategoriy* [Functional Styles in the Aspect of Text Categories]. Sverdlovsk, 1990. 172 p.
5. Selezneva L.V. *Parametricheskaya model' PR-diskursa: pragmatika, semantika, aksiologiya* [Parametric Model of PR Discourse: Pragmatics, Semantics, Axiology: Diss.]. Tver, 2018. 360 p.
6. Tupikova S.E. Kategorii, kontsepty, tonal'nost' [Categories, Concepts, Tonality]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki*, 2010, no. 3, pp. 264–269.
7. Tupikova S.E. O kognitivnykh mekhanizmax formirovaniya kommunikativnoy tonal'nosti [Cognitive Mechanisms of Communicative Tonality Formation]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, 2012, no. 3, pp. 84–90.
8. Halliday M.A.K. *Language as Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning*. London, 1978. 256 p.
9. Karasik V.I. *Yazykovye kartiny bytiya* [Linguistic Pictures of Being]. Moscow, 2020. 468 p.
10. Lotman Yu.M. *Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya* [Within the Thinking Worlds. Human – Text – Semiosphere – History]. Moscow, 1999. 464 p.
11. Olyanich A.V. *Prezentatsionnaya teoriya diskursa* [Presentational Theory of Discourse]. Volgograd, 2004. 507 p.
12. Karasik V.I. Poslovichnye instsenirovki [Staging in Proverbs]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Lingvistika*, 2015, no. 3, pp. 43–53.
13. Boldyrev N.N. *Funktional'naya kategorizatsiya angliyskogo glagola* [Functional Categories of the English Verb]. Moscow, 2022. 142 p.
14. Arutyunova N.D. Faktor adresata [The Addressee Factor]. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Ser. literatury i yazyka*, 1981, vol. 40, no. 4, pp. 356–367.

15. Vol'f E.M. *Funktional'naya semantika otsenki* [Functional Semantics of Evaluation]. Moscow, 2002. 260 p.
16. Krylova O.A. *Kommunikativnyy sintaksis russkogo yazyka* [Communicative Syntax of the Russian Language]. Moscow, 2009. 176 p.

DOI: 10.37482/2687-1505-V288

Nataliya N. Beloshitskaya

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov;
prosp. Lomonosova 4, Arkhangelsk, 163000, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0899-1828> e-mail: n.beloshickay@narfu.ru

SPECIFIC FEATURES OF THE DRAMATURGIC TONALITY OF DISCOURSE (the Case of Corporate News Discourse)

This article analyses the particular type of the discourse category of tonality, namely, dramaturgic tonality. Being a pragmatic parameter of discourse, dramaturgic tonality has a cognitive nature and is culturally and socially significant. This allows us to resort to the analytical tools of different branches of the humanities. Dramaturgic tonality is characterized as being performative, evaluative and targeted. It is based on the linguosemiotic category of theatricality and permeates the structure of the text. The paper identifies the prototypical function of dramaturgic tonality: achieving an understanding and interpretation of the message by the addressee as similar as possible to those intended by the addresser. The author of this article suggests analysing dramaturgic tonality in the framework of the presentational theory of discourse, as the main function of tonality is strategic structuring of communication. Dramaturgic tonality profiles the value orientations of the subject of a discourse, demonstrating the meanings to the addressee. At the same time, it encourages the addressee to actively interpret and generate meanings. Dramaturgic tonality acts as a mechanism for managing the effect produced and becomes important in the context of social interaction. News articles published on the website of Northern (Arctic) Federal University were used as the material for linguistic analysis, which identified linguistic devices actualizing the effect of dramaturgic tonality. In the type of discourse under study, the discursive development of a communicative event is characterized by predictability. The author considers this to be a manifestation of the mechanism of dramaturgic tonality relevant to this type of discourse (media discourse). A conclusion is made that the architectonics of a discourse fragment, the role status of the subject of the discourse, the modality frame of the message and its expressiveness are the main means of actualizing dramaturgic tonality.

Keywords: *dramaturgic tonality, presentational media discourse, interpretation, subject of a discourse, metadiscursive interaction, performativity, category of theatricality.*

Поступила 25.03.2023
Принята 20.09.2023
Опубликована 30.10.2023

Received 25 March 2023
Accepted 20 September 2023
Published 30 October 2023

For citation: Beloshitskaya N.N. Specific Features of the Dramaturgic Tonality of Discourse (the Case of Corporate News Discourse). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 5, pp. 76–84. DOI: 10.37482/2687-1505-V288

НОВИКОВ Николай Сергеевич, кандидат философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социальных наук Новосибирского военного ордена Жукова института имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации. Автор 24 научных публикаций*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9481-5128>

КАТАСТРОФИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ: КРАТКИЙ ОБЗОР ПРОБЛЕМЫ

В статье представлена актуальная для современного взгляда на мир сфера философской рефлексии, касающаяся специфики взаимодействия сознания и реальности, а также особенностей соответствия мышления его содержательной стороне. Предпринята попытка исторического взгляда на идеи, касающиеся спорных проблем сознания, начиная с воззрений Конфуция и Сократа и заканчивая рассуждениями современных авторов относительно определенных аспектов сознания, приводящих к катастрофическим результатам всю последующую человеческую деятельность. В контексте данной проблемы продемонстрированы различные подходы к взаимодействию человека и общества с окружающим миром, а также исторически возникшие воззрения на варианты гармонизации (идея Космоса как упорядоченной системы миропорядка в Древней Греции и законы Неба в китайской предфилософии). Показаны истоки понимания тех аспектов отношения людей к собственности, в которых можно обнаружить основу катастрофического сознания, характерного для Новейшего времени. Рассматривается формирование и функционирование «имен» в системе бытия, что представлено в теоретических положениях, разработанных А.Ф. Лосевым. Кроме того, анализируются идеи, касающиеся возможностей установления гармонии межчеловеческих отношений в системе социального бытия, в психологии поведения толп и индивидов, их экзистенциальных взглядов, приводящих к действиям, имеющим катастрофические установки. Особое место отводится сравнению теоретических положений Д.С. Соммэра и школы М.К. Мамардашвили. Подробно рассмотрена статья В.П. Визгина о катастрофическом мышлении и основных формах его проявления. В настоящей работе использованы методы компаративистики, исторический анализ, метод междисциплинарного синтеза в соединении с приемами абстрагирования и аналогии.

Ключевые слова: катастрофическое мышление, катастрофическое сознание, «исправление имен», философия имени, мысль, слово.

---

*Адрес: 630114, г. Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, д. 6/2; e-mail: Nikolai.novikov.87@mail.ru

Для цитирования: Новиков Н.С. Катастрофическое сознание: краткий обзор проблемы // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 5. С. 85–94. DOI: 10.37482/2687-1505-V296

Введение

Человеческое бытие осуществляется во взаимодействии с окружающим миром: природой, социальной организацией, другими людьми, самим собой. В процессе этого взаимодействия складываются оценки результатов от успеха и удовлетворения до осмысления неудач и потерь. Одни следствия человеческой деятельности понимаются как завоевания, другие – как катастрофа. Ожидание одного и желание избежать второго предполагают поиск стратегий действия и гармонии своего существования.

Важным обстоятельством является то, что любая ситуация проходит через сознание людей, порождая мысль о том, что все действия – результат работы сознания и, следовательно, причины как успехов, так и поражений следует искать в сознании общества.

Философская рефлексия с первых своих шагов обращала внимание именно на эту особенность человеческих отношений с миром, поэтому огромная роль отводилась значению и смыслу слов, которые обозначали действия, качества, следствия деятельности людей, что можно выделить даже и в предфилософских рассуждениях о мире, его природе, действиях людей и результатах данных действий.

Актуальность исследуемой проблемы заключается в том, что современное состояние мира, место и роль техники в нем, постепенное выведение человека за пределы личного участия в орудийном его освоении вновь ставят вопрос о путях, формах, способах, позволяющих избежать не только катастроф, но и их зарождения в системе мышления, а также в самом мышлении и сознании в целом. Еще более значим анализ последовательности функционирования и изменения сознания и мышления людей от прошлого и до современности, демонстрирующей, в чем заключался путь понимания и заблуждений в вопросах, которые по справедливости можно назвать судьбоносными в истории человечества.

Цель статьи – предварительный обзор теорий, направленных на выявление причин и оснований катастроф и осмысление приводя-

щих к ним форм и действий, а также предположений, касающихся возможностей достижения желательной гармонии в отношениях с окружающим миром. Необходимо отметить, что формат статьи позволяет главной целью исследования сделать осмысление многообразия подходов к решению проблемных аспектов социального бытия, выявление мировоззренческих аспектов принятия решений, определение роли языка и мышления в понимании стратегий социальной деятельности.

Результаты и обсуждение

Рассмотрение предложенной проблемы выстраивалось с опорой на диалектический метод в том его варианте, который был предложен Г.В.Ф. Гегелем как соотношение изменчивости и устойчивости, что дает возможность сопоставить различные понятия и определения. Кроме того, использовался системно-исторический метод, позволяющий выявить специфику воззрений мыслителей на исследуемый вопрос, а также метод сравнительно-аналитического рассмотрения основных положений каждого теоретического подхода.

Поскольку данная работа носит сугубо обзорный характер, в качестве результата можно принять анализ наиболее известных взглядов в одной из наиболее сложных областей научного познания – в области мышления, сознания, а также соотношения мышления и морали, выражающихся в поступках и действиях людей на разных этапах их исторического бытия.

Проблема катастрофического сознания тесно связана со стремлением человечества к гармоническому состоянию общества на каждом этапе его существования, поэтому данный обзор может сыграть определенную роль в дальнейшей разработке путей и средств преодоления разрушительных тенденций человеческих деяний.

Вопрос о роли катастрофических факторов в изменчивости мира имеет сравнительно недавнюю историю. Обычно называют имена Ж. Кювье (1815) и В. Уэвелла (1832). Оба теоретика обосновывали причины отличия природных процессов настоящего от тех же процессов, происходивших в прошлом (геология,

биология), и обратили внимание на отсутствие переходных форм между ископаемыми и современными видами природных объектов. Начав рассматривать социальные процессы XIX и, особенно, XX века, они заметили, что развитие социального бытия также несет в себе периоды перерыва постепенности, имеющие характер катастрофы. Определенную роль в исследовании проблемы сыграла статья Н.С. Шатского [1], выделившая внезапные вмешательства неких новых причин, отличающихся от тех, что действуют в современном мире.

В XX веке особенно возрос интерес научно-го сообщества к вопросам сознания и мышления, что привело к рассмотрению сознательной деятельности людей и, соответственно, проблем сознания и мышления, появлению новых теоретических изысканий в этой области, предпринятых психологами, социологами, политологами, философами. Среди публикаций, посвященных данной проблеме, можно выделить «Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века (по материалам международных исследований)» [2], «Беседы о мышлении» [3] М.К. Мамардашвили, сборник статей Российского открытого университета «Мысль изреченная» [4], фундаментальный труд Ю.М. Лотмана «Внутри мыслящих миров» [5], статью Л.В. Куликова «Катастрофизм в массовом сознании как детерминанта состояния страха» [6], диссертацию Е.В. Положенцевой [7], работу А.Ю. Епифановой «Катастрофическое сознание как фактор формирования жизненных сценариев современной российской молодежи» [8], статью А.И. Пригожина «Феномен катастрофы» [9]. В названных трудах речь идет об участии человеческого сознания в формировании катастрофических процессов в системе социального бытия.

Все стороны взаимодействия человека с реальностью связаны с поисками оптимального решения различных задач, которые часто видятся как путь к наибольшей гармонии всех сторон бытия.

Для Древней Греции основой такой гармонии был Космос – упорядоченное, вычисляе-

мое, уравновешенное начало. Греки полагали, что Космос существует объективно, над ним не властны олимпийские боги, и поэтому человек может только познавать отдельные стороны всемирной гармонии и использовать их в своей деятельности. Пифагор, предложивший формулу «золотого сечения» и рассчитавший принципы музыкальной гармонии, считал, что она отражает «гармонию сфер».

На Востоке вопрос о гармонизации мира решался иначе. Можно считать, что одной из первых теорий в данной области была конфуцианская, для своего времени наиболее последовательно рассмотревшая причины дисгармонии и пути выхода из нее. Для Конфуция исходным пунктом рассуждений было Небо, которое понималось как часть природы и одновременно моральный закон [10]. Путь гармонизации человеческой жизни заключается в том, чтобы возродить традиции предков, познав имена, которые даются действиям, качествам человеческих поступков, поэтому большое значение придавалось понятиям, обозначающим эти поступки. Владеть священным знанием «чжу» дано только «благородному мужу», при этом все формы его поведения должны соответствовать основным ритуалам «ли». Кроме того, благородному мужу присущи долг, справедливость, сыновья почтительность «сяо». Таким образом, гармонизация мира для Конфуция – это воспроизведение законов Неба на земле, соблюдение предписанного порядка. Нарушение этого принципа ведет к природным или социальным катастрофам. Китайский философ разрабатывает сложную систему действий, включающую в себя «исправление имен», точное соблюдение ритуалов, музыку, изучение древних текстов исторического или ритуального характера. Непременным условием является абсолютная искренность, без лицемерия, лжи или тщеславия, что, с точки зрения Конфуция, приводит к гармонии и представляет собой этические нормы социального бытия.

Ничего подобного конфуцианскому образцу гармонии за много веков так и не сложилось ни в европейской мысли, ни в других философских

теориях западного мира, несмотря на то, что в Древней Греции, к примеру у Сократа, было стремление, отдаленно напоминавшее конфуцианский принцип «исправления имен». Именно Сократ во многих своих беседах учил правильному употреблению таких терминов, как «долг», «справедливость», «мужество», «народ» [11, с. 198].

Возникает вполне закономерный вопрос: как же поиски гармонии отношений человека с природой и обществом могли привести к рассмотрению терминов, их верного или неверного понимания, а следовательно, и толкования? Отметим предварительно некое общее положение. Человеческое отношение с окружающим миром в основе своей является отношением сознательным. Следовательно, исходным фактором во всех последующих рассуждениях будет именно сознание. Мышление же выступает как важнейшая его функция. Оно проявляется вовне, выражается при помощи языка. Следовательно, три названных составляющих (сознание, мышление, язык), определяющих все действия человека, не просто взаимосвязаны, но и взаимодействуют и могут фундаментализировать любые результаты человеческих действий, обладая влиянием не только на внешний мир, но и на мышление и сознание в целом, совершая тем самым своего рода обратное воздействие.

А.Ф. Лосев в теоретическом труде «Философия имени» замечал, «что без слов и имени нет вообще разумного бытия, разумного проявления бытия, разумной встречи с бытием <...> Без слова и имени нет ни общения, в мысли, в разуме, ни тем более активного и напряженного общения. Нет без слова и имени также и мышления вообще» [12, с. 627]. Добавим, что также нет и человеческого отношения с окружающим миром в целом, поскольку «в слове и имени – встреча всех возможных и мыслимых пластов бытия... В имени – средоточие всяких физиологических, психических, феноменологических, логических, диалектических, онтологических сфер» [12, с. 628]. Это соображение поддерживает интуитивно сложившиеся представления древних о том, что без верного понимания и употребления терминов, без ответственности имен и ритуалов их внутреннему

смыслу нет у человека умения верно управлять, искать и находить адекватные решения задач социального бытия. Следовательно, его деятельность вполне может привести к катастрофе (особенно если еще считать природу одушевленной, способной и «наказать» человечество за небрежность).

В контексте наших рассуждений важно отметить, что еще в XVIII веке на фоне кардинальных изменений в социальной жизни Европы в сознании писателей и мыслителей прозвучали новые вопросы к своему времени. К примеру, герой романа немецкого писателя Фридриха Клингера «Жизнь Фауста, его деяния и гибель в аду» восклицает: «Я хочу знать назначение человека, причину существования зла в мире. Я хочу знать, почему праведник страдает, а порочный человек счастлив. Я хочу знать, почему мы должны искупить минутное наслаждение годами боли и страданий?» [13, с. 236]. Наиболее бурно реагирующий на цивилизационные процессы современного ему социума, Ж.-Ж. Руссо делал попытки выяснить, каким образом человек и его природа участвуют в возникновении неравенства. В своем знаменитом труде «О природе неравенства» (1755) он писал: «Первый, кто напал на мысль, огородив участок земли, сказав: “Это мое”... был истинным основателем гражданского общества. От скольких преступлений, войн и убийств, от скольких бедствий и ужасов избавил бы род человеческий тот, кто, выдернув колья и засыпав ров, крикнул бы своим ближним: “Не слушайте лучше этого обманщика, вы погибли, если способны забыть, что плоды земные принадлежат всем, а земля – никому!”» [14, с. 68]. Для Руссо счастье человека заключалось в возврате к доисторическому существованию, лишённому искусственных потребностей, которые создает цивилизация. Люди этого времени естественным образом удовлетворяли базовые потребности, не испытывали ни в чем недостатка и не мешали друг другу, не стремились к власти, наслаждаясь покоем в равенстве. Поэтому их существование не вело к войнам, конфликтам, погоне за собственностью, не являясь

«равенством способностей» или физическим равенством, но равенством всех перед жизнью [14, с. 184].

Однако в отличие от Руссо, видевшего гармонию мира в счастья его обитателей, существующих в мире «покоя в равенстве», его младший современник Г. Лебон называл идею равенства «химической», поскольку она, с его точки зрения, вызвала в Европе «гигантскую революцию» и бросила Америку «в кровавую войну за отделение Южных Штатов от Северо-Американского Союза» [15, с. 7]. Считая идею равенства поистине катастрофической в истории человечества, он показывает психологию толпы, в которой идея равенства преобразовала сообщество людей в массу, мало готовую «к теоретическим рассуждениям... зато очень склонную к действиям» [15, с. 166]. Эти действия преимущественно носят разрушительный характер, поскольку «в коллективной душе интеллектуальные способности индивидов... их индивидуальность исчезают; разнородное утопает в однородном, и берут верх бессознательные качества» [15, с. 177]. В данном случае речь уже не может идти об «исправлении имен» или выявлении смысла употребляемых понятий, поскольку «толпа мыслит образами, и вызванный в ее воображении образ, в свою очередь, вызывает другие, не имеющие никакой логической связи с первым» [15, с. 188]. На этом основании, считает Лебон, возникают и развиваются различные легенды, легко искажающие происходящие события, тем более что толпа «не ведает ни сомнений, ни колебаний», а «сила чувств толпы еще более увеличивается отсутствием ответственности, особенно в толпе разнокалиберной» [15, с. 197]. Еще одной особенностью, характерной для манипуляции сознанием толп, является замеченная Лебоном форма эскалации преувеличенных чувств толпы посредством ораторского воздействия тех, кто в состоянии «злоупотреблять сильными выражениями», «преувеличивать, утверждать, повторять и никогда не пробовать доказывать что-нибудь рассуждениями...» [15, с. 198]. Можно с уверенностью утверждать, что

нарисованная Лебоном картина практически полностью совпадает с теми формами сознания, которое современные теории понимают как катастрофическое.

На рубеже XIX–XX веков на фоне социальных, экономических, политических, религиозных, этических, общекультурных и других кризисов сложились новые направления теоретических размышлений о причинах и условиях происходящих в мире перемен, носящих характер катастроф. Складывается углубленный интерес к психической жизни людей, к моральным аспектам их поведения. Наиболее важным началом становятся те деструктивные состояния, которые представляются решающей силой, обуславливающей действия человека в мире. С. Кьеркегор противопоставлял стремление индивида к свободе и тревогу, отчаяние, страх, постоянно сопровождающие всю его жизнь [16]. Поиск гармонии мира обращается поиском душевного покоя, чему могут препятствовать пугающие условия повседневности и собственные душевные состояния субъекта. Впоследствии Ю. Кристева напишет специальное исследование относительно меланхолии и депрессии, сопровождающих поиски смысла в обесмысленном мире [17].

Вопросу о формах разрушения смысла посвящает фундаментальный труд Ж. Делез [18], где значительная часть его рассуждений касается парадоксов мышления и анализа основных форм этих парадоксов.

В конце XX века оформляются различные направления изучения катастрофического сознания. С одной стороны, исследования касаются морали, лежащей в основании поведенческих принципов жизнедеятельности. С другой – изучаются процессы сознания и мышления в качестве специфической сферы, формирующей идеи, вербализующей таковые, прежде чем привести их в действие. На полюсах этих направлений вырисовываются две фигуры: Д.С. Соммэр и М.К. Мамардашвили.

Дарио Салас Соммэр полагает, что гармонизация мира требует сознательного отказа человека от разрушительных идей, возникших

исторически. Он высказывает следующее предположение: «Тот, кто будет жить в соответствии с правилами физики морали, испытает преимущество внутренней гармонии... Он снова ощутит счастье от жизни в полном согласии с природой» [19, с. 18]. При этом утверждается банальная максима: «Эталон успеха уже не будет ассоциироваться исключительно с экономическим изобилием, его понимание расширится и будет направлено на достижение истинной цели жизни – эволюции индивидуального сознания» [19, с. 18]. Согласимся с автором в том, что «любое действие, чувство, мысль или инстинкт могут быть созидательными или разрушительными, неминуемо вызывая естественную реакцию в виде положительного или отрицательного следствия. Поэтому человек – дитя своих поступков в самом широком смысле этого слова» [19, с. 19]. Однако это утверждение приводит философа к субъективистским выводам о том, что достаточно «поверить и согласиться с ним», чтобы в мире возникли желание и стремление к гармонии во всех сферах бытия.

В качестве причин кризисного состояния современного общества Соммер называет несоответствие уровня цивилизации поведению людей (имея в виду тех, кого сам же относит к толпе), дефекты образования, субъективное понимание ценностей и даже «гипнотическое воздействие окружающей среды» [19, с. 77]. В качестве одного из важнейших путей выхода из кризиса, в который погружен, с точки зрения автора, окружающий мир, предлагается некая «физика морали», что, очевидно, должно обозначать «природу морали» (если вспомнить, что *physis* переводится с греческого именно как «природа»). Это позволяет понимать природу как одушевленное, духовное начало, что придает предлагаемому термину некий если не трансцендентный, то явно мифологический смысл. Где именно в природе располагается феномен морали, Соммер не объясняет. В поисках путей приобщения индивидуального сознания к «физике морали» автор ссылается на «божью искру», отправляющую мышление нашего современника либо в сферы античной натурфилософии, одушевлявшей ма-

териальные силы природы, либо в религиозное мировоззрение, исключаящее научное осмысление мира в целом.

Гораздо более продуктивными в поисках ответа на вопрос о природе мышления, которое по праву носит название «катастрофического», можно назвать рассуждения отечественного философа М.К. Мамардашвили и его школы. Редактор сборника статей, посвященного памяти выдающегося теоретика, В.А. Круликов отмечает: «Мысль появляется в сознании и благодаря сознанию... Сознание связано с появлением параллельного мнения внутри себя, т. е. “сомнением”, это последнее свидетельствует о наличии в сознании ослабленности чувства веры (доверия) в необходимость мыслить только так, а не иначе. Сознание связано с удивительной ситуацией, когда “на ум” вдруг одновременно приходит два равноправных суждения, два разно-положенных момента истины» [4, с. 7]. Мысль в сознании реализуется в процессе некоей мыслительной работы. Содержание мысли обычно передается словами. Если опираться на известный постулат Декарта «*cogito ergo sum*», то оказывается, что разум является могущественным, поскольку именно он способен объяснить реальность: «Сделать неизвестное – известным, непонятное – понятным» [4, с. 7].

Автор обращает внимание и на феномен несовпадения слов и мыслей (что было замечено уже софистами), приходя к выводу о том, что собственно мысль и сами слова имеют некоторое различие, а в этом случае «вдруг обнаруживается, что слова... сам язык оказывается неадекватными содержанию того, что я желал выразить» [4, с. 7]. Именно это, скорее всего, имел в виду Ф. Тютчев, сказавший: «Мысль изреченная есть ложь».

В более поздней философии все чаще поднимался вопрос о том, насколько соответствует мысль реальности либо мысль – ее содержанию. До сегодняшнего дня многие философы интересуются соотношением желания сказать о чем-либо и его реализации, установлением соответствия конечного результата этому желанию, тем более что высказывание может существовать только в языковом выражении и, как отме-

чает Кругликов, все, что есть в сознании, словами можно как передать, так и скрыть. Язык при этом оказывается не только выразителем мысли, но и ее ограничителем [4, с. 8]. Иначе говоря, важно соответствие не только реальности, но и возникающей и высказываемой мысли.

Для того, чтобы рефлексировать над окружающей действительностью, «необходимо было научиться честно мыслить... Необходимо было овладеть искусством мыслить» [4, с. 9].

Особое место в рассуждениях о мышлении, его истоках и участии в познании мира занимает М.К. Мамардашвили, сформулировавший одну из основных проблем познания как проблему выражения мысли, поскольку от того, как выражена та или иная мысль в словах, зависит и то, явится она истиной или ложью [3].

Рассуждения М.К. Мамардашвили отличаются тем, что они помогают «отрешиться от хитростей собственного Разума» и понять, что философия – это всегда перво-акт мысли. Возможно, впервые в истории философии ставится вопрос о том, что и в каком случае можно считать мыслью. М.К. Мамардашвили говорит об этом следующее: «...то, что я называю мыслью, – это пока еще не расшифрованное нечто, и оно связано с тем, что я параллельно буду расшифровывать как природу и место человека во Вселенной» [3, с. 40].

Однако далее, развивая учение о мышлении, автор замечает, что в процессе деятельности человеческого сознания «побуждение мысли внешне абсолютно похоже на саму мысль», однако «намерение мысли отличается от мысли», поскольку «иметь намерение недостаточно для того, чтобы иметь мысль», так же как и недостаточно побуждения чести для того, чтобы иметь честь [3, с. 45]. Для того, чтобы возникла мысль, «чтобы мы могли начать мыслить, в нас должно происходить нечто, что не есть часть природы...» [3, с. 89], «для акта мысли ворота и двери открываются тогда, когда помотришь в себя, в глубинные основания своего существования и смерти» [3, с. 72]. Пока человек, считает Мамардашвили, не вовлекает себя в сравнение различных вещей и действий, пока

он рассуждает, используя абстрактные понятия, он не мыслит; лишь тогда, когда он свяжет свое существование с теми явлениями, которые ему сопутствуют в жизни, он начинает мыслить [3, с. 72]. Именно абстрактное философствование, исключающее из логических построений реальную действительность, может стать логической основой катастроф любого рода.

Этой проблеме посвящена статья В.П. Визгина в сборнике «Мысль изреченная» [4, с. 167–190]. Автор размышляет над проблемой в жанре притчи, или, как он пишет, литературно-философского опыта, показывая, каким образом абстракции, порождения логических умозрительных построений, которыми поддерживаются социальные иллюзии, подменяют разум верой, «успокаивая тем самым сердца и умы» [4, с. 168], и это становится «удобным экраном от обвала существования, оказавшегося вдруг на краю уничтожения всерьез...» [4, с. 168]. Такого рода философов автор называет «успокоителями от мысли», предлагавшими в качестве единственного начала некий идеал, полагая «что в “земле” нет никакой упрямой и непокорной силы, которая бы деформировала и замутняла идущий с неба свет» [4, с. 169].

В.П. Визгин обращает внимание на два типа философствования, сложившихся в истории науки: философствование жизни (экзистенциализм) и философию рационализма.

Экзистенциалисты утверждали, что «жизнь – абсурд и смысл одновременно, что “она – сразу порядок и хаос, власть и бессилие, жертва и палач”» [4, с. 169]. Другими словами, пользуясь метафорами и широкими обобщениями, невозможно вскрыть истинные основы бытия. Точно так же обращение к предельно общему понятию (Гегель [20]), с точки зрения В.П. Визгина, не делает проблему более ясной. Он считает, что если набросить на бытие всю «категориальную сеть», то окажется, что «сеть безбожно мала и предмет из нее вызывающе выпирает по всем азимутам» [4, с. 169].

Другое направление философии опирается исключительно на разум, и «в результате воз-

никает третий путь: фантазии о катастрофизме, когда само непосредственное существование воспринимается как катастрофа» [4, с. 171].

Говоря о кризисе социальной жизни, мышления, в качестве причины В.П. Визгин выделяет «порочный круг отчужденных от человека экономики и политики» [4, с. 175]. Рассуждая в этом направлении, он противопоставляет любителей старины как панацеи от кризиса и их противников. Ни те ни другие, считает автор, «не смогли решить ни одной актуальной социально-экономической проблемы» [4, с. 176], поскольку лозунги любого характера подобных проблем не решают.

Российский философ усматривает движение к катастрофе не только в названном противоречии, но и в небрежности к реалиям окружающего бытия. Заметим, что «ложь, цинизм, безразличие к горю убивали последнюю жизнь» [4, с. 178].

В.П. Визгин фиксирует некое состояние общества, где люди разделены и не имеют общих цели и ценностей, но при этом получили возможность фиксировать свое состояние, они создают некий «гибридный тип сознания», при котором «горе и отчаяние... заставили поверить в Долг – в долг доживать, не скуля и не злобствуя» [4, с. 183]. Таким образом сформировалась особая форма сознания, при которой состояния мира не могут быть обозначены словесно, так чтобы они соответствовали действительности, и появляется опасность того, что действительность будет развиваться по своим внутренним законам, а общество продолжит описывать эту действительность в терминах, которые не вскрывают проблем и не предлагают нужных действий для их решения.

Катастрофичность такого мышления заключается в противоречиях мысли, чувства, желания, воли и действия, результатом становится силовое разрешение конфликтов, избежать которых оказывается невозможно.

Заключение

Подводя итоги краткого обзора проблемы, можно заметить, что в истории философских учений периодически возникал в той или иной форме вопрос о соответствии слова, единствен-

ного «строительного материала» мышления, двум его спутникам: собственно мысли и реальной действительности. Практически вся эпистемология наполнена теориями, рассматривающими их соответствие, начиная с устремлений Конфуция к «исправлению имен» и рассуждений Сократа о соответствии слов их внутреннему смыслу, споров между номиналистами и реалистами, «Размышлениями о методе» Декарта и, как видим, вплоть до концепций современных философов. Если слово следует за мыслью, то, в конечном счете, оно ведет к действию. Правильность слова, обозначающего некие реалии Вселенной или состояния человеческого духа, становится залогом верного действия. Ю.М. Лотман говорил о необходимости «перевода языка источника на язык исследователя» [5, с. 437], причем «язык источника» – это вся система окружающего мира, а исследователем в подобном мире может стать каждый, кто излагает свои соображения о мире. Расхождения между словом и реалиями бытия, между жизнью и лозунгом могут стать катастрофой целого общества, что демонстрирует история различных эпох и государственных устройств.

Практическая направленность предложенного обзора теорий, посвященных названной проблеме, заключается в том, чтобы обосновать дальнейшие пути и средства выработки оптимальных методов принятия решений в самых различных областях человеческой деятельности, а особенно в тех ее аспектах, которые осуществляются в различных стратегических сферах: при управлении производственными и социальными сторонами человеческого бытия, в сфере образования, природопользования и т. д. Не менее важно и умение выразить эти решения в адекватных «именах», наиболее полно осмысляющих реальный мир. Предлагаемый обзор разработанных теорий призван продемонстрировать уже пройденные человечеством пути в данном направлении.

Со своей стороны отметим, что важнейшей проблемой каждой эпохи и ее философии становится поиск истины, которая выражена единственным необходимым словом.

Список литературы

1. Шатский Н.С. О неокатастрофизме: (К вопросу об орогенетических фазах и о процессе складкообразования) // Проблемы сов. геологии. 1937. Т. 7, № 7. С. 532–551.
2. Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века (по материалам международных исследований) / под ред. В.Э. Шляпентоха, В.Н. Шубкина, В.А. Ядова. М.: МОНФ, 1999. 347 с.
3. Мамардашвили М.К. Беседы о мышлении. СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2019. 578 с.
4. Визгин В.П. Катастрофическое сознание (философско-художественный опыт) // Мысль изреченная: сб. науч. ст. / под ред. В.А. Кругликова. М.: Изд-во Рос. открытого ун-та, 1991. С. 167–190.
5. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. СПб.: Азбука-Классика, 2022. 448 с.
6. Куликов Л.В. Катастрофизм в массовом сознании как детерминанта состояния страха // Личность в экстрем. условиях и кризис. ситуациях жизнедеятельности. 2015. № 5. С. 66–75.
7. Положенцева Е.В. Культурные ориентиры катастрофического сознания: дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д., 2003. 151 с.
8. Епифанова А.Ю. Катастрофическое сознание как фактор формирования жизненных сценариев современной российской молодежи // Соц.-экон. явления и процессы. 2013. № 8(54). С. 160–163.
9. Пригожин А.И. Феномен катастрофы (дилеммы кризисного управления) // Обществ. науки и современность. 1994. № 2. С. 75–96.
10. Конфуций: суждения и беседы / исслед. А. Маслова, пер. П. Попова. Ростов н/Д.: Феникс, 2006. 304 с.
11. Платон. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3 / общ. ред. А.Ф. Лосева, В.А. Асмуса, А.А. Тахо-Годи; авт. вступ. ст. и ст. в примеч. А.Ф. Лосев; примеч. А.А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1994. 654 [2] с.
12. Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос. М.: Мысль, 1993. 958 с.
13. Рейман П. Основные течения в немецкой литературе. 1750–1848 / пер. с нем. О.Н. Михеевой; под ред. и с предисл. А.С. Дмитриева. М.: Изд-во иностр. лит., 1959. 524 с.
14. Руссо Ж.-Ж. О причинах неравенства (= De l'inegalité parmi les hommes) / пер. с фр. Н.С. Южакова; под ред. и с предисл. С.Н. Южакова. СПб.: Светоч (Типо-лит. А.Э. Винеке), 1907. XXIV, 166 с.
15. Лебон Г. Психология народов и масс. М.: Эксмо, 2023. 352 с.
16. Кьеркегор С. Страх и трепет: [этические трактаты]. М.: Республика, 1993. 383 с.
17. Кристева Ю. Силы ужаса: эссе об отвращении. СПб.: Алтейя, 2003. 256 с.
18. Делёз Ж. Логика смысла / пер. с фр. М. Фуко. М.: Раритет; Екатеринбург: Деловая кн., 1998. 480 с.
19. Соммер Д.С. Мораль XXI века. М.: Кодекс, 2020. 480 с.
20. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. СПб.: Наука, 1997. Т. 1. Объективная логика. 691 с. Т. 2. Субъективная логика. 800 с.

References

1. Shatskiy N.S. O neokatastrofizme: (K voprosu ob orogeneticheskikh fazakh i o protsesse skladkoobrazovaniya) [On Neocatastrophism: (To the Issue of Orogenetic Phases and the Process of Folding)]. *Problemy sovetskoy geologii*, 1937, vol. 7, no. 7, pp. 532–551.
2. Shlyapentokh V.E., Shubkin V.N., Yadov V.A. (eds.). *Katastroficheskoe soznanie v sovremennom mire v kontse XX v. (po materialam mezhdunarodnykh issledovaniy)* [Catastrophic Consciousness in the Modern World in the Late 20th Century (Based on International Research)]. Moscow, 1999. 347 p.
3. Mamardashvili M.K. *Besedy o myshlenii* [Conversations About Thinking]. St. Petersburg, 2019. 578 p.
4. Vizgin V.P. *Katastroficheskoe soznanie (filosofsko-khudozhestvennyy opyt)* [Catastrophic Consciousness (Philosophical and Artistic Experience)]. Kruglikov V.A. (ed.). *Mysl' izrechennaya* [A Thought Once Spoken]. Moscow, 1991, pp. 167–190.
5. Lotman Yu.M. *Vnutri mysl'yashchikh mirov* [Within the Thinking Worlds]. St. Petersburg, 2022. 448 p.
6. Kulikov L.V. *Katastrofizm v massovom soznanii kak determinanta sostoyaniya strakha* [Catastrophism in the Mass Consciousness as a Determinant of Anxiety]. *Lichnost' v ekstremal'nykh usloviyakh i krizisnykh situatsiyakh zhiznedeyatel'nosti*, 2015, no. 5, pp. 66–75.
7. Polozhentseva E.V. *Kul'turnye orientiry katastroficheskogo soznaniya* [Cultural Guidelines of Catastrophic Consciousness: Diss.]. Rostov-on-Don, 2003. 151 p.
8. Epifanova A.Yu. *Katastroficheskoe soznanie kak faktor formirovaniya zhiznennykh stsenariiev sovremennoy rossiyskoy molodezhi* [Tragic Consciousness as Factor of Formations of Vital Scenarios of Modern Russian Youth]. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy*, 2013, no. 8, pp. 160–163.
9. Prigozhin A.I. *Fenomen katastrofy (dilemmy krizisnogo upravleniya)* [The Phenomenon of Catastrophe (Crisis Management Dilemmas)]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, 1994, no. 2, pp. 75–96.

10. *Konfutsiy: suzhdeniya i besedy* [Confucius: Arguments and Conversations]. Rostov-on-Don, 2006. 304 p.
11. Plato. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 3. Moscow, 1994. 654 p.
12. Losev A.F. *Bytie. Imya. Kosmos* [Being. Name. Cosmos]. Moscow, 1993. 958 p.
13. Reimann P. *Hauptströmungen der deutschen Literatur, 1750–1848*. Berlin, 1956. 856 p. (Russ. ed.: Reyman P. *Osnovnye techeniya v nemetskoj literature. 1750–1848*. Moscow, 1959. 524 p.).
14. Rousseau J.-J. *Discours sur l'origine et les fondements de l'inégalité parmi les hommes*. Amsterdam, 1755 (Russ. ed.: Russo Zh.-Zh. *O prichinakh neravenstva*. St. Petersburg, 1907. XXIV. 166 p.).
15. Le Bon G. *Psikhologiya narodov i mass* [The Psychology of Peoples and Crowds]. Moscow, 2023. 352 p.
16. Kierkegaard S. *Strakh i trepet* [Fear and Trembling]. Moscow, 1993. 383 p.
17. Kristeva Yu. *Pouvoirs de l'horreur. Essai sur l'abjection*. Paris, 1980. 251 p. (Russ. ed.: Kristeva Yu. *Sily uzhasa: esse ob otrashchenii*. St. Petersburg, 2003. 256 p.).
18. Deleuze G. *Logique du sens*. Les Éditions de Minuit, 1969 (Russ. ed.: Delez Zh. *Logika smysla*. Yekaterinburg, 1998. 480 p.).
19. Sommer D.S. *Moral' XXI veka* [Morals for the 21st Century]. Moscow, 2020. 480 p.
20. Hegel G.W.F. *Nauka logiki* [Science of Logic]. St. Petersburg, 1997. Vol. 1. *Ob'ektivnaya logika* [Objective Logic]. 691 p. Vol. 2. *Sub'ektivnaya logika* [Subjective Logic]. 800 p.

DOI: 10.37482/2687-1505-V296

Nikolay S. Novikov

Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute named after General of the Army I.K. Yakovlev
of the National Guard Troops of the Russian Federation;
ul. Klyuch-Kamyshenskoe plato 6/2, Novosibirsk, 630114, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9481-5128> e-mail: Nikolai.novikov.87@mail.ru

CATASTROPHIC CONSCIOUSNESS: A BRIEF OVERVIEW OF THE PROBLEM

This article presents the relevant for the modern worldview sphere of philosophical reflection on the interaction between consciousness and reality as well as on the way thinking matches its content. The author takes a historical look at the ideas concerning the controversial problems of consciousness, from the views of Confucius and Socrates to the reasoning of modern authors about certain aspects of consciousness leading all subsequent human activity to catastrophic results. In the context of this issue, various approaches to the interaction of human and society with the outside world are demonstrated, as well as the historically developed views on harmonization (the idea of the cosmos as an orderly system of world order in ancient Greece and the laws of Heaven in Chinese pre-philosophy). The paper traces the origins of understanding those aspects of people's attitude towards property in which one can find the basis for the catastrophic consciousness characteristic of our time. The formation and functioning of "names" in the system of existence is considered, which is presented in the theoretical principles developed by A.F. Losev. In addition, the paper analyses ideas about the possibility of achieving harmony in human relationships in the system of social existence and in the psychology of behaviour of crowds and individuals, as well as the existential views of the latter leading to actions with catastrophic attitudes. Moreover, the theoretical positions of D.S. Sommer and M.K. Mamardashvili's school are compared. V.P. Vizgin's article on catastrophic thinking and its main forms of manifestation is considered in detail. This paper uses comparative methods, historical analysis and interdisciplinary synthesis in combination with the techniques of abstraction and analogy.

Keywords: *catastrophic thinking, catastrophic consciousness, rectification of names, philosophy of name, thought, word.*

Поступила 02.05.2023
Принята 19.09.2023
Опубликована 30.10.2023

Received 2 May 2023
Accepted 19 September 2023
Published 30 October 2023

For citation: Novikov N.S. Catastrophic Consciousness: A Brief Overview of the Problem. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 5, pp. 85–94. DOI: 10.37482/2687-1505-V296

УДК 130.2:331

DOI: 10.37482/2687-1505-V289

ИВАНЕНКО Алексей Игоревич, кандидат философских наук, доцент, доцент Высшей школы технологии и энергетики Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна. Автор 53 научных публикаций, в т. ч. одной монографии*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6330-7179>

ГЕРМЕНЕВТИКА ТРУДА

Статья посвящена проблеме определения труда, которая приобретает особую актуальность в условиях постиндустриального общества и выделения таких практик, как активный отдых, домашний труд, услуги, волонтерство и пр. Классическая трактовка понятия такова: труд – это производительная деятельность по преобразованию природы. Однако в наши дни особый акцент ставится не на преобразовании, а на сохранении природы. В статье рассматриваются парадоксы охотника и крестьянина, при которых одна и та же деятельность в зависимости от угла зрения может оцениваться как труд, игра, отдых и эксплуатация. Автором предложено следующее определение: труд – это социально востребованная деятельность человека. Особое внимание уделяется рассмотрению непроизводительного труда, в рамках которого различаются служба и услуги. Если первая ориентирована на удовлетворение потребностей общества как целого (Отечества), то вторые – потребностей частных лиц. Отсюда к службе могут быть отнесены такие роды деятельности, как учительство, врачебное и военное дело, госслужба и транспорт. Труд противопоставляются различные виды отдыха, как пассивного (сон и релаксация), так и активного (еда, общение, прогулки, некоторые виды игр). Автор обращает внимание, что оппозиция труда и игры не носит абсолютного характера, т. к. профессиональный спорт и актерская игра переходят в раздел труда, о чем, например, свидетельствуют государственные награды СССР (такие как Герой Социалистического Труда), которыми награждались как актрисы балета Галина Уланова и Майя Плисецкая, так и футболист Лев Яшин. Вместе с тем, теряя социальную значимость, труд может превращаться в отдых, выступая в роли хобби.

Ключевые слова: философия труда, услуги, отдых, служба, игра, досуг, хобби, спорт.

Определенной вехой в изучении труда являются различные работы Карла Маркса, из которых можно выделить «Экономико-философские рукописи 1844 года» и «Капитал»

(*Das Kapital*, 1867). Однако немецкий философ рассматривал труд почти исключительно в его производительной форме, в контексте товарного хозяйства и как источник капитала. В совре-

*Адрес: 198095, Санкт-Петербург, ул. Ивана Черных, д. 4; e-mail: iwanenkoalexu@hotmail.com

Для цитирования: Иваненко А.И. Герменевтика труда // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 5. С. 95–103. DOI: 10.37482/2687-1505-V289

менную эпоху классическое понимание труда подвергается эрозии при анализе на примерах домашнего труда и профессионального спорта. До сих пор остается дискуссионным вопрос о соотношении труда и творчества [1].

Парадокс охотника: труд или отдых?

Начнем рассмотрение труда со статьи Фридриха Энгельса «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» (1896), где прямо сказано о том, что «труд создал самого человека» [2]. Отсюда можно сделать вывод, что труд фактически предшествует появлению человека.

Энгельс перечисляет следующие примеры труда: охота (*Jagd*), животноводство (*Viehzucht*), земледелие (*Ackerbau*), прядение и ткачество (*Spinnen und Weben*), металлообработка (*Verarbeitung der Metalle*), гончарное ремесло (*Töpferei*) и судоходство (*Schiffahrt*).

Наибольший философский интерес представляет именно охота (*Jagd*), поскольку эта форма труда, по мысли Энгельса, могла превратить обезьяну в человека. Прочие формы – земледелие, ткачество, металлообработка, гончарное ремесло и судоходство – исторически возникли позже. Обращает на себя внимание тот факт, что охота присуща не только человеку, но и хищным млекопитающим, некоторым видам птиц и даже беспозвоночным, например паукам. Можно ли назвать эту охоту трудом?

Парадоксально, но в наши дни ряд современных исследователей относят охоту к активному отдыху [3], хотя встречается и утверждение, что «процесс охоты (включая также и подготовку к ней) обладает всеми свойствами труда» [4, с. 17].

В европейском Средневековье охота была весьма специализированной формой деятельности, о чем свидетельствует трактат Гастона де Фуа «Книга об охоте» (*Livre de chasse*, XIV век), который более доступен в английском переводе Эдварда Йоркского *Master of Game*¹. Несмотря на классификацию охоты (*chasse, hunting*) как игры (*game*), ее, подобно некому ремеслу или профессии, необходимо было изучать с 7-8 лет.

Охотнику предписывались знания, которые мы сейчас скорее отнесем к области биологии: он должен был хорошо знать природу и повадки объектов своего промысла – этому посвящено 10 глав трактата. Однако одних знаний недостаточно, поскольку охота – это прежде всего поиск, выслеживание и добыча (живыми или мертвыми) диких животных.

Можно сказать, что в одних случаях охота будет трудом, а в других – развлечением. Если для охотника она является основным занятием, посредством которого он добывает себе пропитание, то можно говорить о труде. Если же пропитание охотника не связано с охотой, а сама она не относится к основному роду его деятельности, то это будет свободным времяпровождением, или досугом.

Однако для европейской землевладельческой аристократии эпохи Средневековья охота была не свободным времяпровождением, но важным для поддержания статуса моментом жизни. Если в округе имелись опасные звери, то их выслеживание и умерщвление представляло собой заботу о подданных. Если объекты охоты были съедобными, то добыча шла в пищу охотникам. Кроме того, очевидно, что оданный вид деятельности выполнял и воспитательную функцию, поскольку способствовал формированию особых морально-волевых качеств (смелости, решительности, ловкости, меткости, внимательности, упорства, умения работать в команде), а также позволял на практике применить навыки владения оружием.

Парадокс крестьянина: труд или эксплуатация?

Следующим парадоксом является деятельность крестьянина, хотя здесь оппозицией труда будет уже не отдых, а эксплуатация. На первый взгляд, труд крестьянина-земледельца бесспорен. Жак Ле Гофф в работе «Цивилизация Средневекового Запада» (*La civilisation de l'Occident médiéval*, 1977) сообщает, что во французском языке под словом *labour* (труд)

¹Edward, Second Duke of York. The Master of Game. URL: <https://www.gutenberg.org/files/43452/43452-h/43452-h.htm> (дата обращения: 15.03.2023).

первоначально понималась «расчистка пашни», а к крестьянству относились преимущественно пахари (*laboureur*) [5, с. 243].

Примечательно, что в самой идее «расчистки пашни» заложена эксплуатация в своих целях: средневековый крестьянин использует лес, сельскохозяйственные орудия, домашних животных, а также собственных детей и даже батраков.

Если структурно посмотреть на крестьянский труд, то значительную его часть занимает сбор урожая или жатва. Однако, согласно евангельской притче о талантах, можно «жать, где не сеют» (Евангелие от Матфея 25:24), т. е. труд неотличим от его похищения или присвоения. Можно возразить, что крестьянин все же не собиратель, поскольку он участвует в полном аграрном цикле, где есть не только жатва, но и пахота, сеяние и, возможно, орошение. Но его в полном смысле нельзя назвать производителем урожая, т. к. зерна и плоды дают растения, которые произрастают из земли. Кроме того, именно для сбора урожая могут привлекаться сезонные рабочие или батраки, которые как раз не включены в полный аграрный цикл: теоретически их может нанять как крестьянин, так и похитители его урожая.

Крестьянский труд демонстрирует важность организующей деятельности. Вовлеченный в трудовую деятельность человек может оказаться не тружеником, а работником – не субъектом труда, а исполнителем чужой воли. В свое время этот факт позволил Аристотелю считать рабов «одушевленными орудиями» (*organon*) [6, с. 381], ибо они лишены самостоятельного целеполагания.

Возвращаясь к парадоксу крестьянского труда, можно задаться вопросом: лошадь ли пашет поле или крестьянин, который ее направляет? Подобно аристотелевскому рабу, лошадь является лишь средством труда, но не его субъектом.

Примечательно, что Карл Маркс, хотя и признавал за капиталистом эксплуататорскую

сущность, отмечал его роль в организации труда, поскольку тот не просто пользуется результатом труда рабочего, но также «наблюдает за тем, чтобы работа совершалась в надлежащем порядке и чтобы средства производства потреблялись целесообразно, следовательно, чтобы сырой материал не растрачивался понапрасну и чтобы с орудиями труда обходились бережно» [7, с. 196].

Структура труда

Рассмотрев парадоксы труда, можно перейти к анализу его сущностных критериев.

В «Новой философской энциклопедии» труд характеризуется как «целесообразная деятельность человека», проявляющаяся в «воздействии на природу и использовании ее в целях создания предметов, необходимых для удовлетворения своих потребностей»².

Данное определение вызывает ряд вопросов. Во-первых, неясно, создает ли охотник предмет в виде добычи или он, скорее, осуществляет процесс «распредмечивания» лесной фауны? Далее, как было замечено, можно ли создание урожая приписать крестьянину? И, наконец, можно ли предположить, что рабам и подневольным работникам свойственно «удовлетворение собственных потребностей» в процессе труда?

Более ранний «Философский словарь» (1981) позволяет выделить три момента труда: предмет, результат и средства³. При таком подходе ускользает главное: *субъект труда* – тот, кто осуществляет замысел и контроль за его реализацией. Без этого рушится само понятие целесообразной деятельности человека. Кроме того, человек – общественное существо, поэтому важным моментом труда является его «социальная востребованность», в противном случае в сфере труда окажутся различные формы антисоциальной деятельности вроде браконьерства или кражи урожая. Другим следствием выделения субъекта труда будет акцент на цели труда, которая позволит обозначить предмет и оценить полученный

²Новая философская энциклопедия / под ред. В.С. Степина. М.: Мысль, 2000–2001. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/browse/CL1> (дата обращения: 28.01.2023).

³Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. 4-е изд. М.: Политиздат, 1981. 445 с.

результат. Иногда условием труда считается потребность, однако ее удовлетворение не является прерогативой человека, разве что мы особо выделим общественные потребности.

Таким образом, предложим следующее определение: *труд – это социально востребованная деятельность человека.*

Сюда не вошло понятие природы, поскольку труд не всегда направлен на нее. В отличие от Маркса и Энгельса мы живем в эпоху господства экологической парадигмы, когда сохранение природы, пожалуй, важнее ее преобразования.

Периферия труда

Предложенное определение включает в себя различные формы непроизводительного труда, которые необходимо рассмотреть отдельно. Прежде всего сюда относят сферу услуг, которая долгое время находилась в тени производительного труда [8]. В наши дни преобладание этой сферы является одной из основных характеристик постиндустриального общества. К услугам относят: «коммуникации», медицину, торговлю, туризм, образование, ремонт, транспорт, банковские и юридические услуги [9]. Однако подобная классификация может вызывать вопросы. Начнем с того, что учителя не всегда согласны с тем, что образование – это сфера услуг, потому что воспитание зрелого гражданина имеет все признаки производительного труда на «ниве просвещения».

К услугам обыкновено относят те виды труда, продукт которых не имеет явно выраженной вещественной оболочки. Поэтому сюда попадает широкий спектр человеческой деятельности вплоть до «национальной обороны» и «муниципального управления» [9, с. 14], что в контексте русского языка может вызвать недоумение. Дело в том, что словом «услуги» переводят европейский термин «сервис», который также имеет значение «служба». Например, спецназ Великобритании именуется *SAS – Special Air Service* (Специальная авиационная служба). Поэтому отнести *ратный труд* к службе приемлемо, а к сфере услуг – проблематично, хотя слова эти имеют, безусловно, общее

происхождение. Подобным образом и госслужба в русском языке воспринимается скорее как частный случай службы вообще, чем как вариант сферы услуг. Проблема разграничения понятий заключается в имплицитном различии ценностей: если «услуги» направлены на человека, то «служба» подразумевает трансцендентный принцип, который исторически может быть воплощен в царе или Отечестве. Поэтому косметические, бытовые или юридические услуги вполне уместны, тогда как труд врача, учителя, чиновника или солдата – это *служба* на благо всего Отечества.

Особняком стоит *творческий труд* работников культуры. Иногда он может приближаться к простому физическому труду, когда скульптор преобразует камень в произведение искусства, однако творческий труд не сводится исключительно к воздействию на косную материю. Например, танцевальное искусство не имеет явно выраженной вещественной оболочки и могло бы быть номинально отнесено к «сфере услуг», если бы не сопротивление естественного языка: балет – это все же труд. Искусство может нести и воспитательную, и коммуникативную, и организующую функции.

Понимание коллективного (социального) характера труда позволяет поставить под сомнение отнесение «коммуникаций» и банковской сферы к услугам. Скорее это формы организующего труда, поскольку дезорганизация этих сфер способна привести к прекращению самой производственной деятельности.

Транспортная сфера и вовсе сливается с физическим трудом. На стадии создания дорожной инфраструктуры происходит явное воздействие на природу и ее преобразование, а на стадии эксплуатации грузоперевозки становятся необходимыми артериями социального организма. Эта форма деятельности по праву может называться службой, только не медицинской, учительской, чиновничьей или военной, а дорожной.

До сих пор мы рассматривали публичные проекции труда, выделив службу и творческий труд из сферы услуг. Однако помимо публичных проекций человеческой деятельности существу-

ет такое явление, как *домашний труд*. Он характеризует внутрисемейную хозяйственную деятельность: уход за детьми, стирку, закупку продуктов питания, приготовление еды, мытье посуды или уборку квартиры [10].

Домашний труд осуществляется в свободное от работы время, он не нормирован и не имеет фиксированного вознаграждения, однако его все же нельзя отнести к сфере досуга и отдыха, хотя бы потому что он носит «социально востребованный» характер внутри семьи (микросоциума). Иногда отмечается транзитивность границы между трудом по воспитанию ребенка и совместным времяпровождением родителей и детей [11]. В данном случае очевидна социальная востребованность для семьи подобного времяпровождения, а также феномена отдыха «от детей».

Инобытие труда

Для понимания труда необходимо не только выделить его проекции и их сущностные характеристики, но и рассмотреть то, чем труд не является. Инобытием труда как социально востребованной деятельности человека может быть деятельность несоциальная, связанная с удовлетворением индивидуальных (частных, неколлективных) потребностей. Прежде всего сюда можно отнести отдых и досуговые практики. Если во время труда рабочая сила истощается, то во время отдыха предполагается, что она должна восстанавливаться.

Абсолютной противоположностью труда следует признать *сон*, ибо невозможно одновременно трудиться и спать. Сон даже сложно содержательно отнести к разряду деятельности, хотя на вопрос «Что он делает?» ответ «Спит» вполне уместен.

Релаксация также является альтернативой труду, когда человек пребывает в положении сидя или лежа в расслабленном состоянии. Сон и релаксация – разновидности *праздности*, или пассивного отдыха. Разница между ними заключается в том, что сон представляет собой бессознательную праздность, а релаксация – сознательную.

Помимо праздности к противоположностям труда могут быть отнесены *досуговые практики* (активный отдых) – то, что можно классифицировать как *деятельность* – осознанный и контролируемый процесс.

Досуговой практикой можно назвать *принятие пищи*. Для этого в рабочее время предусмотрен обеденный перерыв. При определенных обстоятельствах принятие пищи можно классифицировать как труд, если оно выполняется на заказ по определенному графику и за определенное вознаграждение – таков труд дегустатора еды.

Вне основной работы человек не обязательно оказывается в ситуации отдыха: дома его может ждать домашний труд. Однако здесь возникает дискуссионное поле: сохранит ли этот вид деятельности свою специфику, если человек будет работать не ради семьи, а ради себя, т. е. «социальная востребованность» его деятельности исчезнет? Иными словами: могли ли литературный Робинзон Крузо трудиться на необитаемом острове? Положительный ответ может привести к отрицанию социального характера труда, ибо какой социум возможен в условиях одиночества на необитаемом острове? Хотя если возможен разговор с самим собой, то может быть и труд ради себя, но здесь речь явно идет о девиантной форме социальности, поскольку человек как бы раздваивается на заказчика и исполнителя, оказываясь в обществе самого себя. Вряд ли такую ситуацию можно назвать социумом, а подобную деятельность – социально востребованной.

В выходной день или во время отпуска человек может не только есть, спать или заниматься домашним трудом, но и общаться с близкими и родственниками, проводить время в кругу семьи или даже ходить на свидания. Жан Бодрийяр в работе «Символический обмен и смерть» (*L'échange symbolique et la mort*, 1976) относил *общение (communication)* к антониму труда [12, с. 25]. Впрочем, труд сам по себе является социализирующим фактором – в процессе производительной деятельности люди вынуждены общаться. Кроме того, общение может быть

частью отдельной профессиональной деятельности, когда речь идет о собеседованиях, консультациях, саммитах, инструктажах, брифингах, интервью, опросах, проведении семинаров и приеме экзаменов.

Очевидно, что досуговые практики (или активный отдых) в отличие от труда носят характер непринужденности. Если *труд* – это социально востребованная деятельность человека, то *досуговая практика* – индивидуально востребованная. Исторически востребованность труда проявлялась в принуждении. Крайней его формой был рабский (подневольный) труд. В последующее время широкое распространение получило экономическое принуждение, когда труд осуществлялся за денежное вознаграждение.

Здесь может возникнуть вопрос: неужели труд индивидуально не востребован? Можно было бы предположить существование труда «в свое удовольствие», однако здесь кроется некоторое противоречие. Становясь частным делом, труд превращается в *хобби* – например, сажающий картошку на своем дачном участке пенсионер скорее является садоводом-любителем, чем крестьянином, если он, конечно, не насыщает местный рынок сельхозпродукцией. С другой стороны, когда социальная востребованность труда совпадает с индивидуальной до такой степени, что исключает денежное вознаграждение, то такой род деятельности превращается в *волонтерство*. Тем не менее последнее сохраняет сущностные черты труда, где на смену денежному вознаграждению приходят льготы и компенсации.

Социальная востребованность труда носит характер должностования, при этом его принудительность регулируется правовыми нормами, в частности Трудовым кодексом Российской Федерации (статья 4): хотя труд не может быть принудительным, тем не менее этот запрет не носит абсолютного характера и допускает исключения для военной службы и при возникновении чрезвычайных ситуаций⁴.

В книге Йохана Хейзинги *Homo ludens* (1938) противоположностью труда выступает не праздность, прием пищи или общение, а *игра (spiel)* [13, с. 21], к которой относится широкий пласт непринужденной свободной деятельности. Для обоснования фундаментального характера игры Хейзинга указывает на следы ее присутствия у животных и детей. Ребенок по определению является нетрудоспособным субъектом, однако для него типична неусидчивость. Детям свойственно играть, причем игра не всегда носит коммуникативный или образовательный характер.

Хотя в наши дни она уже не мыслится противоположностью труда. Играть актеры и музыканты, но при этом они заняты творческим трудом. В Союзе Советских Социалистических Республик (СССР) актрисы балета неоднократно удостоивались звания Героев Социалистического Труда – это и Галина Уланова (1974, 1980), и Майя Плисецкая (1985). Также Героями Социалистического Труда становились спортсмены, например вратарь Лев Яшин (1980). Таким образом, как актерская, так и спортивная игра имеет явную социальную востребованность и подпадает под полное определение труда. В наши дни звание Героя Социалистического Труда не присуждается, однако зарплата спортсменов и артистов может превосходить денежное вознаграждение работников физического труда.

Интересен факт, что правительство СССР пыталось стереть границу между игрой и трудом, проводя социалистические соревнования в 1929–1990 годах, которые приносили в производственную деятельность элементы игрового азарта.

Спорт перестал быть простым состязанием и превратился в шоу с большой аудиторией. Соответственно, в его сферу оказались вовлечены не только сами спортсмены, но и зрители, для которых посещение стадионов и просмотр трансляций стали занятой формой времяпровождения. Вместе с тем сохраняет свое значение и

⁴Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 19.12.2022). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 12.02.2023).

любительский спорт, который при отсутствии организационной («клубной») формы и состязательного характера превращается в простую форму активного отдыха вроде прогулки, физкультуры, танцев или плавания. Примечательно, что последние формы деятельности могут быть отнесены к досуговой практике только в том случае, если они носят частный и непрофессиональный характер, ибо пловец, танцор или физкультурник вполне может работать и по трудовому договору.

Исследуя инобытие труда, мы обнаруживаем обширную «серую зону», которая в зависимости от степени вовлеченности человека может быть отнесена как к труду, так и к отдыху. Однако критерием различия здесь снова будет социальная востребованность труда если не в форме чистого принуждения, как в былые эпохи, то хотя бы в виде некоторого долженствования «для другого», которое может быть сконструировано или усилено в сознании субъекта труда посредством манипулятивных/мотивирующих техник.

Полное отождествление индивидуальной и социальной востребованности, по-видимому, утопично и может быть смоделировано лишь для напоминающего улей тоталитарного общества, где отсутствуют различия между приватным и публичным, частным и общественным. Отсюда неизбежен внешний характер социальной востребованности по отношению к индивидуальному сознанию субъекта труда, что обнаруживает связь труда с отчуждением. По-

этому Карл Маркс в «Экономико-философских рукописях 1844 года» пишет, что «труд есть лишь выражение человеческой деятельности в рамках отчуждения» [14, III:XXXIV].

Заключение

Подводя итог настоящему исследованию, можно остановиться на следующем определении: труд – это социально востребованная деятельность человека, которая противостоит праздности и различным досуговому практикам. Социальная востребованность при этом носит характер долженствования и подразумевает поощрение или компенсацию затраченных усилий со стороны социума.

Строго логическая классификация труда невозможна, хотя можно все же выделить некоторые его виды:

- домашний и общественный (производство, служба, услуги);
- физический, умственный и организующий (управление);
- творческий и рутинный.

Физический труд при потере социальной востребованности может превращаться в хобби, тогда как актерская и спортивная игра по мере повышения их социальной значимости становятся трудом.

К инобытию труда можно отнести различные виды пассивного и активного отдыха: сон, релаксацию, принятие пищи, физкультуру, игры, непринужденное общение, прогулки, а также посещение достопримечательностей и различных мероприятий.

Список литературы

1. Нехода Е.В. Трансформация труда и социально-трудовых отношений в условиях перехода к постиндустриальному обществу // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2007. № 302. С. 160–166.
2. Engels F. Anteil der Arbeit an der Menschwerdung des Affen // Dialektik der Natur. URL: http://www.mlwerke.de/me/me20/me20_444.htm (дата обращения: 28.01.2023).
3. Дзоблаева В.Х., Зайцева М.В. Соотношение категорий труда и отдыха // Междунар. журн. гуманитар. и естеств. наук. 2019. Т. 4-2. С. 211–213. DOI: [10.24411/2500-1000-2019-10844](https://doi.org/10.24411/2500-1000-2019-10844)
4. Пушкин А.В. Охота – часть духовной жизни общества // Гуманит. аспекты охоты и охотничьего хоз-ва. 2016. № 1. С. 17–20.

5. *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. М.: Прогресс, 1992. 376 с.
6. *Аристотель.* Сочинения [в 4 т.]. Т. 4. М.: Мысль, 1983. 830 с.
7. *Маркс К.* Капитал. Т. 1. URL: <https://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/Kapital1/index.html> (дата обращения: 15.03.2023).
8. *Кравченко А.Л.* Трудовые практики в оптике постделезуанских теорий: социально-философский анализ // Гуманит. вестн. 2021. № 5(91). Ст. № 3. DOI: [10.18698/2306-8477-2021-5-740](https://doi.org/10.18698/2306-8477-2021-5-740)
9. *Волкова А.А.* Сфера услуг: теоретический анализ // Изв. С.-Петерб. гос. экон. ун-та. 2014. № 4(88). С. 11–16.
10. *Малкова М.А., Рощина Я.М.* Типологический анализ домашнего труда в современной российской семье // Мир России. Социология. Этнология. 2011. Т. 20, № 1. С. 147–166.
11. *Караханова Т.М.* Домашний труд как потребительская деятельность // Вестн. Ин-та социологии. 2014. № 1(8). С. 108–130.
12. *Baudrillard J.* *L'échange symbolique et la mort.* Paris: Gallimard, 1976. 347 p.
13. *Хёйзинга Й.* *Homo ludens;* Статьи по истории культуры. М.: Прогресс-Традиция, 1997. 416 с.
14. *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года. URL: <https://www.marxists.org/russkij/marx/1844/manuscr/index.htm> (дата обращения: 15.10.2023).

References

1. Nekhoda E.V. Transformatsiya truda i sotsial'no-trudovykh otnosheniy v usloviyakh perekhoda k postindustrial'nomu obshchestvu [Transformation of Labour and Social-Labour Relations Under Condition to Postindustrial Society]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2007, no. 302, pp. 160–166.
2. Engels F. Anteil der Arbeit an der Menschwerdung des Affen. *Dialektik der Natur*. Available at: http://www.mlwerke.de/me/me20/me20_444.htm (accessed: 28 January 2023).
3. Dzoblaeva V.Kh., Zaytseva M.V. Sootnoshenie kategoriy truda i otdykha [The Ratio of the Categories of Work and Rest]. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 2019, vol. 4-2, pp. 211–213. DOI: [10.24411/2500-1000-2019-10844](https://doi.org/10.24411/2500-1000-2019-10844)
4. Pushkin A.V. Okhota – chast' dukhovnoy zhizni obshchestva [Hunting as a Part of the Cultural Life of the Society]. *Gumanitarnye aspekty okhoty i okhotnich'ego khozyaystva*, 2016, no. 1, pp. 17–20.
5. Le Goff J. *La civilisation de l'Occident médiéval.* Paris, 1984 (Russ. ed.: Le Goff Zh. *Tsivilizatsiya srednevekovogo Zapada.* Moscow, 1992. 376 p.).
6. Aristotle. *Sochineniya* [Works]. Vol. 4. Moscow, 1983. 830 p.
7. Marx K. *Capital*. Vol. 1. Available at: <https://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/Kapital1/index.html> (accessed: 15 March 2023) (in Russ.).
8. Kravchenko A.L. Trudovye praktiki v optike postdelezianskikh teoriy: sotsial'no-filosofskiy analiz [Labor Practices in the Optics of Post-Deleuze Theories: Socio-Philosophical Analysis]. *Gumanitarnyy vestnik*, 2021, no. 5. Art. no. 3. DOI: [10.18698/2306-8477-2021-5-740](https://doi.org/10.18698/2306-8477-2021-5-740)
9. Volkova A.A. Sfera uslug: teoreticheskiy analiz [The Sphere of Services: A Theoretical Analysis]. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, 2014, no. 4, pp. 11–16.
10. Malkova M.A., Roshchina Ya.M. Tipologicheskiy analiz domashnego truda v sovremennoy rossiyskoy sem'e [Typological Analysis of Domestic Work in the Modern Russian Family]. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*, 2011, vol. 20, no. 1, pp. 147–166.
11. Karakhanova T.M. Domashniyy trud kak potrebitel'skaya deyatel'nost' [Domestic Work as Consumption Behavior]. *Vestnik Instituta sotsiologii*, 2014, no. 1, pp. 108–130.
12. Baudrillard J. *L'échange symbolique et la mort.* Paris, 1976. 347 p.
13. Huizinga J. *Homo ludens; Stat'i po istorii kul'tury* [Homo Ludens; Articles on Cultural History]. Moscow, 1997. 416 p.
14. Marx K. *Ekonomicheskio-filosofskie rukopisi 1844 goda* [Economic and Philosophic Manuscripts of 1844]. Available at: <https://www.marxists.org/russkij/marx/1844/manuscr/index.htm> (accessed: 15 October 2023).

DOI: 10.37482/2687-1505-V289

Aleksey I. Ivanenko

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design;
ul. Ivana Chernykh 4, St. Petersburg, 198095, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6330-7179> e-mail: iwanenkoalexy@hotmail.com

THE HERMENEUTICS OF LABOUR

This article deals with the problem of the definition of labour, which has been gaining relevance in the conditions of the post-industrial society and recognition of such practices as active rest, domestic work, services, volunteering etc. A classical interpretation viewed labour as a productive activity to transform nature. Nowadays, however, it is becoming increasingly important to protect the environment rather than transform it. The paper describes the paradoxes of hunter and peasant, where one and the same activity, depending on the perspective, can be regarded as work, play, rest or exploitation. The author suggests the following definition of labour: a socially demanded human activity. Special attention is given here to the analysis of unproductive labour, which can be subdivided into service and services. While the former is aimed to meet the needs of society as a whole (Fatherland), the latter are performed for individuals. Thus, the following activities can be considered as service: teaching, medical practice, military activities, civil service and transportation. Work is opposed to rest, which can be passive (sleep and relaxation) as well as active (eating, communication, walking and certain games). The author points out that the work–play opposition is not absolute, since professional sport and acting are now considered labour. In the Soviet Union, for instance, state awards, such as the Hero of Socialist Labour, were given to the ballet dancers Galina Ulanova and Maya Plisetskaya as well as to the football player Lev Yashin. At the same time, when there is no longer a social demand for certain work, it can be transformed into rest, thus becoming a hobby.

Keywords: *philosophy of labour, services, rest, service, play, leisure, hobby, sport.*

Поступила 16.03.2023
Принята 15.09.2023
Опубликована 30.10.2023

Received 16 March 2023
Accepted 15 September 2023
Published 30 October 2023

For citation: Ivanenko A.I. The Hermeneutics of Labour. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 5, pp. 95–103. DOI: 10.37482/2687-1505-V289

УДК 14

DOI: 10.37482/2687-1505-V298

*МАРТИН Эллен, PhD, научный сотрудник
Лондонского университета (Лондон, Великобритания). Автор 15 научных публикаций**
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9489-9931>

АНТИАНТРОПОЛОГИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФИИ

Актуальность исследования обусловлена тем, что оно позволяет более глубоко понять специфику современного европейского дискурса о человеке, который характеризуется отказом от целостности человеческого субъекта, его денатурализацией, критикой антропоцентризма и тенденцией онтологического уравнивания индивида и материальных объектов. Истоки и причины антиантропологизма связаны с кризисом европейского гуманизма и попытками преодолеть этот кризис через иное представление о человеке. Через призму философских взглядов М. Хайдеггера, А. Кожева, Ж. Батая, Л. Альтюссера, М. Фуко, а также других философов показаны основные этапы развития антиантропологизма в европейской философской мысли: антифундаменталистский, антигуманистический, структуралистский и теоретический антигуманизм, онтологическая антропология. Одной из задач данной работы является ретроспективный анализ сюжетов в дискурсе о человеке в XX–XXI веках. Рассматривается антифундаментализм в философии М. Хайдеггера, который растворяет антропологию в онтологии. Показано, что в структурной антропологии К. Леви-Стросса проблема бессознательных процессов прокладывает путь к антиантропологии. Уделяется внимание вопросу о влиянии на философскую антропологию философии М. Фуко, которого интересует не сам человеческий субъект, а дискурсивные структуры. Французский мыслитель замещает антропологию эпистемологией. В статье раскрывается суть онтологического поворота, рассматриваются главные идеи онтологической антропологии и концепция мультинатурализма. Ставится акцент на том, что онтологическая антропология не только поднимает этические вопросы, но и ориентирована на переформатирование традиционного понимания мира и социума. Автор подчеркивает несостоятельность антиантропологических направлений, нацеленных на поиск пространства гармоничного сосуществования за пределами человечества, постулирующих идею отказа от традиционного понимания человека. В перспективе такой кардинальной перемены неизбежно встает вопрос о новой аксиологической модели ценностных ориентаций, который невозможно разрешить без обращения к дискурсу о человеке.

Ключевые слова: антиантропологизм, представления о человеке, антифундаментализм, антигуманизм, мультинатурализм, онтологическая антропология, новый материализм, современная западная философия.

*Адрес: Senate House, Malet St, London, WC1E 7HU, United Kingdom; e-mail: Ellenmrtn@googlemail.com

Для цитирования: Мартин Э. Антиантропологизм в современной западной философии // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 5. С. 104–113. DOI: 10.37482/2687-1505-V298

Повышенный интерес к проблеме природы человека наблюдается в западной философской литературе 1920–1950 годов. В 1954 году теолог Пол Пфейц отмечает кризис и революцию в западной культуре и самопознании человека, которые вызвали интерес к антропологии как в философских, так и в богословских кругах: «Современный человек стал проблемой для самого себя, во всем мире люди с новым рвением исследуют природу человека. ...Во всех сферах жизни можно обнаружить нравственную катастрофу, политическое смятение, духовно-нравственный кризис, ментальное расстройство и растущее беспокойство, переходящее в уверенность, что за последние несколько десятилетий человек неправильно истолковывал свою собственную природу, чтобы трагически и катастрофически использовать свои силы и технику» [1, с. 19].

Антифундаментализм в философии М. Хайдеггера

После ужасов и потрясений Первой мировой войны в философии активно развивается идея того, что человек больше не может заполнить пустоту, образовавшуюся из-за «смерти Бога» (Ф. Ницше), не умаляя при этом достоинства человеческого субъекта.

В своей основе антифундаменталистская тематика 1920–1950-х годов противостоит традиционному пониманию человека, на котором базировалась вся европейская интеллектуальная культура. В этот период предпринимаются значительные попытки фатально подорвать антропоцентризм и дискредитировать идею человека как образа и подобия Божия, которая отождествлялась с традицией Средневековья, а позднее Ренессанса. Большое влияние на развитие антифундаментализма как идейной платформы для последующего становления антиантропологизма оказали философские воззрения М. Хайдеггера.

В своей классической работе «Бытие и время» он вводит в философский оборот понятие *Dasein*, критикуя доминирующую позицию человека как актора, наблюдателя и

интерпретатора мира. Данное понятие означает присутствие или существование здесь. С помощью него Хайдеггер отвергает фундаментальную проблематику, присущую немецкому идеализму, а также картезианскую мысль о «Я» как абсолютном и независимом субъекте, рассматривающем мир. Хайдеггер не только ставит индивида в позицию «всегда присутствующего» (*Dasein*), разделяющего фундаментальные структуры своего присутствия с другими существами, он также постулирует идею полноты субъективного опыта, разделяемого в бытии с другими таким способом, что это подрывает классическую западноевропейскую философию субъекта. По мысли Хайдеггера, акцент должен делаться на культуру, язык, историю и социум как условия, а не следствия человеческой деятельности, желания и воли субъекта. Язык, история и социум представляются как территории, на которых находится человек и на которые он реагирует. Как отмечает С. Геруланос, у Хайдеггера не человек обладает *Dasein*, а *Dasein* делает возможным обращение к проблеме человека [2, с. 17]. Немецкий философ бросает вызов антропологии, психологии и биологии, объявляя их «неспособными дать однозначный и онтологически адекватный ответ, к какому Бытию принадлежат сущности, которыми мы являемся» [3, с. 75].

Хайдеггер выстраивает бытие, где нет вечного трансцендентного мира: нет Бога, нет злых духов, пытаясь объяснить суть *Dasein*, сопряженную с человеческими страхами и заботами. Конечность человека – одно из ключевых понятий его концепции.

Антиантропологизм заключается в том, что для философа проблема бытия важнее, чем вопрос о человеке.

Антифундаменталистская тематика, разработанная Хайдеггером, получает дальнейшее развитие во взглядах, приобретая характер негативной философской антропологии. В такой философии концепт человека представляется с точки зрения того, чем он не является.

Негативная философская антропология

А. Кожева и Ж. Батая

В работе «Атеизм» Кожев, используя хайдеггеровскую концепцию *Dasein*, рассуждает о «данности человека и мира, которые взаимодействуют только внутри однородного пространственно-временного структурного целого» [4, с. 38]. В обстановке кризисного состояния новоевропейского гуманизма философ разрабатывает теорию о «конечности человека» как концепцию преодоления традиционного для европейской культуры представления о субъекте.

Данная тема играет важную роль в философской антропологии Кожева, поскольку осознание своей смертности и дает возможность стать человеком. Человечество отличается от природы своим особым онтологическим самоотношением. Бытие индивида обусловлено его радикально временным характером, пониманием своего бытия во времени.

По аналогии с философией Ницше, у Кожева человек изначально не пребывает в мире, поскольку этому существу (человекоподобному) необходимо преодолеть свою животную природу. Движущими силами в процессе становления являются *desire* (желание), свобода и негативность. Желание – это потребность сделать что-то более высоким, неприродным, которое должно победить животный страх смерти: «Человеческое желание должно победить стремление к самосохранению. Иными словами, человечность в человеке “раскрывается” только тогда, когда он рискует своей животной (animal) жизнью ради своего Человеческого желания» [5, с. 7]. Негативность – это свободное отрицание своей животной природы. Это желание человечности становится причиной борьбы не на жизнь, а на смерть. По Кожеву, сущность человека – это бытие для себя. Для становления человеку необходимо обладать «автономным сознанием», для которого сущностная реальность – это бытие-для-себя. Есть другое, «зависимое сознание», для которого сущностной реальностью является животная жизнь, т. е. данное бытие для иного сущего [5, с. 16]. Такую антропогенную ситуацию Кожев

иллюстрирует при помощи образов господина и раба. Автономное сознание – это господин, а зависимое – раб. Иными словами, раб как антропологический образ – это поверженный противник, который не дошел до конца, рискуя жизнью, кто не принял принципа господина: победить или умереть. Раб – это тот, кто привязан к животной жизни и просто существует в мире вещей. Отказываясь бороться за нечто неприродное, «чистый престиж», он не поднимается выше уровня животного. Он принял жизнь, подаренную ему другим. Следовательно, он зависит от других [5, с. 7, 18].

На наш взгляд, человек по Кожеву – это иной аксиологический тип, антипод человека эпохи гуманизма. Если у Ницше есть либо недочеловек, либо сверхчеловек, то у Кожева – господин или раб. Человек, с точки зрения философа, отрицает сам себя, он поставлен в ничто самому себе.

У Ж. Батая также прослеживается слияние антифундаменталистского реализма и негативной антропологии. В его философии субъект лишается своего отношения к «Я». В своих произведениях французский мыслитель подчеркивает «переживание амбивалентного разрыва, в котором затвердевшая субъективность выходит за свои пределы» [6, с. 99]. Важным элементом в антиантропологических нарративах является идея трансгрессии как силы преодоления. У Батая она заключается в стремлении преодолеть бинарные оппозиции и привести к единству человеческое и природное, жизнь и ее конец. Подавление человеком своей биологической, или животной, природы философ интерпретирует как отрицание им самого себя [7, с. 85]. Становление человека, по Батаю, происходит через отрицание. Это отрицание универсальных табу по отношению к смерти и репродуктивности [8, с. 50]. Противостояние с тем, что запрещено, производит внутреннее переживание. У Батая запрещенные табу – это насилие над природой, а человеческая позиция является отказом от подобного насилия [8, с. 61]. Таким образом, запреты – это отрицание природы, переживаемое нашим сознанием. Без этих запретов «человечество не достигло бы

ясного и отчетливого сознания... на котором наука основана» [8, с. 38].

Для Батая человечность знаменуется стремлением к автономности, которое, однако, не может увенчаться успехом. Ни один ответ не дает возможности автономии – «у негатива больше нет выхода» [9, с. 125].

Трансгрессия – это нарушение сакральности запретов. Их преодоление открывает в человеке естественную природу, выводит его из социума, ибо то, что принадлежит к ней, относится к разряду антисоциального. Отвержение человеком проявлений низменных, природных инстинктов, естественно-биологического поведения связано у Батая с проведением границ, определением миров. Социум ставит границы, отделяя человека от дочеловеческого существования, от чистой тотальности. Акт трансгрессии преодолевает эти границы, в результате человек становится всем в своей тотальности, когда растворяются грани между человеческим и нечеловеческим, природным и человеческим. Тема преодоления фундаментальной дихотомии «человек–природа» найдет свое продолжение у современных новых материалистов.

Структурная антропология в философии К. Леви-Стросса. Проблема бессознательного

К. Леви-Стросс, имя которого ассоциируется со структурализмом, смещает интерес философии с человека как целостного существа на проблему бессознательного как имманентной характеристики человеческого мышления. Особой сферой интереса философа было «наличие структурного сходства между мифами разных культур» [10, с. 209]. Он проанализировал характерные черты различных версий мифов и классифицировал их по группам. Согласно Леви-Строссу, структура разума дикарей была аналогична разуму современного цивилизованного человека. Его интересовал не человеческий субъект, а универсальная модель разума. В своей структурной антропологии мыслитель стремился обосновать анализ систем родства, мифов, выявленных в бессознательных структурах, лежащих за пределами эмпирического наблюдения. С помощью этого подхода он пы-

тался показать «не как люди думают в мифах, но как мифы действуют в умах людей, которые этого даже не осознают» [11, с. 12] и, тем самым, «растворить человека в крупных конститутивных структурах над-индивидуальных конструкций» [12, с. 247].

Структурализм как метод переходит в антиантропологический подход, согласно которому субъект аннулируется. Рассуждения Леви-Стросса о бессознательном напоминают анализ структуры психики З. Фрейда. Однако если второй основывался на предпосылке конститутивного субъекта, который может взять на себя некоторый контроль над процессом, то важной предпосылкой для антропологии первого является бессознательное. Леви-Стросс утверждает, что бессознательная деятельность психики важнее сознательной для понимания социальных явлений и что бессознательное состоит из совокупности форм, наложенных на психологическое и физическое содержание.

Открытие бессознательного переформатирует гуманитарные и социальные науки. А это означает еще один этап в превращении философской антропологии в антиантропологию: «...конечная цель гуманитарных наук состоит не в том, чтобы создать, а в том, чтобы растворить человека. Выдающаяся природа антропологии состоит в том, что она представляет собой первый этап в процедуре, в которой участвуют другие» [12, с. 247].

Философская антропология сталкивается с тем, что она теперь имеет дело не с человеческим субъектом, а с бессознательным.

Теоретический антигуманизм Л. Альтюссера

Отказ от идеи человека (субъекта) и борьба с гуманизмом очевидны в философских воззрениях Л. Альтюссера, который ввел в философский оборот термин «теоретический антигуманизм». Мыслитель подвергает критике идеологию гуманизма, наивную антропологию. В трудах Альтюссера, который был неомарксистом, индивидуумы представлены как своего рода «поддержки» в различных структурах, определяемых капиталом [13, с. 112].

В его философии истинными субъектами являются «отношения между производствами» [13, с. 180]. История для Альтюссера – это «процесс без субъекта или целей», где данные обстоятельства, в которых люди выступают как субъекты под детерминирующим воздействием общественных отношений, и являются продуктом классовой борьбы.

Проблема понимания человека в философии М. Фуко. «Смерть субъекта»

М. Фуко систематически подвергает сомнению антропологические универсалии, будь то биологические, ментальные или социальные особенности человека. Он недвусмысленно заявляет, что сама «задача» философской мысли состоит в том, чтобы пробудить нас от догматического сна антропологии, «порога, за которым современная философия может начать мыслить» [14, с. 340].

Французский философ утверждает, что, сущность человеческой субъективности лежала в основе анализа всего, что может быть дано нашему опыту от И. Канта до сегодняшнего дня, однако человек, который выступает в качестве основы и меры всех вещей, есть тот, от которого мы уходим. Известно пророчество Фуко относительно гуманизма, согласно которому «человек будет стерт, как лицо, нарисованное на песке на берегу моря» [14, с. 442].

Фуко обращает внимание на становление человека, задействованного в различных отношениях. Он показывает, как новый «человек» формируется на пересечении исторических условий и отношения к власти. Философа интересует не сам человеческий субъект, а способы и пути, благодаря которым происходит его становление.

Фуко показывает, что решающую роль в истории играют не индивиды, а «дискурсивные структуры», говорящие через них. Французский мыслитель замещает антропологию эпистемологией. Это наиболее очевидно в «Археологии гуманитарных наук», в которой он развивает идею отказа от человеческого субъекта как главного объекта аналитического исследования.

«Смерть субъекта» – это конец гуманистического дискурса о человеке.

Фуко характеризует гуманизм как «тему или набор тем, которые повторялись в европейской

истории с привязкой к определенному набору ценностных суждений» [15, с. 44]. Он обращается к христианскому, романтическому, марксистскому и национал-социалистическому гуманизму, указывая, что они «опираются на определенные представления о человеке, заимствованные из религии, науки или политики» [15, с. 44].

В рамках теории дискурса французский философ освещает понятие человеческого субъекта, который не растворяется, как у Леви-Стросса, а умирает. Со «смертью субъекта (человека)» времен гуманизма приходит другое понимание человека.

Поворот к нечеловеческому миру.

Новый материализм

Со времен философии постмодернизма категория человека подвергается постоянной концептуальной атаке, которая сделала его следствием истории, языка и политики, а не их причиной. М. Фуко, Ж. Деррида, Ж.Ф. Лиотар, Ж. Делез и др., следуя идее Ницше, призвали смерть субъекта, нечеловеческие силы, призраки, одушевленные материи для подрыва человечности как априорного качества, данного свыше.

XXI век ознаменовался всплеском философского интереса к материальному, нечеловеческому миру, к объектам и объект-объектным отношениям без субъекта. Акцент ставится на превосходстве нечеловеческого мира, подчеркивается роль материальных объектов, якобы претендующих на роль субъекта. Б. Латур в акторно-сетевой системе устанавливает симметрию между человеческими и нечеловеческими «актантами» при формировании сетей [16].

Спекулятивный реализм (СР) – философский проект, объединяющий несколько направлений в рамках нового материализма, стремится вытеснить человека из центра анализа, отделить реальность от человеческого чувственного опыта. Например, объект-ориентированная онтология (Г. Харман), одно из направлений СР, постулирует идею радикальной независимости объектов от доступа к ним человеческого субъекта [17, с. 10–11]. В вопросе о доступе к реальности у представителей СР существуют

расхождения. Несмотря на разногласия разных направлений внутри СР, общим для них является освобожденный от человеческого отношения взгляд на окружающую среду.

К. Мейясу развил теорию корреляционизма, согласно которой «возможно иметь доступ только к корреляции между мышлением и бытием, но никогда к чему-то одному из них в отдельности» [18, с. 5]. Философ утверждал, что реальность – это то, что можно представить в виде математических объектов. Мейясу сделал попытку вернуть Абсолют как метафизическую точку опоры. Он отказался от субъективности в пользу математизированного Абсолюта.

Таким образом, в рамках СР пространство и время наделяются объектными свойствами и отношениями без субъекта. Заметим, что объекты и их свойства в реальности существуют и различаются только благодаря присутствию человека. Если субъект исключается, то встает вопрос о том, кто осознает присутствие объектов.

Другие современные представители нового материализма переосмысливают человечество с точки зрения практического, феноменологического взаимодействия с средой, подчеркивая особые возможности микромира, специфические способности материи. Феминистские исследования постгуманистических авторов посвящены тому, как материя якобы становится «живой» и обретает значение [19–22]. Эта дестабилизация антропоцентрического мировоззрения подрывает важность того, что рассматривается исключительно как человеческие качества, такие как целеполагание и воображение. Новые материалисты постулируют антропоморфизм, т. е. наделение нечеловеческого мира человеческими свойствами. В рамках данного направления оспаривается представление о природе с точки зрения человеческих интересов и в человеческой интерпретации. Культура и природа не должны рассматриваться как различные сферы, поскольку обе они материально влияют на постоянно меняющийся мир [16; 20, с. 3; 22, с. 181; 23].

В дискуссионном пространстве антиантропологических направлений развивается концепт «нечеловеческого», который встречается у

Ж. Делеза. Нечеловеческое у него связано с идеей замены онтологии субъекта онтологией субъективности. В концепции субъективности Делеза выделяются следующие принципы: онтологический (онтология становления), психоаналитический, согласно которому сознание рассматривается как одна из частей телесного производства, и эстетический. Субъект, по мнению мыслителя, не имеет предшествующего образца и не является стабильным, он всегда находится в процессе становления. Делез определил становление как аффект, который представляет собой изменение состояния объекта и его возможностей. Это изменение может быть физическим, психологическим или социальным. Аффекты бестелесны, не имеют основы, но они создают онтологические процессы, которые Делез и П.-Ф. Гваттари определили как ризому – нестержневой мир, предлагающий бесконечные возможности для конфигураций. «Ризома непрерывно устанавливает связи между семиотическими цепями, организациями, обстоятельствами <...> Семиотическая цепочка подобно сгущающемуся клубню, создающему разнообразные действия» [24, с. 7]. Ризома – это концепция радикального понимания онтологических процессов как динамических видоизменяющихся сборок.

Следует отметить, что источником аффекта является человек, но Делез этого не говорит. В его онтологии становления все обладает аффективностью, включая тела, объекты, мысли, концепции и социальные образования. Все тела, предметы и мысли определяются не формой, субстанцией или субъективностью, а просто их способностью воздействовать. Способности не являются врожденными, а возникают в результате взаимодействия одного тела или вещи с другими. Делез и Гваттари рассматривают эти взаимодействия как ассамбляжи (сборки). Таким образом, философия Делеза поднимает вопрос о нечеловеческом источнике становления человеческой субъективности.

Представители нового материализма, опираясь на идеи Делеза и Гваттари, объединяют материальность, аффект и витализм. Материалистическое признание аффективных способностей

материи открывает для них возможность исследовать то, как человеческий и нечеловеческий миры взаимодействуют и переплетаются. Вместо того, чтобы рассматривать вещь, тело как данность с определенными атрибутами, нам предлагается переформатировать наше мышление и признать, что возможности материи всегда зависят от контекста [25, с. 9–11]. Человеческое становление происходит в различных контекстах как следствие материальных, человеческих и нечеловеческих взаимодействий.

В своих попытках переформатировать традиционное мышление новые материалисты зачастую просто приписывают человеческие ценности, жизненную силу нечеловеческому миру, что никак не может быть убедительным.

Онтологический поворот в антропологии Э.В. де Кастру

Бразильский энограф Э.В. де Кастру делает попытку обновить или, вернее, оживить дискурс о человеке с помощью онтологического поворота в антропологии. Онтологический поворот – это эпистемологический инструмент, метод, с помощью которого его сторонники представляют онтологическую антропологию, открывающую иные миры или онтологическую множественность.

Согласно де Кастру, человечность изначально не является априорным качеством, ценным даром от Бога. Она понимается как способность вообразить себя каким-либо телом, включая нечеловеческое. Человечность может быть наложена на любое тело, в т. ч. и на животное.

Онтологический поворот в антропологии, предложенный де Кастру, зиждется на идее, что существует одна человечность, одна культура, но много миров. Иными словами, это множественная онтология. К такой концепции де Кастру приходит на основе своих исследований в регионе Амазонки, где он разработал теорию перспективизма, который относится к повторяющимся характеристикам, встречающимся в мифологии и космологии американских индейцев. Мысль де Кастру состоит в том, чтобы перейти от мира туземцев как объекта наблюдения к попытке взглянуть на мир (включая нечеловеческие компоненты) с точки зрения коренных народов.

По аналогии с Мейясу, де Кастру пытается найти доступ к пре-исторической реальности, т. е. реальности, предшествующей любой жизни на Земле. Если первый стремится получить доступ к пре-историческому миру через разрыв субъект-объектных отношений, обращаясь к объективности математических наблюдений за качествами физических объектов, то второй делает подобное в антропологии, обращаясь к практике шаманского галлюциногенного транса: «Шаманизм – это способ действия, влекущий за собой способ познания или, вернее, некий идеал познания. <...> Американоиндейский шаманизм можно определить как разрешение определенным лицам преодолевать телесные барьеры между видами, принимать экзоспецифическую форму субъективной перспективы, управлять отношениями между видами и людьми» [26, с. 60]. Де Кастру характеризует разделение между западным культурным релятивизмом и шаманизмом как мультинатурализм: «Если западный релятивизм имеет своей политикой мультикультурализм, то шаманизм имеет мультинатурализм как свою космическую политику» [26, с. 60].

Мультинатурализм определяется как противоположность западной онтологии единства мира и множественной субъективности.

Итак, если онтологическое обоснование мультикультурализма основано на предположении о единой природе, которая допускает множество культур и мировоззрений, то онтологическая антропология разрушает эту картину, придавая онтологический статус другому как представителю иной природы. Вместо мультикультурализма предлагается мультинатурализм как мультиприродное мировоззрение, согласно которому существует единство духа и разнообразие тел. В рамках этого подхода человек как личность больше не связан только с людьми, но является частью нечеловеческой, в т. ч. и животной природы, потому что нечеловеческие существа наделяются человечностью.

Мультинатурализм предполагает, что мы имеем одну культуру, но живем в разных мирах, которые включают нечеловеческое (животное) восприятие наряду с человеческим. Де Кастру разрешает проблему несоизмеримости челове-

ческого и нечеловеческого, помещая человека и животное в одно жизненное пространство. Животное живет в пространстве. Человек живет во времени, благодаря сознанию. Он, как субъект, создает свое жизненное пространство во времени. Животное действует в соответствии с собственной природой, со своими животными инстинктами, благодаря которым оно выживает. Человек руководствуется не инстинктом, а сознанием.

Существенной особенностью онтологического поворота является то, что он смещает традиционную парадигму социокультурного анализа и понятие культуры к онтологии. Пересматриваются не только идеи и парадигмы, но и весь мир, наше традиционное понимание мира и социума, отношения между людьми.

Заключение

Объявив о смерти Бога, Ницше отверг любую форму фиксированной истины и морали. Отказ от метафизики определил судьбу всей западной философии, которая отрелась от эссенциалистского понимания субъекта, взяв курс на критику антропоцентризма. Следуя выводу Фуко о смерти субъекта, Ж. Деррида провозгласил конец человека, продолжая деконструкцию западной метафизики, делая попытку преодолеть антропоцентрическую перспективу гуманизма, предлагая текстуальный способ понимания мира [27].

Дискурс о гуманизме, который питал историю европейской мысли от античности до экзистенциализма прошлого века, исчерпал себя и зашел в тупик.

По мнению новых материалистов, категория человеческого оказалась не в состоянии адекватно реагировать на экологические вызовы, много-

образии человеческих и нечеловеческих форм жизни. Человек как бы «устарел» в качестве предмета гуманитарных наук. Дискурсивное пространство западной философии заполняется фантазиями о киборгах, символизирующих преодоление грани между человеком и техникой [28]. Теоретики постгуманизма считают, что постчеловеческий субъект будет представлять собой конвергенцию биологического и технологического [29]. Для антиантропологических направлений характерна тенденция преодоления ключевых дихотомий антропологического дискурса, таких как «человеческое–нечеловеческое», «человек–природа», что подрывает основы антропологической мысли. В рамках нового материализма постулируется идея, что нечеловеческие сущности якобы обладают агентурной способностью, отвергается принцип иерархии между людьми и нечеловеческими существами и тем самым пересматривается этика взаимоотношений в мире.

Любые философские направления так или иначе основаны на человеческой тематике. Антиантропологические направления в современной западной философии представляют собой попытки найти некое пространство за пределами человечества, но при этом отказаться от дискурса о человеке. Эти попытки проявляются в виде спекулятивных теорий о возможности гармоничного сосуществования за пределами человеческих ценностей. В перспективе такой кардинальной перемены неизбежно встает вопрос о совершенно новой аксиологической модели ценностных ориентаций. Этот фундаментальный вопрос невозможно разрешить без обращения к дискурсу о человеке.

Список литературы

1. Pfuetze P.E. *Self, Society, Existence: Human Nature and Dialogue in the Thought of George Herbert Mead and Martin Buber*. N. Y.: Harper & Bros, 1961. 400 p.
2. Geroulanos S. *An Atheism That Is Not Humanist Emerges in French Thought*. Stanford: Stanford University Press, 2010. 448 p.
3. Heidegger M. *Being and Time*. Oxford: Blackwell Publishers Ltd, 2001. 592 p.
4. Kojève A. *Atheism*. N. Y.: Columbia University Press, 2021. 248 p.
5. Kojève A. *Introduction to the Reading of Hegel: Lectures on the Phenomenology of Spirit*. London: Basic Books Inc, 1980. 303 p.
6. Habermas J. *The Philosophical Discourse of Modernity: Twelve Lectures*. Cambridge: MIT Press, 1987. 225 p.
7. Bataille G. *Erotism, Death and Sensuality*. San Francisco: City Lights Books, 1986. 297 p.

8. Bataille G. *Eroticism*. London: Penguin, 2001. 320 p.
9. Bataille G. *Guilty*. N. Y.: The Lapis Press, 1988. 161 p.
10. Tyson L. *Critical Theory Today: A User-Friendly Guide*. N. Y.: Routledge, 2006. 465 p.
11. Lévi-Strauss C. *The Raw and the Cooked: Introduction to a Science of Mythology*. London: Pimlico, 1969. 384 p.
12. Lévi-Strauss C. *The Savage Mind*. London: Weidenfeld & Nicolson, 1966. 312 p.
13. Althusser L., Balibar E. *Reading Capital*. London: Verso, 1970. 439 p.
14. Foucault M. *The Order of Things: An Archaeology of Human Sciences*. London: Vintage Routledge, 2001. 448 p.
15. Foucault M. *What Is Enlightenment? // The Foucault Reader / ed. by P. Rabinow*. N. Y.: Pantheon Books, 1984. P. 32–50.
16. Latour B. *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*. London: Oxford University Press, 2005. 301 p.
17. Harman G. *The Quadruple Object*. Winchester: Zero Books, 2011. 157 p.
18. Meillassoux Q. *After Finitude: An Essay on the Necessity of Contingency*. London: Continuum, 2009. 156 p.
19. Barad K. Posthumanist Performativity: Towards an Understanding of How Matter Comes to Matter Signs // *J. Women Cult. Soc.* 2003. Vol. 28, № 3. P. 801–831. DOI: [10.1086/345321](https://doi.org/10.1086/345321)
20. Bennett J. *Vibrant Matter: A Political Ecology of Things*. Durham: Duke University Press, 2010. 200 p.
21. Braidotti R. *The Posthuman*. Cambridge: Polity Press, 2013. 180 p.
22. Barad K. *Meeting the Universe Halfway: Quantum Physics and the Entanglement of Matter and Meaning*. Durham: Duke University Press, 2007. 544 p.
23. Haraway D.J. *Manifestly Haraway*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2016. 356 p.
24. Deleuze G., Guattari F. *A Thousand of Plateaus: Capitalism and Schizophrenia*. London: Athlone Press, 1988. 629 p.
25. DeLanda M. *A New Philosophy of Society: Assemblage Theory and Social Complexity*. London: Continuum, 2006. 148 p.
26. de Castro E.V. *Cannibal Metaphysics for a Post-Structural Anthropology*. Minneapolis: Univocal Publishing, 2014. 234 p.
27. Haraway D. *A Manifesto for Cyborgs: Science, Technology, and Socialist Feminism in the 1980s // Social. Rev.* 1985. № 80. P. 65–108.
28. Derrida J. *The Ends of Man // Margins of Philosophy*. Chicago: University Press, 1972. P. 111–136.
29. Braidotti R. *Posthuman Knowledge*. Cambridge: Polity Press, 2019. 210 p.

References

1. Pfuetez P.E. *Self, Society, Existence: Human Nature and Dialogue in the Thought of George Herbert Mead and Martin Buber*. New York, 1961. 400 p.
2. Geroulanos S. *An Atheism That Is Not Humanist Emerges in French Thought*. Stanford, 2010. 448 p.
3. Heidegger M. *Being and Time*. Oxford, 2001. 592 p.
4. Kojève A. *Atheism*. New York, 2021. 248 p.
5. Kojève A. *Introduction to the Reading of Hegel: Lectures on the Phenomenology of Spirit*. London, 1980. 303 p.
6. Habermas J. *The Philosophical Discourse of Modernity: Twelve Lectures*. Cambridge, 1987. 225 p.
7. Bataille G. *Eroticism, Death and Sensuality*. San Francisco, 1986. 297 p.
8. Bataille G. *Eroticism*. London, 2001. 320 p.
9. Bataille G. *Guilty*. New York, 1988. 161 p.
10. Tyson L. *Critical Theory Today: A User-Friendly Guide*. New York, 2006. 465 p.
11. Lévi-Strauss C. *The Raw and the Cooked: Introduction to a Science of Mythology*. London, 1969. 384 p.
12. Lévi-Strauss C. *The Savage Mind*. London, 1966. 312 p.
13. Althusser L., Balibar E. *Reading Capital*. London, 1970. 439 p.
14. Foucault M. *The Order of Things: An Archaeology of Human Sciences*. London, 2001. 448 p.
15. Foucault M. *What Is Enlightenment? Rabinow P. (ed.). The Foucault Reader*. New York, 1984, pp. 32–50.
16. Latour B. *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*. London, 2005. 301 p.
17. Harman G. *The Quadruple Object*. Winchester, 2011. 157 p.
18. Meillassoux Q. *After Finitude: An Essay on the Necessity of Contingency*. London, 2009. 156 p.
19. Barad K. Posthumanist Performativity: Towards an Understanding of How Matter Comes to Matter Signs. *J. Women Cult. Soc.*, 2003, vol. 28, no. 3, pp. 801–831. DOI: [10.1086/345321](https://doi.org/10.1086/345321)
20. Bennett J. *Vibrant Matter: A Political Ecology of Things*. Durham, 2010. 200 p.

21. Braidotti R. *The Posthuman*. Cambridge, 2013. 180 p.
22. Barad K. *Meeting the Universe Halfway: Quantum Physics and the Entanglement of Matter and Meaning*. Durham, 2007. 544 p.
23. Haraway D.J. *Manifestly Haraway*. Minneapolis, 2016. 356 p.
24. Deleuze G., Guattari F. *A Thousand of Plateaus: Capitalism and Schizophrenia*. London, 1988. 629 p.
25. DeLanda M. *A New Philosophy of Society: Assemblage Theory and Social Complexity*. London, 2006. 148 p.
26. de Castro E.V. *Cannibal Metaphysics: For a Post-Structural Anthropology*. Minneapolis, 2014. 234 p.
27. Haraway D. A Manifesto for Cyborgs: Science, Technology, and Socialist Feminism in the 1980s. *Social. Rev.*, 1985, no. 80, pp. 65–108.
28. Derrida J. The Ends of Man. *Margins of Philosophy*. Chicago, 1972, pp. 111–136.
29. Braidotti R. *Posthuman Knowledge*. Cambridge, 2019. 210 p.

DOI: 10.37482/2687-1505-V298

Ellen Martin

University of London;
Senate House, Malet St, London, WC1E 7HU, United Kingdom;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9489-9931> e-mail: Ellenmrtn@gmail.com

ANTI-ANTHROPOLOGISM IN CONTEMPORARY WESTERN PHILOSOPHY

This research is relevant since it allows us to understand more deeply the specifics of contemporary European discourse about the human being, which is characterized by denaturalization and rejection of wholeness of a human subject, criticism of anthropocentrism and the tendency towards an ontological equation of the human being and material objects. The origins and causes of anti-anthropologism are associated with the crisis of European humanism and attempts to overcome this crisis through a different idea of a human being. Based on the analysis of the philosophical views of M. Heidegger, A. Kojève, G. Bataille, L. Althusser, M. Foucault and some other thinkers, the author shows the main stages of the development of anti-anthropologism in European philosophy: anti-fundamentalism, anti-humanism, structuralist and theoretical anti-humanism, and ontological anthropology. One of the objectives of this paper is to perform a retrospective analysis of the discourse about the human being in the 20th and 21st centuries. The article considers anti-fundamentalism in the philosophy of M. Heidegger, who dissolves anthropology in ontology. The author demonstrates that in the structural anthropology of C. Lévi-Strauss the problem of unconscious processes paves the way for anti-anthropology. Attention is paid to the influence on philosophical anthropology of the philosophy of M. Foucault, whose interests lie not in the human subject, but in discourse structures. He replaces anthropology with epistemology. The article reveals the essence of the ontological turn in anthropology and discusses the key ideas of ontological anthropology and the concept of multinaturalism. It is emphasized that ontological anthropology not only raises ethical issues, but also aims to reformat our traditional understanding of the world and society. The author stresses the inadequacy of the anti-anthropological trends aimed at discovering a place of harmonious coexistence beyond humanity and postulating the idea of abandoning the traditional understanding of a human being. With the prospects of such a fundamental change, the question inevitably arises of a new axiological model of value orientations, which cannot be resolved without turning to the discourse about the human being.

Keywords: *anti-anthropologism, ideas of a human being, anti-fundamentalism, anti-humanism, multinaturalism, ontological anthropology, new materialism, contemporary Western philosophy.*

Поступила 23.02.2023
Принята 12.09.2023
Опубликована 30.10.2023

Received 23 February 2023
Accepted 12 September 2023
Published 30 October 2023

For citation: Martin E. Anti-Anthropologism in Contemporary Western Philosophy. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 5, pp. 104–113. DOI: 10.37482/2687-1505-V298

УДК 130.2

DOI: 10.37482/2687-1505-V297

МАКУЛИН Артем Владимирович, доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии и социологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор 63 научных публикаций, в т. ч. трех учебных пособий

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7028-9650>

КАЗИЕВ Никита Расулович, аспирант кафедры философии и социологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор 5 научных публикаций

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7389-4311>

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ БРАТСТВА И ПОБРАТИМСТВА: ОТ ПАРАДИПЛОМАТИИ К ЦИФРОВЫМ ДВОЙНИКАМ ГОРОДОВ

Статья посвящена рассмотрению природы феномена побратимских отношений через призму семантического анализа понятия «братство», сопоставления антагонистических взглядов на данный феномен: с одной стороны, как на глубинное основание сотрудничества, с другой – как на идеологему и «социальную мнимость». Результаты исследования доказывают возможность побратимства в эпоху всеобщей смартизации за счет технологий цифровых двойников и анализа больших данных. В статье также отмечается, что трансцендентальные цели феномена братства являются непреходящими, позволяют преодолевать цивилизационные вызовы, грозящие фрагментировать культурно-генетические основания России. Усиление интереса к проблеме братства сигнализирует о нарастании противоречий между ожиданиями от рыночно-либеральных деклараций и преобразований, с одной стороны, и реальным положением России на международной арене – с другой. Авторами осуществлена попытка преодоления взгляда на феномен братства как идеологему, «социальную мнимость», политический штамп. Проблема общественного идеала на примере братства решается за счет выявления в последнем трансцендентальных основ, необходимых для воспроизводства культурных конкурентоспособных стратегий России в глобализирующемся мире. Вероятностный результат развития побратимства рассматривается как важнейший элемент парадипломатии, вносящей существенную лепту во внешнюю дипломатическую повестку России, в совершенствование механизмов ее мягкой силы. Цель статьи состоит прежде всего в социально-философском исследовании фундаментальных оснований феноменов братства и побратимства. Методология исследования выстроена на основе идей и принципов историзма, всесторонности, комплексности. В конце работы намечены возможные пути развития института побратимства в условиях международной напряженности и санкционной политики западных стран.

Ключевые слова: побратимство, парадипломатия, братство, цифровой близнец, мягкая сила, городская дипломатия.

*Адрес: 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17; e-mail: a.makulin@narfu.ru

**Адрес: 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17; e-mail: nikitakaziev@gmail.com

Для цитирования: Макулин А.В., Казиев Н.Р. Феноменология братства и побратимства: от парадипломатии к цифровым двойникам городов // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 5. С. 114–121. DOI: 10.37482/2687-1505-V297

Современное мировое сообщество живет в разных реальностях: с одной стороны, в условиях всеобщей «смартизации», т. е. появления «умных» толп [1], умных фабрик, умных университетов и городов, «твиттерных революций» [2], интернета вещей (англ. Internet of Things, IoT), грозящего уничтожить за счет деструктивных технологий и инноваций многие профессии прошлого¹, перманентной цифровой глобализации, фундированной вызовами Индустрии 4.0 [3], и так называемого перехода от «пустого» мира к «полному»²; с другой стороны – в действительности, сотрясаемой культурно-генетической резилентной реакцией традиций в форме глокализации [4] (англ. glocalisation), т. е. попыток «возврата к корням и истокам». Становится все труднее оперировать социальными категориями, относящимися к прошлым эпохам, временам доинформационной унификации, однако часть социально-коммуникативных феноменов продолжает оставаться на повестке дня. В качестве примера можно привести феномен братства и имманентный ему институт побратимства. Возможно, они являются одним из способов преодоления ряда трудностей в международной коммуникации и публичной дипломатии, сохраняя невидимые на первый взгляд нити сотрудничества и общения.

Вглядываясь в цифровые реалии современного мира, следует отметить, что обещание легкого и свободного обращения к миру информации любого, кто обладает электронным устройством, несомненно, стало одним из сильнейших орудий цифровизации и Индустрии 4.0, посеявших в сознании большинства уверенность, что Интернет – единственный источник коммуникации. С этим сложно не согласиться, т. к. социальные сети, втягивая в себя огромное количество людей, фактически создали цифровые двойники любых иных форм социального сотрудничества: дистанционное

образование, цифровое государство, виртуальные музеи, дополненную реальность, которые в известной степени подменили собой традиционные формы общения, наполнив дискурс и нарратив социальной коммуникации множеством неологизмов: нетикет, игнор, спам, троллинг, флейм, флуд, некорректный ответ, хейтинг, бан [5, с. 19] и др.

На таком фоне рассуждения о феномене побратимства, выросшем идейно, по большому счету, из природы братства, т. е. особой формы дружеской связи, содружества, основанного на общности целей, взглядов, принципов, рискуют в мире «диктата цифры» стать лишь ретроспективной рефлексией с известным оттенком грусти и ностальгии над исчезнувшей формой некогда живого и одухотворенного социального сотрудничества, безапелляционно оставшегося в далеком прошлом, в первую очередь по той причине, что феномен братства не имеет четкой понятийной трактовки, часто рассматривается как историческая форма особой социальной организации. Отсутствие единства, конечно, продиктовано попаданием данного феномена в круг интересов всех форм мировоззрения. Как пишет Т.Г. Лобова, братство эксплицируется «мифологическим, религиозным, научным и философским сознанием» [6, с. 90]. В известном смысле полифонию значений образует и разветвленная этимология понятия «братство», особенно если речь идет о русском языке [7]. Самый беглый взгляд на данный феномен в русской философской традиции отсылает нас к этическим выводам Ф.М. Достоевского [8], концепции «общего дела» Н.Ф. Федорова [9], «Братству» Вернадского [10].

В общеевропейском контексте нельзя пройти мимо значения воодушевляющего лозунга Великой французской революции: «Свобода! Равенство! Братство!». Идея братства была вплетена в сущностные основы феномена

¹Атлас новых профессий / под ред. П. Лукши. М.: Олимп-Бизнес, 2015. 216 с.

²Доклад Римского клуба 2018: капитализм, скоротечность жизни, перенаселенность и разрушение Планеты // Блог компании Philtech Initiative. URL: <https://habr.com/ru/company/philtech/blog/354596/> (дата обращения: 29.01.2023).

религиозных общин, монашеских орденов на протяжении всей истории христианства.

Трудно сказать, является ли понятие «братство» социолектом, т. е. лексической и стилистической особенностью, характерной для какой-либо социальной группы, однако использование самого этого слова, безусловно, до сих пор говорит о желании выделить в сложной системе социальных связей высокую форму отношений, избегающую тривиальных экономических интересов конкурирующих субъектов социальной реальности. Следует хотя бы обратить внимание на «языковую единицу нового качества» [11] – фразу «Работайте, братья!», произнесенную лейтенантом полиции, Героем Российской Федерации Магомедом Нурбагандовым 10 июля 2016 года непосредственно перед тем, как его расстреляли боевики. Данные слова, уже ставшие крылатым выражением, несомненно, несут в себе нечто большее, чем сообщение о дружеских отношениях, – еще не навязанное, т. е. четкое и лаконичное указание на некий аксиологический заряд бессмертных смыслов, который восходит к общей идее братства.

Нельзя пройти мимо мучительных поисков государствообразующей идеи и ее воспитательного содержания. Совсем недавно эти идеи были артикулированы в рамках Всероссийской научно-практической конференции «Философия и основы российской государственности: идейное содержание в современном высшем образовании», прошедшей 30–31 марта 2023 года в Санкт-Петербургском государственном университете³. Примечательно, что с 1 сентября 2023 года в вузах страны планируется введение обязательного учебного курса «Основы российской государственности». Следует отметить, что в докладах участников конференции звучали такие понятия, как «державность», «соборность», «преображение», «правда», ко-

торые имеют непосредственное идейное отношение к феномену братства.

Не секрет, что в российской традиции идея братства была заложена еще в концепции панславизма и славянского братства в XIX веке и братстве народов Союза Советских Социалистических Республик (СССР) и социалистических стран в XX веке (боевое братство народов СССР [12], «русский народ как старший брат» [13], «триединство русского народа»). Примечательно, что данная идея в рамках советского интернационализма часто переносилась на дружественные государства: «Русский с китайцем – братья навек...», «Братская помощь СССР Республике Куба». В наши дни она продолжает развиваться в рамках проекта «Русский мир» [14]. Приведенные выше понятия оцениваются по-разному: от признания в качестве базовых культурных оснований и фундамента цивилизационной резилентности до обозначения в качестве «ненаучных штампов», идеологем, «социальных мнимостей» [15].

Корни принятия/критики феномена братства в сегодняшней российской мировоззренческой модели берут начало в разных источниках: нравственно-религиозном и политико-экономическом. Конфликт в понимании данного концепта очень условно можно выразить через борьбу консерваторов, традиционалистов, с одной стороны, и либералов, глобалистов – с другой. Версию этого противостояния в рамках российской историософии знают как конфликт славянофилов и западников.

Итак, принятие идеи братства уходит корнями в классический библейский назидательный пример о трагическом результате зависти Каина к Авелю и его исторический аналог, т. е. агиографию подвига святых Бориса и Глеба. Критика «основ» братства отчасти зиждется на европейских политико-экономических выводах и аксиомах: формуле Т. Гоббса «Человек человеку волк»

³Философия и основы российской государственности: идейное содержание в современном высшем образовании // Совет ректоров вузов СЗФО: [сайт]. URL: <https://sovetszfo.spbu.ru/meroprijatija-i-novosti/filosofija-i-osnovy-rossijskoj-gosudarstvennosti-idejnoe-soderzhanie-v-sovremennom-vysshem-obrazovanii/> (дата обращения: 10.05.2023).

(лат. Homo homini lupus est) и вытекающем из нее правиле, согласно которому люди выстраивают институт государства только потому, что в противном случае они истребили бы друг друга, и, конечно, «невидимой руке рынка» А. Смита, которая «призывает» всех конкурировать друг с другом и максимизировать свой выигрыш (первая теорема благосостояния) в рамках так называемого минимального государства, т. е. государства, метафорически именуемого «ночным сторожем» (вторая теорема благосостояния). Человеку, как писал А. Смит, свойственно «постоянное и исчезающее стремление улучшить свое положение» [16, с. 350].

Вмешательство в процесс конкуренции и желание «улучшить свое положение» даже с целью более справедливого распределения всегда приводит к замедлению роста общественного блага и к тому, что любое равенство люди быстро разрушат. Дэвид Юм писал: «Сделайте когда-либо имущество равным, и люди, будучи различными по мастерству, прилежанию и трудолюбию, немедленно разрушат это равенство. А если вы воспрепятствуете этим добродетелям, вы доведете общество до величайшей бедности и, вместо того, чтобы предупредить нужду и нищету, сделаете ее неизбежной для всего общества в целом» [17, с. 200].

С гоббсовско-смитовским определением человека условно солидаризируются многие авторитеты от Н. Макиавелли («О людях в целом можно сказать, что они неблагодарны и непостоянны, склонны к лицемерию и обману, что их отпугивает опасность и влечет нажива: пока ты делаешь им добро, они твои всей душой, обещаю ничего для тебя не щадить – ни крови, ни жизни, ни детей, ни имущества, но когда у тебя явится в них нужда, они тотчас от тебя отвернутся» [18, с. 50]) до З. Фрейда («...масса ленива и несознательна, она не любит отказа от инстинктов, а доказательствами ее нельзя убедить в неизбежности этого отказа, и ее индивиды поддерживают друг друга в поощрении собственной разнузданности. Только влиянием образцовых индивидов, признанных ее вождями, можно добиться от нее

работы и самоотверженности, от которых зависит прочность культуры» [19, с. 130]). Нельзя не сказать о модификации классической политэкономической тенденции в рамках экономической теории игр, которая описывает более «человечные кооперативные цели» конкуренции, т. е. продуктивные пути взаимодействия конкурирующих эгоистов, толкающие их к сотрудничеству (равновесие Нэша, «дилемма заключенного»), и абсолютный крен новейшей западной гуманитарной мысли в социологизаторский детерминизм, когда социальное объявляется вольным «конструктом», совершенно свободным от биологического и инстинктивного.

Следовательно, рассматривая феномен братства, мы видим, что его суть как бы преломляется, отражаясь в антропологических модусах «человека экономического», «человека политического», «человека религиозного». Пытаясь найти фундаментальные константы братства, которые беспощадно разрушаются холодной рассудительностью экономического и политического анализа, можно все же указать на те, которые выходят за их пределы: во-первых, это некая трансцендентность по отношению к экономическим реалиям в форме спроса-предложения, покупки-продажи. Иными словами, братство, как и другие рядом положенные феномены, совершает известное «преступление» против рынка, против принципа личного интереса как двигателя развития, а следовательно, и против «фукуямовского» либерально-рыночного «конца истории», хотя бы в той интенции, согласно которой не все можно купить и продать, не все подвержено закону убывающей предельной полезности, спроса и предложения.

Возможны ли братские отношения между народами, городами? Такой вопрос, решенный в рамках «трезвого» политологического анализа, скорее получит отрицательный ответ или вызовет как минимум сочувствующую улыбку реалиста. Братство больших социальных групп или даже институтов часто зависит не только от исторических условий происхождения, взаимодействия, коллективного ответа на цивилизационные вызовы, но и от социально-истори-

ческой памяти, которая поддерживается, живет и транслируется между народами и внутри них. Прерывание исторической памяти лишь у одного поколения (а сделать это эффективно можно только искусственным образом: заменить учебные программы, язык, перевернуть все ценности, культивировать низменные чувства) способно превратить «братьев в волков».

Однако если мы спросим иначе: что будет с многонациональной страной, если она столкнется с сильным внешним противником, не зная никакой конструктивной межнациональной повестки, ориентированной на высокие, но почти неуловимые для прямой регистрации идеалы? Скорее всего, она станет объектом для применения классического принципа: «Разделяй и властвуй».

О трудностях реализации идеи братства и различных форм побратимства говорит легкость, с которой сегодня западные страны в одностороннем порядке прекратили и приостановили побратимские отношения между городами и университетами. Связи, налаживавшиеся несколько десятилетий, были одновременно разорваны или заморожены. Россотрудничество – российское агентство, занимающееся усилением гуманитарного влияния России в мире посредством «Русских домов», столкнулось с беспрецедентным противодействием западных стран.

Все это говорит о том, что публичная и превентивная дипломатия, инструменты мягкой силы находятся под жестким контролем «большой» политики и экономики. На первый взгляд, инструменты публичной дипломатии, особенно такие как побратимство, могут быть легко аннигилированы, однако это только поверхностное мнение, т. к. побратимские связи, особенно между городами, имеют свою уникальную специфику, служат важнейшим инструментом внешней политики государств. В условиях цифровой коммуникации побратимство городов преодолевает новые вызовы и приобретает новые возможности. Важнейшим элементом побратимской коммуникации являются историческая коммеморация и культурная память городов-побратимов, их общие проекты. Парадипломатия и городская дипломатия в конструктивном плане могут быть важным дополнением к проводимой государством ди-

пломатической политике. Понятно, что центр всегда заботится о том, чтобы парадипломатия не подменяла и не искажала «генеральную линию», но все же она несет в себе потенциал прямого сетевого, а не иерархического общения городов и даже регионов, налаживания полиэкранного диалога в экономике, культуре, образовании, поиска консенсуса.

Примечательно, что города-побратимы также стремятся образовывать новые институциональные формы, например Douzelage – ассоциация городов-побратимов, в которую входит по одному городу от каждого государства-члена Европейского Союза.

Охватить размах современных побратимских связей помогают новейшие технологии визуализации данных. Так, например, примечательно исследование, отражающее с помощью графика отношения в сети городов-побратимов [20]. В данном случае был использован так называемый метод Лувена, представляющий собой алгоритм иерархической кластеризации, который обнаруживает сообщества в больших сетях.

Анализируя проблему городов-побратимов, нельзя пройти мимо темы, не касающейся напрямую побратимских связей, однако способной стать поводом к поиску новых возможностей, которые откроются перед побратимской коммуникацией. Речь, конечно, идет о так называемых цифровых двойниках городов [21].

Вопрос их использования в побратимской коммуникации выводит на новый уровень отношения между городами. Вполне возможно, что в будущем некий алгоритм сможет ответить на вопрос эффективности совместности городов на основе схожести их двойников.

Итак, большинство известных семантических свойств понятия «братство», а также коммуникативных характеристик феномена побратимства в наши дни представляют собой того или иного рода новые комбинации смысловых структур социальной самоорганизации, социальных идеалов, извлеченных из предыдущих исторических форм. В этом смысле можно сказать, что феномен братства – именно потому, что он пользуется зачастую традиционным смысло-

вым материалом, – является определенно трехсторонним феноменом: с одной стороны, он выражается в регенерации оснований собственной культуры, с другой – становится способом выстраивания конструктивной международной повестки как с союзниками, так и с противниками, с третьей – оказывается резилиентным ответом на деструктивные инновации, всегда грозящие трансформировать культурно-генетические основания культуры, изменить способ ее социального воспроизводства.

Также следует указать на то, что недостаточно отрефлектированные в социально-философском плане попытки механически приспособить феномен братства ко всему, что может обладать формальной связью, симпатией, временным единением целей и взглядов, способны исказить его сущностное содержание.

Понятно, что опыт побратимских связей, наработанный сегодня в Российской Федерации, как инструмент ее внутренней и внешней политики в условиях защиты когнитивного, технологического, цифрового суверенитета позволит не только продвигать мягкую силу России в мире в отношении и дружественных, и недружественных стран, но и искать полезное приложение побратимской коммуникации в следующих областях: создание «умных городов» в регионах России; продуктивное решение вопроса о поиске кадров для цифровой экономики и привлечении инвестиций за счет увеличения привлекательности культурной и производственной среды; сохранение/умножение человеческого и гуманитарного потенциала в рамках вызовов, идущих от запросов цифровой экономики.

Список литературы

1. Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006. 416 с.
2. Кинаш Ю.С. Роль СМИ и «новых медиа» в современных политических конфликтах: на примере «Арабской весны» и Ливии: дис. ... канд. полит. наук. М., 2017. 169 с.
3. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2018. 285 с.
4. Коноплев Н.С., Лазебный В.А., Кардашевский В.В. Феномен духовной глокализации социума как способ действенного преодоления односторонностей глобалистики. Иркутск: Оттиск, 2016. 199 с.
5. Макулин А.В. Этический калькулятор: от философской «вычислительной морали» к машинной этике искусственных моральных агентов (ИМА) // Общество: философия, история, культура. 2020. № 11(79). С. 18–27. DOI: [10.24158/fik.2020.11.2](https://doi.org/10.24158/fik.2020.11.2)
6. Лобова Т.Г. Братство как концепт // Омск. науч. вестн. 2014. № 2(126). С. 89–93.
7. Беккожин И.А., Фесенко О.П. Концепт «братство» в русской языковой картине мира (по материалам словарей) // Вестн. Омск. православ. дух. семинарии. 2018. № 1(4). С. 141–143.
8. Казначеев С.М. Концепт «братство» как этический завет Достоевского // Уч. зап. Забайкал. гос. у-та. 2014. № 2(55). С. 45–51.
9. Федоров Н.Ф. Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т. е. немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства: записка от неученых к ученым, духовным и светским, к верующим и неверующим. М.: Изд-во АСТ: Хранитель, 2006. 539 с.
10. Неретина С.С. «Братство» Вернадского // Ориентиры... / Рос. акад. наук, Ин-т философии; [отв. ред. Т.Б. Любимова]. Вып. 9. М.: ИФ РАН, 2014. С. 70–82.
11. Тарланов З.К. «Работайте, братья» (о зарождении афоризма как нового языкового факта) // Рус. яз. в шк. 2017. № 1. С. 52–54.
12. Боевое братство народов СССР: Дружба и массовый героизм народов СССР в боях за Сов. Украину в Великой Отечественной войне. Документы и материалы / [сост. В.Н. Немятый и др.]. Киев: Наук. думка, 1984. 455 с.
13. Вдовин А.И. Русская нация в XX веке. Русское, советское, российское в этнополитической истории России. М.: Проспект, 2019. 710 с.
14. Сендеров В.А. От «Всеславянской федерации» к «Русскому миру» // Вопр. философии. 2015. № 3. С. 137–145.
15. Аронсон О.В. Материя мнимостей (набросок к формальному пониманию революции) // Вопр. философии. 2020. № 8. С. 43–53.

16. Чаплыгина И.Г. «Экономический человек» Дж.С. Милля и А. Смита: методологический аспект // Науч. исслед. экон. фак. Электрон. журн. 2015. Т. 7, № 2(16). С. 15–27.
17. Юм Д. Сочинения: в 2 т. Т. 2 / пер. с англ. С.И. Церетели и др.; прим. И.С. Нарского. 2-е изд., доп. и испр. М.: Мысль, 1996. 799 с.
18. Макиавелли Н. Государь. М.: Планета, 1990. 79 с.
19. Фрейд З. Будущее одной иллюзии // Вопр. философии. 1988. № 8. С. 126–161.
20. Kaltenbrunner A., Aragón P., Laniado D., Volkovich Y. Not All Paths Lead to Rome: Analysing the Network of Sister Cities // Self-Organizing Systems. IWSOS 2013. Lecture Notes in Computer Science / ed. by W. Elmenreich, F. Dressler, V. Loreto. Berlin: Springer, 2013. Vol. 8221. P. 151–156. DOI: [10.1007/978-3-642-54140-7_14](https://doi.org/10.1007/978-3-642-54140-7_14)
21. Lehtola V.V., Koeva M., Oude Elberink S., Raposo P., Virtanen J., Vahdatikhaki F., Borsci S. Digital Twin of a City: Review of Technology Serving City Needs // Int. J. Appl. Earth Obs. Geoinformation. 2022. Vol. 114. Art. № 102915. DOI: [10.1016/j.jag.2022.102915](https://doi.org/10.1016/j.jag.2022.102915)

References

1. Rheingold H. *Umnaya tolpa: novaya sotsial'naya revolyutsiya* [Smart Mobs: The Next Social Revolution]. Moscow, 2006. 416 p.
2. Kinash Yu.S. *Rol' SMI i "novykh media" v sovremennykh politicheskikh konfliktakh: na primere "Arabskoy vesny" i Livii* [Role of the Media and New Media in Modern Political Conflicts: Exemplified by the Arab Spring and Libya: Diss.]. Moscow, 2017. 169 p.
3. Schwab K. *The Fourth Industrial Revolution*. Crown Business, 2016 (Russ. ed.: Shvab K. *Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya*. Moscow, 2018. 285 p.).
4. Konoplev N.S., Lazebnyy V.A., Kardashevskiy V.V. *Fenomen dukhovnoy globalizatsii sotsiuma kak sposob deystvennogo preodoleniya odносторонности globalistiki* [The Phenomenon of Spiritual Globalization of Society as a Way to Effectively Overcome the One-Sidedness of Global Studies]. Irkutsk, 2016. 199 p.
5. Makulin A.V. *Eticheskyy kal'kulyator: ot filosofskoy "vychislitel'noy morali" k mashinnoy etike iskusstvennykh moral'nykh agentov (IMA)* [Ethical Calculator: From Philosophical "Computational Morality" to Machine Ethics of Artificial Moral Agents (AMA)]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*, 2020, no. 11, pp. 18–27. DOI: [10.24158/fk.2020.11.2](https://doi.org/10.24158/fk.2020.11.2)
6. Lobova T.G. *Bratstvo kak kontsept* [Brotherhood as a Concept]. *Omskiy nauchnyy vestnik*, 2014, no. 2, pp. 89–93.
7. Bekkozhin I.A., Fesenko O.P. *Kontsept "bratstvo" v russkoy yazykovoy kartine mira (po materialam slovarey)* [The Concept "Brotherhood" in the Russian Language Picture of the World (Based on Dictionaries)]. *Vestnik Omskoy pravoslavnoy dukhovnoy seminarii*, 2018, no. 1, pp. 141–143.
8. Kaznacheev S.M. *Kontsept "bratstvo" kak eticheskyy zavet Dostoevskogo* [The Concept of "Brotherhood" as Dostoyevsky's Ethical Covenant]. *Uchenye zapiski Zabaykalskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, no. 2, pp. 45–51.
9. Fedorov N.F. *Vopros o bratstve, ili rodstve, o prichinakh nebratskogo, nerodstvennogo, t. e. nemirnogo, sostoyaniya mira i o sredstvakh k vosstanovleniyu rodstva: zapiska ot neuchenyykh k uchenym, dukhovnym i svetskim, k veruyushchim i neveruyushchim* [The Question of Brotherhood, or Kinship, and the Causes of the Unbrotherly, Unkindred, That Is Unpeaceful State of the World, and of the Means for the Restoration of Kinship]. Moscow, 2006. 539 p.
10. Neretina S.S. *"Bratstvo" Vernadskogo* [Vernadsky's Brotherhood]. Lyubimova T.B. (ed.). *Orientyry... [Landmarks...]*. Iss. 9. Moscow, 2014, pp. 70–82.
11. Tarlanov Z.K. *"Rabotayte, brat'ya" (o zarozhdenii aforizma kak novogo yazykovogo fakta)* ["Work, Brothers!" (on the Origin of the Aphorism as a New Linguistic Fact)]. *Russkiy yazyk v shkole*, 2017, no. 1, pp. 52–54.
12. Nemyatyy V.N. et al. (comps.). *Boevoye bratstvo narodov SSSR: Druzhba i massovyy geroizm narodov SSSR v boyakh za Sovetskuyu Ukrainu v Velikoy Otechestvennoy voyne* [Brotherhood-in-Arms of the Peoples of the USSR: Friendship and Mass Heroism of the Peoples of the USSR in the Battles for Soviet Ukraine During the Great Patriotic War]. Kiev, 1984. 455 p.
13. Vdovin A.I. *Russkaya natsiya v XX veke. Russkoe, sovetskoe, rossiyskoe v etnopoliticheskoy istorii Rossii* [The Russian Nation in the 20th Century. The Russian and the Soviet in Russia's Ethnopolitical History]. Moscow, 2019. 710 p.
14. Senderov V.A. *От "Vseslavianskoy federatsii" k "Russkomu miru"* [From the "All-Slavic Federation" to the "Russian World"]. *Voprosy filosofii*, 2015, no. 3, pp. 137–145.
15. Aronson O.V. *Imaginary Matter (The Sketch to Formal Understanding of Revolution)*. *Voprosy filosofii*, 2020, no. 8, pp. 43–53 (in Russ.).
16. Chaplygina I.G. *"Ekonomicheskiy chelovek" Dzh.S. Millya i A. Smita: metodologicheskyy aspekt* ["Economic Man" of J.S. Mill and A. Smith: Methodological Aspects of the Conceptions]. *Nauchnye issledovaniya ekonomicheskogo fakul'teta. Elektronnyy zhurnal*, 2015, vol. 7, no. 2, pp. 15–27.

17. Hume D. *Sochineniya* [Works]. Vol. 2. Moscow, 1996. 799 p.
 18. Machiavelli N. *Gosudar'* [The Prince]. Moscow, 1990. 79 p.
 19. Freud S. Budushchee odnoy illyuzii [The Future of an Illusion]. *Voprosy filosofii*, 1988, no. 8, pp. 126–161.
 20. Kaltenbrunner A., Aragón P., Laniado D., Volkovich Y. Not All Paths Lead to Rome: Analysing the Network of Sister Cities. Elmenreich W., Dressler F., Loreto V. (eds.). *Self-Organizing Systems. IWSOS 2013. Lecture Notes in Computer Science*. Vol. 8221. Berlin, 2013, pp. 151–156. DOI: [10.1007/978-3-642-54140-7_14](https://doi.org/10.1007/978-3-642-54140-7_14)
 21. Lehtola V.V., Koeva M., Oude Elberink S., Raposo P., Virtanen J.-P., Vahdatikhaki F., Borsci S. Digital Twin of a City: Review of Technology Serving City Needs. *Int. J. Appl. Earth Obs. Geoinformation*, 2022, vol. 114. Art. no. 102915. DOI: [10.1016/j.jag.2022.102915](https://doi.org/10.1016/j.jag.2022.102915)

DOI: 10.37482/2687-1505-V297

Artem V. Makulin Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov;
nab. Severnoy Dviny 17, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation;ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7028-9650> e-mail: a.makulin@narfu.ru**Nikita R. Kaziev**Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov;
nab. Severnoy Dviny 17, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation;ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7389-4311> e-mail: nikitakaziev@gmail.com

THE PHENOMENOLOGY OF BROTHERHOOD AND TOWN TWINNING: FROM PARADIPLMACY TO DIGITAL TWIN CITIES

This article studies the nature of the phenomenon of twin town relations through the semantic analysis of the concept of brotherhood and comparison of antagonistic views on this phenomenon: on the one hand, as a deep foundation of cooperation and, on the other, as an ideologeme and “social imaginaries”. The results of the study show that in the era of universal smartization brotherhood can be achieved by means of digital twin technologies and big data analysis. Moreover, the article points out that the transcendental goals of this phenomenon are permanent and allow us to overcome the civilizational challenges that threaten to fragment the cultural-genetic foundations of Russia. The growing interest in the problem of brotherhood indicates increasing contradictions between the expectations of market-liberal declarations and transformations on the one hand, and Russia’s real place in the international arena on the other. Further, the article attempts to overcome the view on the phenomenon of brotherhood as an ideologeme, “social imaginaries” and a political cliché. The problem of the social ideal, exemplified by brotherhood, is solved by identifying in the latter the transcendental foundations necessary for the reproduction of Russia’s cultural competitive strategies in a globalizing world. The probabilistic result of the development of town twinning is considered to be the most important element of paradiplomacy, which makes a significant contribution to Russia’s international diplomatic agenda and to the improvement of its soft power mechanisms. The primary purpose of this paper is a socio-philosophical study of the fundamental foundations of the phenomena of brotherhood and town twinning. The research methodology is based on the ideas and principles of historicism, comprehensiveness and integrated approach. The article concludes by outlining possible ways of developing the practice of town twinning in the conditions of international tension and sanctions policy of Western countries.

Keywords: town twinning, paradiplomacy, brotherhood, digital twin, soft power, urban diplomacy.

Поступила 15.05.2023
 Принята 12.10.2023
 Опубликовано 30.10.2023

Received 15 May 2023
 Accepted 12 October 2023
 Published 30 October 2023

For citation: Makulin A.V., Kaziev N.R. The Phenomenology of Brotherhood and Town Twinning: From Paradiplomacy to Digital Twin Cities. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 5, pp. 114–121. DOI: 10.37482/2687-1505-V297

УДК 101.1:316

DOI: 10.37482/2687-1505-V295

КРАЙНОВ Андрей Леонидович, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры «Социально-гуманитарные науки» Саратовского государственного университета генетики, биотехнологии и инженерии имени Н.И. Вавилова. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч. одной монографии*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2129-0065>

НОМО DIGITALS КАК ПРОДУКТ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Цифровизация, охватившая все сферы жизнедеятельности человека, целенаправленно создает Homo Digitalis – человека цифрового. Его бытие будет одновременно и неразрывно протекать в обычном и цифровом мирах с помощью технологий дополненной и виртуальной реальности. Homo Digitalis может иметь имплантированный чип в головном мозге для постоянной связи с цифровой средой своего обитания, более того, он может существовать полностью в оцифрованном виде в цифровой вселенной. Главная проблема, которая требует философского анализа, – это целесообразность создания Homo Digitalis. Основным вопросом, на который следует ответить: «Когда нужно остановиться?» Безусловно, цифровизация является благом для развития общества, а многие ее процессы прочно укоренились в социальной практике. Нужно ли менять статус данного процесса с инструментального (вспомогательного) на онтологический (сущностный)? Эксперименты по оцифровке человеческого сознания, созданию метавселенной, проекты «Нейронет» и «Университет 4.0», а также «Индустрия 4.0» активно способствуют переводу цифровых технологий из статуса помощника человека в статус его эссенциальной составляющей. На этапе разработки цифровой модели общества еще трудно предсказать все ее негативные стороны, тем не менее, основываясь на существующих рисках в сфере цифровизации, можно предположить, что данная инновация изначально представляет угрозу для человечества. К наиболее вероятным рискам, с которыми столкнется Homo Digitalis, можно отнести утрату личного деперсонализацию, высокую подверженность суггестии, утрату личного пространства и экономической независимости. В связи с этим следует критично относиться к тотальной цифровизации и вовремя остановить ее рост.

Ключевые слова: цифровизация, Homo Digitalis, цифровой человек, цифровая культура, цифровое общество, цифровые риски, цифровая безопасность.

*Адрес: 410012, г. Саратов, просп. им. Петра Столыпина, зд. 4, стр. 3; e-mail: krainoval@sgau.ru

Для цитирования: Крайнов А.Л. Homo Digitalis как продукт цифровизации // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 5. С. 122–129. DOI: 10.37482/2687-1505-V295

Понятие «Homo Digitalis» (иногда употребляется «Homo Digitalis») только начинает входить в профессиональный научный дискурс. Под ним понимается человек цифровой как особая ступень развития человечества, продукт глобальной цифровизации общества. При этом еще до конца не ясно, что входит в данное понятие: умение работать со всеми цифровыми устройствами и сетями, интегрированность на киберфизическом уровне с искусственным интеллектом или подавленность естественной природы человека продуктами цифровой техносферы.

Рассматриваемая проблема чрезвычайно актуальна, что объясняется неуклонным движением мирового сообщества в сторону Четвертой промышленной революции, или «Индустрии 4.0», что подразумевает под собой цифровизацию всех сфер общественной жизни. В 2021 году Правительство Российской Федерации (РФ) и Всемирный экономический форум (ВЭФ) подписали меморандум о создании Центра четвертой промышленной революции в России¹. Он предполагает планомерное внедрение систем искусственного интеллекта в повседневную жизнь человека вплоть до имплантации чипов в головной мозг (проект Национальной технологической инициативы «Нейронет-2035»)². В связи с этим возрастают всевозможные риски как для Homo Digitalis, так и для общества в целом, т. к. границы цифровизации не определены, а последствия в полном объеме еще не спрогнозированы.

Цель данной статьи – проанализировать феномен Homo Digitalis, определить условия, необходимые для его актуализации.

Объект исследования – Homo Digitalis, или цифровой человек, как продукт цифрового общества и цифровой культуры.

Задачи:

– выявить различные подходы к определению Homo Digitalis;

– показать взаимосвязь между развитием цифровизации и появлением Homo Digitalis;

– спрогнозировать перспективы дальнейшего развития Homo Digitalis.

Следует отметить, что понятие «Homo Digitalis» в большей степени является продуктом российского научного сообщества и в зарубежной литературе практически отсутствует. В англоязычных исследованиях по цифровому обществу и цифровизации в основном употребляется термин «Digital Human Being» [1, с. 157], который имеет те же смыслы.

Можно выделить три подхода к определению феномена Homo Digitalis в работах российских и зарубежных ученых. Первый из них рассматривает процесс цифровизации через призму технопессимизма, подчеркивая различные угрозы для человечества, возникающие вследствие развития цифровых технологий, а самого человека считает придатком цифровой техники, лишенным воли и права на независимость. По мнению А.С. Некрасова, цифровой человек – это индивид, не просто способный работать на компьютере, но поработанный цифровыми технологиями: глобальной телекоммуникационной сетью интернет, социальными сетями и гаджетами, обслуживающий информационные потоки в ущерб своему развитию [2, с. 5]. В этом же ключе проблему цифрового человека рассматривает и Аманда Кларк, подчеркивая ценность аналоговой библиотеки в эпоху цифровизации как места, где человек может остаться человеком и избежать оцифровки [3, с. 73].

Второй подход определяет Homo Digitalis как человека, существующего в цифровой среде и умеющего свободно обращаться с цифровыми технологиями. Следует отметить, что в рамках данного подхода нет четкого разделения цифрового общества и информационного. Его корни уходят к концептам «информационное общество» и «цифровая экономика».

¹Кабмин и ВЭФ подписали меморандум о создании Центра четвертой промышленной революции // Tass.ru. 2023, 13 окт. URL: <https://tass.ru/ekonomika/12653771> (дата обращения: 10.05.2023).

²Нейронет // Национальная технологическая инициатива: [сайт]. URL: <https://nti2035.ru/markets/mneuronet> (дата обращения: 10.05.2023).

Под первым понимается общество, все коммуникационные процессы в котором преимущественно осуществляются с помощью сети интернет, а под вторым – использование различных цифровых гаджетов и технологий для решения экономических задач [4, с. 52]. Таким образом, Homo Digitalis в рамках данного подхода – это человек, владеющий цифровыми технологиями и техникой и использующий их в своей повседневной жизни. Согласно Марии Култаевой, дигитальная культура является новым уровнем развития массовой культуры индустриального общества, а Homo Digitalis есть ее естественный продукт [5, с. 8].

Третий подход определяет Homo Digitalis как человека, интегрированного в цифровую среду на киберфизическом уровне. Цифровой человек – это не просто человек умелый в области цифровых технологий, но неразрывно связанный с ними посредством чипирования, дополненной и виртуальной реальностей и других способов. Настоящий технооптимистический подход к проблеме Homo Digitalis непосредственно связан с основными идеями Четвертой промышленной революции, одна из которых заключается в оцифровке сознания человека и реализации посредством этого технологического бессмертия. Представителями данного подхода являются также трансгуманисты и постгуманисты, рассматривающие цифровое бессмертие в качестве альтернативы загробной жизни [6, с. 12]. Причем речь идет не об увековечении аккаунта человека в социальной сети после его смерти, хотя данная тема весьма актуальна сегодня, а об его оцифровке в прямом смысле этого слова. По мнению Майкла Грациана, для этого нужно отсканировать человеческий мозг и перенести цифровое сознание в виртуальную реальность³.

Сравнивая данные подходы, логично отстраниться от крайностей и отдать предпочтение второму, определяющему Homo Digitalis

как человека, свободно владеющего цифровыми технологиями. Для обоснования данной позиции обратимся к истокам цифровизации, которые коренятся в постиндустриальном/информационном обществе и информационной культуре. «Третью волну» Э. Тоффлера, постиндустриальное общество Д. Белла и информационное общество М. Кастельса наряду с ключевой ролью информации в них объединяет Третья промышленная революция, плодами которой стали цифровые технологии: электроника, компьютеры и телекоммуникация, в частности интернет.

На заре развития информационного общества еще никто четко не различал между информационной и цифровой культуру, информационные и цифровые технологии, информационное и цифровое общество, употребляя данные понятия произвольно и как синонимы. Это было обусловлено повсеместным использованием аналоговых технологий для работы с цифровой информацией, отсутствием нейросетей, интернета вещей и «умной пыли». Сегодня общество переживает Четвертую промышленную революцию, в основе которой лежит глобальное применение технологий искусственного интеллекта во всех сферах общественной жизни. Это принципиально иной – цифровой уровень информатизации. По мнению М.Ю. Захарова, цифровая культура является следующим этапом развития информационной культуры [7, с. 203], а не каким-то особым образованием. Исходя из этого, при анализе проблем информатизации в научном дискурсе целесообразно употреблять понятия цифрового общества, цифровой культуры и цифрового человека (Homo Digitalis).

На фоне стремительного формирования цифрового общества интересным представляется изучение перспектив дальнейшего развития Homo Digitalis. Для этого определим основные направления и тренды цифровизации. К ним можно отнести:

³Андреева А. Цифровое бессмертие: есть ли жизнь после смерти в компьютере // РБК.ru. 2021, 26 апр. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/futurology/5e2825d29a7947f9fc755f87> (дата обращения: 10.05.2023).

– развитие и распространение камер, распознающих человека по лицу и форме черепа, определяющих его речевой профиль и психоэмоциональное состояние по движению губ и лицевых мышц;

– увеличение доли интернета вещей в личном пространстве человека;

– создание и постоянное совершенствование метавселенных, а также технологий дополненной и виртуальной реальностей;

– создание «умной пыли»;

– совершенствование систем искусственного интеллекта и нейросетей, в частности сети ChatGPT;

– внедрение систем искусственного интеллекта во все сферы общественной жизни;

– оцифровка человеческого сознания, создание цифровых двойников человека – аватаров;

– создание Нейронета с помощью чипирования головного мозга человека;

– перевод всего документооборота в цифровой формат, увеличение доли цифровых трудовых книжек, паспортов, прочих документов;

– введение цифровой валюты и отказ от наличных и безналичных денег.

Следствиями данных тенденций становятся исчезновение личного пространства человека и насаждение цифрового тоталитаризма, с одной стороны, и возрастание безработицы – с другой. Это самые реальные и большие риски цифровизации, с которыми Homo Digitalis сталкивается. Не секрет, что все цифровые устройства и приложения непрерывно отсылают информацию о своей работе и всех наших манипуляциях с ними, будь то поисковый запрос или очередность набора кнопок, в компанию-разработчика. Благодаря этому различные заинтересованные структуры получают снимки нашего окружения, аудиозаписи наших разговоров, данные геолокации и прочую конфиденциальную информацию. Стремительное разви-

тие интернета вещей способствует усилению шпионажа умных гаджетов за человеком в геометрической прогрессии⁴.

Апогеем вторжения в личное пространство человека на данный момент является институционализация системы создания его цифрового портрета (кибер-ДНК, цифровой след, цифровой профиль). Оно осуществляется посредством внедрения миллионов камер распознавания лиц, цифрового паспорта, цифровой трудовой книжки, цифровых денег и прочих элементов цифрового контроля. Например, китайская система социального кредита, выстроенная на принципе тотального наблюдения за человеком, формирует его цифровой портрет, хранящий все его «добрые» и «злые» дела. Если поведение человека соответствует норме, то он увеличивает количество кредитных баллов и получает от государства приятные бонусы в виде скидок, повышений по службе, дополнительных возможностей и т. п. Если же цифровой портрет человека ниже нормы, то он лишается многих преимуществ и, в конце концов, должен изменить свое мировоззрение и начать исправляться, в противном случае его мечты о хорошей жизни никогда не реализуются [8, с. 423–424].

По мнению Е.В. Листвиной, создание цифровых следов человека приводит к появлению нового пласта социокультурного пространства, для которого характерны качественно иные формы социального бытия [9, с. 17]. Назовем данную трансформацию «от Homo Digitalis к Homo Digitized», что означает «от человека цифрового к человеку оцифрованному». Сегодня цифровой след индивида начинает представлять большую ценность для общества, нежели он сам. Это проявляется в следующих тенденциях:

– обязательная регистрация человека в социальных сетях и мессенджерах для осуществления профессиональной деятельности. В Соединенных Штатах Америки, например, работодатели будут

⁴Вне подозрений только утюги: как за нами шпионят наши же смартфоны, фитнес-браслеты и даже пылесосы // Комсомол. правда. 2023. 10 апр. URL: <https://www.krsk.kp.ru/daily/27488/4745793/> (дата обращения: 10.05.2023).

очень настороженно относиться к лицу, не зарегистрированному ни в одной социальной сети, также для получения визы обязательно нужно предоставить информацию о пятилетней активности в социальных сетях⁵. В России таких жестких требований нет, но практически каждая организация имеет свою страницу во «ВКонтакте» и требует от персонала присутствия на этой площадке для корпоративного общения и продвижения своих товаров и услуг;

– обязательное присутствие в корпоративных цифровых средах (например, «Электронно-информационная образовательная среда» и «Битрикс24»);

– ненавязчивое, но постоянное подталкивание человека к использованию цифровой биометрии, электронной коммерции, цифровых денег. Банки и кредитные организации увещивают, что только цифровая биометрия надежно защитит аккаунт, пользование общественным транспортом стоит дешевле при оплате картой;

– обязательное использование во многих организациях электронных и цифровых пропусков. Это весьма существенный шаг к торжеству цифрового тоталитаризма: не удастся позже прийти и раньше уйти с работы и устроить себе внеурочный перерыв.

Особо следует сказать об оцифровке человека в сфере образования, которая связана с масштабным внедрением в образовательный процесс цифровых технологий (EdTech) и, согласно М.Р. Арпентьевой, заменит человеческие отношения в школах и вузах на китайскую модель системы социального кредита, т. е. тотальную слежку, в рамках которой приоритет будет отдан не качеству образования, а качеству цифрового следа преподавателя/обучающегося [10, с. 19]. Если их цифровой след будет соответствовать неким стандартам, т. е. иметь персональную ориентацию (отвечающую за-

просам заказчика: банка, работодателя, инвестора и т. п.), следовательно, они эффективны и смогут дальше продолжить работать и учиться, в противном случае им надо менять место работы/учебы. Реализуемая сегодня в России образовательная программа «Университет 4.0» предполагает полную цифровизацию высших учебных заведений, при этом основой всех коммуникационных процессов в них становится искусственный интеллект, он будет оценивать эффективность участников коммуникации [11, с. 173–175].

Прослеживаемая интеграция искусственного интеллекта со всеми цифровыми устройствами и человеком (в рамках проекта «Web 4.0» или «Нейронет» предусмотрено чипирование головного мозга с целью соединения его с интернетом и искусственным интеллектом) [12, с. 26] не может не вызывать беспокойства. Т.Н. Юдина отмечает, что в данном процессе человеческое сознание подвергается реформатированию, т. к. находится под постоянным воздействием искусственного интеллекта [13, с. 71]. Следствием этого станут утрата человеком его личности, создание коллективного разума, а также полностью контролируемого разума, т. к. все мыслительные процессы будут доступны нейросетям под управлением виртуального супермозга.

Для предотвращения данной угрозы пока напрашивается одно решение – приостановить совершенствование искусственного интеллекта и отказаться от его интеграции с человеческим сознанием. Этого требует этика социальной ответственности ученого, которой всегда жертвуют ради научно-технического прогресса. В поддержку данной инициативы выступил в апреле 2023 года Илон Маск⁶, а в середине XX века к этому призывал Жак Эллиоль. Homo Digitalis – хозяин положения и цифровых технологий, а

⁵Trump Administration to Ask Most US Visa Applicants for Social Media Information. URL: <https://thehill.com/hilltv/rising/446336-trump-admin-to-ask-most-us-visa-applicants-for-social-media-information/?mnd=1559316643> (дата обращения: 10.05.2023).

⁶Илон Маск призвал приостановить разработку и обучение нейросетей // РБК.ru. 2023, 29 марта. URL: <https://www.rbc.ru/life/news/6424457c9a7947ebec7f7534> (дата обращения: 03.04.2023).

Homo Digitized – их раб. Оцифрованный человек не может быть самостоятельным, он является слугой цифровых технологий и искусственного интеллекта в частности.

Анализ показал, что феномен Homo Digitals неразрывно связан с развитием цифрового этапа информационного общества. На данный момент в научной среде еще нет четкого разграничения информационного общества и цифрового. Доля Homo Digitals среди всего человечества будет зависеть от дальнейшего развития цифровизации.

Любой свободно владеющий информационными технологиями человек является Homo

Digitals. Данное понятие нейтрально по отношению к технооптимизму и технопессимизму и не подразумевает под собой позитивных или негативных подтекстов.

В процессе развития цифровизации индивид превращается из субъекта цифровизации в ее объект. Homo Digitals становится Homo Digitized – человеком оцифрованным. Данная тенденция весьма опасна, т. к. прогнозируемое сращивание человека с искусственным интеллектом лишит первого индивидуальности, приведет к его деперсонализации. Важно вовремя остановиться, чтобы безудержный рост цифровизации не вышел из-под контроля.

Список литературы

1. *Roessler B.* Mark of the Human: On the Concept of the Digital Human Being // EDPL. 2021. Vol. 7, № 2. P. 157–160. DOI: [10.21552/edpl/2021/2/5](https://doi.org/10.21552/edpl/2021/2/5)
2. *Некрасов А.С., Некрасов С.И., Некрасова Н.А., Клепацкий В.В.* От «человека информационного» к «человеку цифровому» // Вестн. Ун-та Рос. акад. образования. 2019. № 3. С. 4–10.
3. *Clark A.C.R.* Library as Place: Being Human in a Digital World // Christ. Librar. 2014. Vol. 57, № 1. Art. № 7. DOI: [10.55221/2572-7478.1438](https://doi.org/10.55221/2572-7478.1438)
4. *Бикмуллин А.* Цифровая экономика как инструмент социального развития российского общества // Регион. экон. журн. 2018. № 3-4(23-24). С. 52–54.
5. *Култасева М.* Homo digitalis, дигітальна культура і дигітальна освіта: філософсько-антропологічні і філософсько-освітні розвідки // Філософія освіти. Philosophy of Education. 2020. Т. 26, № 1. С. 8–36. DOI: [10.31874/2309-1606-2020-26-1-1](https://doi.org/10.31874/2309-1606-2020-26-1-1)
6. *Спирова Э.М.* Апофеоз безличного в цифровой реальности // Вестн. Вят. гос. ун-та. 2020. № 2(136). С. 7–16. DOI: [10.25730/VSU.7606.20.019](https://doi.org/10.25730/VSU.7606.20.019)
7. *Захаров М.Ю., Старовойтова И.Е., Шишкова А.В.* Цифровая культура – исторический этап развития информационной культуры общества // Вестн. ун-та. 2020. № 5. С. 200–205. DOI: [10.26425/1816-4277-2020-5-200-205](https://doi.org/10.26425/1816-4277-2020-5-200-205)
8. *Науменко Т.В., Секретарева К.Н.* Китайская система социального кредита: антиутопия или фактор общественного благополучия? // Журн. исслед. соц. политики. 2022. Т. 20, № 3. С. 419–432. DOI: [10.17323/727-0634-2022-20-3-419-432](https://doi.org/10.17323/727-0634-2022-20-3-419-432)
9. *Листвина Е.В.* Цифровое общество: социокультурный анализ цифрового следа // Аспирант. вестн. Поволжья. 2020. № 7-8. С. 14–18. DOI: [10.17816/2072-2354.2020.20.4.14-18](https://doi.org/10.17816/2072-2354.2020.20.4.14-18)
10. *Арпентьева М.Р.* Цифровизация системы образования: опасный шаг к «системе социального кредита» // Модернизация российского общества: стратегии управления, вопросы правоприменения и подготовки кадров: материалы XX Всерос. науч. конф. (нац. с междунар. участием), 19–20 апреля 2019 г. Таганрог: Таганрог. ин-т управления и экономики, 2019. С. 16–21.
11. *Фадеев А.С., Змеев О.А., Газизов Т.Т.* Модель университета 4.0 // Науч.-пед. обозрение. Pedagogical Review. 2020. № 2(30). С. 172–178. DOI: [10.23951/2307-6127-2020-2-172-178](https://doi.org/10.23951/2307-6127-2020-2-172-178)
12. *Дятлов С.А.* Искусственный интеллект как институт развития цифровой нейро-сетевой экономики // Изв. С.-Петербур. гос. экон. ун-та. 2021. № 2(128). С. 25–29.
13. *Юдина Т.Н.* От «цифровой экономики» к «коронаэкономике» в эпоху глобальной турбулентности (как реальный мир-хозяйство превращают в виртуальный, а человечество переформатируют) // Теорет. экономика. 2020. № 5. С. 68–79.

References

1. Roessler B. Mark of the Human: On the Concept of the Digital Human Being. *EDPL*, 2021, vol. 7, no. 2, pp. 157–160. DOI: [10.21552/edpl/2021/2/5](https://doi.org/10.21552/edpl/2021/2/5)
2. Nekrasov A.S., Nekrasov S.I., Nekrasova N.A., Klepatskiy V.V. Ot “cheloveka informatsionnogo” k “cheloveku tsifrovomu” [From the “Information Man” to the “Digital Man”]. *Vestnik Universiteta Rossiyskoy akademii obrazovaniya*, 2019, no. 3, pp. 4–10.
3. Clark A.C.R. Library as Place: Being Human in a Digital World. *Christ. Libr.*, 2014, vol. 57, no. 1. Art. no. 7. DOI: [10.55221/2572-7478.1438](https://doi.org/10.55221/2572-7478.1438)
4. Bikmullin A. Tsifrovaya ekonomika kak instrument sotsial'nogo razvitiya rossiyskogo obshchestva [Digital Economy as a Tool for the Social Development of Russian Society]. *Regional'nyy ekonomicheskyy zhurnal*, 2018, no. 3–4, pp. 52–54.
5. Kul'taeva M. Homo Digitalis, Digital Culture and Digital Education: Explorations of Philosophical Anthropology and of Philosophy of Education. *Philos. Educ.*, 2020, vol. 26, no. 1, pp. 8–36. DOI: [10.31874/2309-1606-2020-26-1-1](https://doi.org/10.31874/2309-1606-2020-26-1-1)
6. Spirova E.M. Apofeoz bezlichnogo v tsifrovoy real'nosti [Apotheosis of the Impersonal in Digital Reality]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, no. 2, pp. 7–16. DOI: [10.25730/VSU.7606.20.019](https://doi.org/10.25730/VSU.7606.20.019)
7. Zakharov M. Yu., Starovoytova I.E., Shishkova A.V. Digital Culture – a Historical Stage in the Development of the Information Culture of Society. *Vestnik universiteta*, 2020, no. 5, pp. 200–205 (in Russ.). DOI: [10.26425/1816-4277-2020-5-200-205](https://doi.org/10.26425/1816-4277-2020-5-200-205)
8. Naumenko T.V., Sekretareva K.N. Kitayskaya sistema sotsial'nogo kredita: antiutopiya ili faktor obshchestvennogo blagopoluchiya? [China's Social Credit System: Dystopia or Public Welfare Factor?]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*, 2022, vol. 20, no. 3, pp. 419–432. DOI: [10.17323/727-0634-2022-20-3-419-432](https://doi.org/10.17323/727-0634-2022-20-3-419-432)
9. Listvina E.V. Digital Society: A Sociocultural Analysis of the Digital Footprint. *Aspirantskiy vestnik Povolzh'ya*, 2020, no. 7–8, pp. 14–18 (in Russ.). DOI: [10.17816/2072-2354.2020.20.4.14-18](https://doi.org/10.17816/2072-2354.2020.20.4.14-18)
10. Arpent'eva M.R. Tsifrovizatsiya sistemy obrazovaniya: opasnyy shag k “sisteme sotsial'nogo kredita” [Digitalization of the Educational System: A Dangerous Step Towards a Social Credit System]. *Modernizatsiya rossiyskogo obshchestva: strategii upravleniya, voprosy pravoprimereniya i podgotovki kadrov* [Modernization of Russian Society: Management Strategies, Issues of Law Enforcement and Personnel Training]. Taganrog, 2019, pp. 16–21.
11. Fadeev A.S., Zmeev O.A., Gazizov T.T. Model' universiteta 4.0 [University Model 4.0]. *Pedagog. Rev.*, 2020, no. 2, pp. 172–178. DOI: [10.23951/2307-6127-2020-2-172-178](https://doi.org/10.23951/2307-6127-2020-2-172-178)
12. Dyatlov S.A. Iskusstvennyy intellekt kak institut razvitiya tsifrovoy neyro-setevoy ekonomiki [Artificial Intelligence as an Institute for the Development of the Digital Neural Network Economy]. *Izvestiya Sanki-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, 2021, no. 2, pp. 25–29.
13. Yudina T.N. Ot “tsifrovoy ekonomiki” k “koronaekonomike” v epokhu global'noy turbulentsii (kak real'nyy mir-khozyaystvo prevrashchayut v virtual'nyy, a chelovechestvo pereformatiruyut) [From the “Digital Economy” to the “Corona Economy” in an Era of Global Turbulence (How the Real World Is Turned into Virtual and Humanity Is Reformatted)]. *Teoreticheskaya ekonomika*, 2020, no. 5, pp. 68–79.

DOI: 10.37482/2687-1505-V295

Andrey L. Kraynov

Saratov State University of Genetics, Biotechnology and Engineering named after N.I. Vavilov;
prosp. im. Petra Stolypina 4, str. 3, Saratov, 410012, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2129-0065> e-mail: krainoval@sgau.ru

DIGITAL HUMAN BEING AS A PRODUCT OF DIGITALIZATION

Digitalization, which has penetrated all spheres of human activity, is purposefully creating a digital human being, who will be existing simultaneously and inseparably in the ordinary and digital worlds with the help of augmented and virtual reality technologies. Digital human beings can have a chip

For citation: Kraynov A.L. Digital Human Being as a Product of Digitalization. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 5, pp. 122–129. DOI: 10.37482/2687-1505-V295

implanted in the brain to be in constant communication with the digital environment; moreover, they can exist in a completely digitized form in a digital universe. The key issue that requires philosophical analysis is the expediency of creating a digital human being. The main question to be answered is “When should we stop?”. Undoubtedly, digitalization is a boon for the development of society, and many of its processes are firmly rooted in social practice. Is it necessary to change the status of this process from instrumental (auxiliary) to ontological (essential)? Experiments on the digitization of human consciousness, creation of a metauniverse, and such projects as Neuronet and University 4.0, as well as Industry 4.0 actively contribute to changing the status of digital technologies from human assistant to essential component of humans. At the stage of developing a digital model of society, it is still difficult to predict all its negative aspects. However, based on the existing risks in the field of digitalization, it can be assumed that this innovation initially poses a threat to humanity. The most likely risks that digital humans will face include depersonalization and high exposure to suggestion as well as loss of personal space and economic independence. In this regard, one should be critical of total digitalization and stop its advancement in time.

Keywords: *digitalization, digital human being, digital person, digital culture, digital society, digital risks, digital security.*

Поступила 09.05.2023
Принята 19.09.2023
Опубликована 30.10.2023

Received 9 May 2023
Accepted 19 September 2023
Published 30 October 2023

УДК 1.116+124.3+124.5+93/94

DOI: 10.37482/2687-1505-V300

ШПЕКА Константин Александрович, кандидат философских наук, доцент кафедры истории, экономики и права Уральского государственного медицинского университета (г. Екатеринбург). Автор 30 научных публикаций*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0347-3183>

ПРОГРЕСС ВО ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ. ТАК БЫЛ ЛИ МАЛЬЧИК?

Статья посвящена рассмотрению содержания понятия прогресса в связи с появлением негативного отношения к нему в научной печати. Анализ осуществлен при сопоставлении данного понятия с концепциями эволюции, практики, познания, развития, личности. Автор воспроизводит традиционный критерий прогресса – свободу, но рассматривает его в двух аспектах: научно-техническом и моральном, основывая свои рассуждения на идее бесконечности исторического процесса в связи с непрерывностью практической преобразовательной деятельности человека. Наглядно доказывается наличие во всемирной истории поступательного развития в данных аспектах, обращается внимание на отчетливые изменения техногенной среды, а также моральных норм в различных, исторически обусловленных культурах. При этом автор вскрывает диалектический характер морального прогресса, обосновывая тем самым принципиальную невозможность абсолютной моральности в истории. Вместе с тем упомянутое положение трактуется в качестве основания для опредмечивания труда не только в материальной природе, но и в сфере морали. Борьба добра со злом – бесконечное осуществление трудовой деятельности, направленное на преодоление эгоцентрических стремлений. В статье выявлены причины негативного отношения к прогрессу, которые автор видит, во-первых, в теоретическом разрыве научно-технического и морального прогресса вопреки их диалектическому рассмотрению, а во-вторых, в неоправданном применении к понятию прогресса телеологического принципа, который находится в оппозиции к явлениям научно-технического прогресса и диалектическому единству добра и зла. В результате делается вывод о прогрессивности всемирной истории и ее имманентной незавершенности, а следовательно, незавершенности прогресса. Это является основанием неосуществимости абсолютной свободы в истории.

Ключевые слова: прогресс, свобода, абсолютность, практика, пессимизм, ценности, всемирная история.

---

*Адрес: 620028, г. Екатеринбург, ул. Репина, д. 3; e-mail: kshpeka@mail.ru

Для цитирования: Шпека К.А. Прогресс во всемирной истории. Так был ли мальчик? // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 5. С. 130–140. DOI: 10.37482/2687-1505-V300

Пожалуй, ключевым значением для осмысления всемирного исторического процесса обладает понятие прогресса. В ходе мировой истории и, соответственно, ее осмысления оценка методологической ценности этого понятия не раз менялась, переходя от высокой к крайне низкой. Сама идея прогресса применительно к анализу исторического процесса появилась, как известно, в Новое время и к началу эпохи Просвещения стала настолько обыденной, что истинность ее не подвергалась сомнению. Нет смысла приводить всем известные взгляды просветителей на историю и их классификации, достаточно сказать, что прогресс в то время связывался прежде всего с «просветлением» человеческого разума, а критерием этого считалась степень свободы, которая трактовалась порой очень широко, вопреки Спинозианскому пониманию свободы как осознанной необходимости, т. е. способности к осмысленному волевому действию, основанному на истинном знании об окружающем мире и господствующей в нем причинно-следственной связи: «Воля не может быть названа причиной свободной, но только необходимой» [1, с. 226]. Правда, иногда были очевидны и теоретические крайности при определении границ свободы. Например, Ж.-Ж. Руссо являлся сторонником максимального снижения нормативности в процессе воспитания человека, т. к. предписания цивилизованного общества подавляют заложенное в нем природой стремление к свободному развитию. Но, пожалуй, самыми радикальными в данном случае можно считать взгляды Прудона, когда уже и государство как внешняя необходимость (аппарат управления общественными отношениями, опирающийся на легальное принуждение) трактуется в качестве противоестественного механизма порабощения человеческой свободы, что приводит к его испорченности. Хотя уже в Новое время существовали более рациональные варианты теоретических построений, опредметивших свободу в соотношении с политической жизнью социума в качестве познавательной проблемы. Достаточно упомянуть взгляды Гоббса

на государство как третью сторону, чьей задачей является установление рамок дозволенного поведения с целью защиты свободы индивида, основанием которой служат естественные права человека.

Впоследствии наметилась тенденция скептического отношения к понятию прогресса в истории, что, по-видимому, связано с усилением капиталистических отношений в обществе и, как результат, ростом отчуждения индивида. Такие мысли проникли и в русскую философию второй половины XIX века – времени интенсивной промышленной модернизации [2, с. 5]. Но наиболее, на наш взгляд, скептическое толкование прогресса, пропущенное сквозь призму личной оценки, изложил филолог, историк и публицист В.В. Кожин, которого, пожалуй, можно назвать представителем традиционализма. В одной из своих работ он так говорит о невозможности *онтологического* обоснования прогресса: «...крайне сомнительно само уже “выведение” бытия людей из бытия Вселенной в целом, где даже с точки зрения самих прогрессистов нет прогресса (в смысле “совершенствования”); ведь люди, в частности, представляют собой особенный – общественный, социальный – феномен, но и явление природы, элемент Вселенной в ее целом. И сегодня любому мыслящему человеку ясно, например, что колоссальный прогресс техники поставил на грань катастрофы само существование человечества... Словом, можно рассуждать о прогрессе как определенном развитии, изменении, преобразовании общества, но представление о прогрессе как о некоем принципиальном “улучшении”, “совершенствовании” и т. п. – это только миф новейшего времени – с XVI–XVII вв.» [3, с. 31]. Хотя такая точка зрения и производит впечатление обоснованной, в то же время ее можно назвать крайней степенью отрицания положительного содержания понятия прогресса. К тому же в самих рассуждениях Кожина при более внимательном прочтении можно заметить если не противоречие, то путаницу в словах. С одной стороны, он говорит, что следует понимать прогресс как

определенное развитие (правда, дефиниции этого развития, его смысловых контуров он не дает), с другой – не допускает речи о прогрессе как принципиальном развитии. Действительно, говорить о прямом продолжении объективной реальности (в данном контексте – Вселенной) в динамике исторического существования общества не приходится. В философии уже чуть ли не аксиомой стал тезис о несовпадении бытия и мышления в абсолютном смысле. Если бы это было не так, то, суть прогресса состоит в изменении никакого развития и представить себе было бы нельзя, т. к. человек в данном случае уже являлся бы обладателем абсолютного знания, что исключает всяческую оптимистическую познавательную установку. А отрицать накопление знания об окружающем мире и, соответственно, самом себе у человечества – бесперспективное занятие. Такое накопление, разумеется, требует и соответствующего времени, что и находит свое отражение в историческом процессе. Поэтому различные концепции взглядов на окружающий мир, свойственные конкретным историческим эпохам, это своеобразное последовательное проявление *возможного* содержания объективной реальности в сознании человека. Смена же одних концепций другими определяется уровнем преобразующего воздействия человека на эту самую объективную реальность, т. е. общественной практикой, а ее степень – уровнем *развития* производительных сил. Получается, что последовательность исторических эпох основывается на целенаправленной деятельности людей, ориентированной на преобразование окружающего мира, а не является прямым воспроизведением вселенских процессов в общественном сознании, свойственном конкретному историческому промежутку времени. В данном контексте мы согласны с одним из основополагающих тезисов диалектического материализма (как бы к нему ни относились многие политически ангажированные авторы) о *бесконечности человеческого познания равно практики в связи с бесконечностью самой Вселенной, возможное содержание которой отражается в сознании человека в виде своеобразных логически завершенных систем знания определенной эпохи.*

Мнение же о принципиальной невозможности развития основано на том, что смешиваются такие явления, как прогресс материально-технический (и, соответственно, познавательный) и прогресс моральный. Ведь следует признать, что *суть* понятия «прогресс» это все-таки утверждение об изменении качества какого-либо объекта или группы взаимодействующих объектов (системы) в сторону большего совершенства. Вот это-то и является ахиллесовой пятой морального благополучия общественных отношений, пожалуй, любой эпохи. Именно на этом и акцентировано внимание выше процитированного автора.

Если в качестве концептуального «каркаса» при анализе (в данном случае – критике) прогресса взять провиденциалистскую систему идей, согласно которой во всемирной истории существует заранее установленный план развития с конечной целью. Ей является моральное совершенство человека, которому уже не понадобится государственное принуждение в качестве своеобразного регулятора поведения в системе общественных отношений. Это тот общий момент, который, как ни парадоксально, принципиально связывает воедино религиозную философию истории и просвещенческий рационализм, с тем только отличием, что в первом случае рациональность обладает низкой ценностью, а завершение истории (в плане избавления человека от греховности) связано с волей трансцендентной сущности – бога; во втором – финал исторического процесса знаменуется просветлением разума человека, после чего всемирная история приобретает завершенный вид. Несмотря на противоположные мировоззренческие позиции, две эти концепции как раз сходятся во взглядах на принципиальную конечность мировой истории. Если толковать прогресс в рамках таких концепций, то пессимистичное отношение к данному понятию с точки зрения морального совершенствования человека кажется совершенно естественным. Действительно, количество противоправных деяний на сегодняшний день не снизилось, а только возросло.

Да и на обыденном уровне своего существования человеку ежедневно приходится сталкиваться с не самыми приятными с этической стороны поступками в свой адрес. Однако следует признать, что, во-первых, этикет и мораль – это не одно и то же (примерно так же обстоит дело с иррационализмом, когда его сторонники апеллируют к зыбкости, т. е. принципиальной возможности нарушения, правил в жизни человека, но вместе с тем не к нарушению объективных закономерностей, а во-вторых, исходя из фундаментальной идеи о неразрывности противоположностей, необходимо признать, что высшую ценность принципы морали приобретают только как явления, содержащие в себе свою противоположность в снятой форме. Быть моральным – значит преодолеть себя, свои эгоистические побуждения. Итак, мы пришли к выводу, что *скептическое отношение к прогрессу как ошибочному понятию связано с пониманием прогресса только как морального совершенствования человечества во всемирном историческом процессе*. При этом сам исторический процесс и процесс морального восхождения (в религиозных концепциях, основанных на авраамических религиях, ему предшествует нисхождение) отождествляются, что, на наш взгляд, является заблуждением.

Выйти из данной затруднительной познавательной ситуации можно, если проанализировать критерии прогресса. Само слово «критерий» происходит от греческого *kriterion*, что означает «признак, на основании которого производится оценка, определение или классификация чего-либо». Критерий как средство оценки применим, разумеется, и к истине, т. е. при помощи него можно удостовериться в истинности суждения либо, наоборот, опровергнуть его. Так что же может считаться средством для определения степени прогрессивности общественных отношений?

Обратим в связи с этим внимание вот на что. Вряд ли кто-то возьмется оспаривать тот факт, что рабовладельческий общественный строй, основанный на прямом физическом

принуждении, менее гуманен, чем капиталистическое общество, с характерным для него иным, более мягким принуждением, следствием которого является отчуждение человека от результатов общественного производства и, далее, от общественных отношений, что прежде всего отражено в дегуманизированной культуре современности. И вряд ли кто бы то ни было сегодня захочет вернуться в эпоху классического рабовладения. Поэтому если вести речь об общественных отношениях, а в данном контексте это мы и стараемся делать, то искомым критерий обнаруживается в социальной сущности человека. Само общество как система устойчивых отношений между людьми для обеспечения жизнедеятельности возникло на основе *фундаментального* биологического свойства человека – крайне низкой адаптивности к условиям среды обитания. Он нуждается в помощи других людей для сохранения себя в родовом смысле. Практика коллективного взаимодействия диалектически сопряжена с практикой преобразования окружающего мира. Это очень длительный процесс. Его интенсивность очерчивает границы исторического пространства, в которых происходит противоречивое взаимодействие общества и природы. Пожалуй, важнейшим фактором, определяющим динамику преобразования, является скорость обмена информацией, получаемой в результате материальной практики, но воспроизводимой в нематериальной форме – в виде знания. Разумеется, чем интенсивней практика, тем более насыщенным и многогранным является и знание, которое впоследствии необходимо также применять на практике. Поэтому обширный конгломерат эмпирических фактов человек систематизирует на основе абстрактных идей (принципов) и создает целостные теории, объясняющие смысл взаимодействия человека и природы, что делает это взаимодействие более осознанным и, соответственно, целесообразным. Вершиной таких теоретических построений являются философские системы взглядов на мир, которые наиболее целостны, т. е. представляют собой результаты теоретического осмысления

бытия с точки зрения взаимодействия материальной природы (первого и второго уровня) и человека как существа, способного осмысливать эту природу. *Востребованность таких систем обществом демонстрирует его прогрессивность.* Чем выше потребность общества в теоретических изысканиях, тем более оно прогрессивно. Соответственно, чем многочисленнее группа людей, осознанно поддерживающих порожденные общественной практикой системы мировоззренческих теорий, тем более оно прогрессивно.

Возвращаясь к искомому критерию, скажем, что преобразующая деятельность человека так или иначе приводит к его освобождению от сил природной необходимости. Достаточно посмотреть на наше современное бытовое окружение, чтобы наглядно в этом убедиться. Следовательно, критерием прогресса можно считать категории, которые характеризуют степень сплоченности общества, но такой сплоченности, которая направлена на освобождение от необходимости, прежде всего природной, довлеющей над ним. Степень независимости от природы возрастает в соответствии с ростом научно-технического знания. Отрицать это невозможно в силу очевидности данной закономерности. Вот почему человек XXI века как сын техногенной цивилизации стоит выше своего архаичного собрата. Правда, о свободе здесь следует вести речь только в относительном смысле, т. е. в сопоставлении с минувшими эпохами и свойственными им достижениями и результатами преобразующей практической деятельности, потому что абсолютного освобождения от сил природы достичь человечеству вряд ли удастся (человек по-прежнему зависит от воздуха, например, без которого не может просуществовать и нескольких минут) и целесообразно этот процесс рассматривать как бесконечную последовательность действий, приближающих определенный идеал, имманентный мировой истории.

Таким образом, степень свободы от природной необходимости – искомый (по крайней мере, один из них) критерий. Он, подобно точ-

ному прибору в лаборатории естествоиспытателя, позволяет обособить одни явления от других с точки зрения их прогрессивности. При этом свобода выступает в качестве принципа, основополагающей идеи, поэтому ее можно назвать общим критерием, а уровень развития научно-технического знания и, соответственно, средств производства, а также переработки и передачи информации – частным. В связи с этим технику следует рассматривать как средство воздействия человека на среду своего обитания в целях ее изменения. Преобразующая деятельность стимулирует и познавательный процесс, тем самым «подпитывая» науку, в которой отражается практика преобразования, но в идеальной форме. Научное знание делает практику более целенаправленной и эффективной. Не случайно классическая наука сформировалась в Новое время – эпоху бурной преобразовательной деятельности в границах европейской цивилизации, а распространению новоевропейского научного знания способствовало изобретение книгопечатания. И, действительно, технически более совершенные средства хранения и передачи информации, как мы уже отметили выше, также свидетельствуют о той или иной степени прогрессивности данного общества (немаловажным показателем здесь следует считать и степень доступности информационных потоков для отдельно взятого человека).

До сих пор мы вели речь о человеке скорее в родовом смысле, т. е. о человечестве, которое выступает источником прогресса, обладая способностью к преобразующей деятельности. Поэтому мы преднамеренно упустили человека как личность, дабы обнаружить критерий прогресса с точки зрения общего принципа. В данном случае человечество – общее, человек как индивид в биологическом смысле – особенное, а человек как личность (совокупность социальных качеств) – единичное. Между этими элементами в структуре понятия человека, безусловно, существует имманентная связь. Наиболее отчетливо она раскрывается при анализе взаимодействия человека с особым типом

объективной реальности – социальной, специфика которой заключается в том, что она рукотворна. Таким образом, взаимоотношения человека как личности и социума так или иначе приобретают форму взаимоотношений индивида и коллектива (общества в целом или конкретной его части в виде специфической и относительно независимой общественной группы). Эта взаимосвязь является довольно напряженной. С одной стороны, общество / коллективная группа навязывает человеку нормы поведения (иногда неформальные), с другой – он стремится к свободе, пытаясь выйти из рамок нормативности, которая так или иначе обезличивает его. Несмотря на социальную природу человека, в т. ч. как личности, общество представляет собой объективную по отношению к нему силу, и единство между ними имеет диалектический характер. Поэтому свобода от социальной нормативности сама собой напрашивается в качестве еще одного критерия прогресса.

В отечественной философии долгое время доминировал подход к трактовке диалектики личности и общества с точки зрения идеологизированного (догматизированного) марксизма. Это философское направление старалось преодолеть односторонность всех учений, показывая, что разрешение данного противоречия достигается в практической деятельности, что личность зависит от общества так же, как и общество зависит от творческой деятельности людей. Человек, познавая законы общества, условия своей жизни, может преобразовывать общественную среду и себя самого в активной, целенаправленной деятельности. Центральной, с точки зрения марксизма, является социальная характеристика личности: объективная – принадлежность к конкретному классу, определяющая место индивида в системе общественных отношений, и субъективная – его мировоззрение. Все верно, но, как можно заметить, место человека, согласно этой теории, в системе общественных отношений определяется классовой принадлежностью, а не мировоззренческой, что чревато абсолютизацией классового

характера личности. В свое время в Советском Союзе перепроизводство идеологии, которая ставила класс однозначно выше личности (хотя между ними диалектическое единство), привело, как нам кажется, к тому, что общество было переутомлено идеологическими штампами. Советская идеология не является в этом смысле чем-то экстраординарным с точки зрения перепроизводства и подавления личности. Схожая ситуация может просматриваться и в иных идеологических моделях, прямо противоположных коммунистическим.

Разумеется, человек формируется в обществе и под влиянием общества проявляются его способности, которые впоследствии служат своеобразным инструментом для наполнения психики индивида конкретным содержанием. Оно включает в себя знания, убеждения, интересы, ценности, профессиональные навыки, что в конечном счете становится фундаментом мировоззрения конкретной личности. Да, человек является субъектом социокультурной деятельности, но в процессе формирования собственного «Я» раскрывается его индивидуальность. Поэтому между коллективом и личностью существуют двунаправленные отношения, порождающие противоречие. В этом диалектическом единстве заключается суть соотношения человека как личности и общества. *Превалирование одной из этих противоположностей чревато разрывом между ними, утратой противоречивого единства и, соответственно, разрушением системы общественных отношений.* Поэтому, несмотря на стремление человека к свободе от социальной нормативности, он вынужден следовать нормативным предписаниям, соблюдать хотя бы элементарные правила поведения, регулирующие взаимоотношения людей в повседневной жизнедеятельности. Вместе с тем означенные предписания (прежде всего – нормы права и морали), ограничивая произвол поведения, создают простор для деятельности в рамках дозволенного. Чем шире эти рамки, тем больше свободы для формирования и деятельности личности предоставляет социальная норма поведения.

Однако на данное утверждение могут возразить указанием на высокую вероятность личного произвола, который чреват социальной энтропией. Поэтому широта нормативных рамок поведения должна быть сопряжена с идеей общего блага. Чем более распространена названная идея в обществе, чем более осознанна ее необходимость, тем более свободна личность. В связи с этим стоит вспомнить платоновскую идею идей, которая впоследствии приобрела форму трансцендентного Единого, представляющего собой основу всего сущего. Однако в неоплатонизме, который представляет собой декадентскую философию, реализация всеобщего блага (совпадение индивидуального и общего) возможна путем экстаза, т. е. в результате выхода за пределы социальных отношений посредством максимального самоуглубления. Поэтому есть резон трактовать всеобщее благо в неоплатонизме как психологическую основу бытия человека, но не как основу практико-преобразующей деятельности человека и, соответственно, общества. Если говорить об объективно существующих общественных отношениях с точки зрения их прогрессивности, то более рациональной будет трактовка всеобщего блага не как трансцендентного основания сущего, а как идеала равно цели общественно-го бытия, идеала, возможность осуществления которого и делает историческое бытие общества прогрессивным.

Итак, научно-техническое развитие, основанное на практике преобразования объективной реальности, является одним из критериев исторического прогресса, т. к. это средство достижения свободы от природной необходимости. Но процесс научно-технического развития бесконечен. Во-первых, потому что человек –

существо психобиологическое, следовательно, хотя бы на уровне телесности существует в соответствии с законами природы, которые в определенной степени, в зависимости от уровня развития цивилизации, продолжают влиять на него¹. Во-вторых, рациональные формы объяснения объективной реальности, в т. ч. социальной, носят исторический характер, т. е. представляют собой идеальные формы отражения определенных фрагментов бесконечной природы, которые в конкретный исторический период преобразованы и познаны. Различные категориально-понятийные конструкции (даже выведенные эмпирически) – это своеобразное идеальное «ограничение» бесконечной объективно существующей реальности, и, стало быть, они могут быть верифицированы в любой момент в связи с накоплением нового эмпирического материала (равно с ростом интенсивности преобразовательной деятельности). Поэтому вести речь о принципиальной достижимости абсолютного знания применительно к анализу понятия прогресса нельзя. История бесконечна, утверждения о конце истории и принципиальной невозможности дальнейшего познания преждевременны, что, кстати, признал в одной из своих последних работ известный «скандалист» Ф. Фукуяма [4].

Попробуем рассмотреть вторую сферу приложения критерия прогресса – сферу морали. В данном контексте понятие свободы приобретает смысл свободы от социальной нормативности, объективной – необходимой – по отношению к личности. По сути, это свобода поведения для реализации собственных интересов, основанных на индивидуальных способностях. Разумеется, данные интересы должны быть осознанными. Это происходит в процессе онтогенеза

---

¹Правда, в связи с развитием биотехнологий появляется возможность искусственного воспроизводства человека, обладающего более высокими адаптационными характеристиками. Однако уровень развития научного знания пока не позволяет реализовать этот проект в лабораторных условиях с полным соответствием заданному плану, т. к. велика вероятность отклонения от него. Также возникает и морально-нравственная проблема, связанная с утратой возможности самоопределения для личности в системе общественных отношений, т. к. искусственное воспроизводство чреват онтогенезом в заранее смоделированной информационной среде, которая полностью формирует личность.

(приобщения к общесоциальному опыту в ходе индивидуального становления). Чем больше возможностей общество и государство предоставляет индивиду для реализации его интересов, тем более оно прогрессивно. При этом становление человека как личности в практике социального общения не должно нарушать границ дозволенного поведения (в юридическом аспекте это запрет деяния, установленный нормой права, в моральном – достоинство другого человека как личности, за оскорблением которого следует общественное порицание).

Посмотрим на проблему морального прогресса теперь в связи с приведенным в начале статьи мнением В.В. Кожина. Как кажется, в процитированных словах речь идет вот о чем: ни раньше, ни сейчас, да и, возможно, в будущем, не наступит такого уровня прогресса, который ознаменуется полным торжеством морали. Да, такой сценарий исторического процесса утопичен, это бесспорно. Моральный облик Сократа по сравнению с многими историческими личностями современности гораздо выше. Но подобный пессимизм основан на представлении в той или иной форме о принципиальной достижимости в абсолютной цели мировой истории, т. е. ее принципиальной конечности. Постоянное столкновение добра и эгоизма (морального релятивизма, беспринципности) – неотъемлемое условие бытия человека как «общественного животного», т. к. создает возможность для осознания своей собственной моральности на основе различия добра и зла, между которыми происходит бесконечная борьба. Эту борьбу между моральным и аморальным, с нашей точки зрения, следует понимать как своеобразное опредмечивание труда человека. Без труда в моральной сфере общественных отношений ему грозит расчеловечивание, а обществу в целом – распад. В связи с этим стоит обратить внимание на то, что быть

личностью – тяжелый труд, связанный с подавлением в себе эгоизма и нацеленный на формирование самодисциплины. «Свобода, следовательно, состоит в основанной на познании необходимости природы господства над нами самими и над внешней природой; она поэтому является необходимым продуктом исторического развития» [5, с. 116]. Обратим также внимание, что законодательство современных стран предоставляет своим гражданам свободу выбора профессии, сферы приложения труда – той характеристики, которая является отличительной для человека. Поэтому современность с моральной точки зрения все же более прогрессивна, чем, например, Средневековье с его сословным правом.

Таким образом, будем считать, что в мировой истории присутствует прогресс, критерием которого следует считать свободу, во-первых, как относительную независимость от сил природы, во-вторых, как социально-нормативное основание для самовыражения человека².

На основании чего же появляется обозначенный в начале пессимизм по отношению к понятию прогресса в мировой истории? Как ни странно, на основании самого прогресса, ведь он неразрывно связан со своей противоположностью – регрессом. Прибегнем к наглядности. Вообразим окружность, разделенную на сектора, каждый из которых представляет собой участок земной поверхности, населенной разными группами людей. В определенный момент в одном секторе происходит переход от присвоения природных благ к их производству, а это, в свою очередь, приводит к усложнению структуры общества и изменению границ секторов. Территориальная и культурная «перекройка» мира сопутствует всей истории человечества и является, по сути, закономерностью развития [6, с. 53]. Параллельно с этим при условии взаимовлияния формируется духовная «оболочка» матери-

²Преодоление сословности этому, несомненно, способствует. Поэтому классовое общественное сознание более прогрессивно, но при условии несоответствия изменяющимся общественным реалиям становится тормозящим явлением, т. к. полного сведения личности к классу достичь невозможно и при отсутствии необходимости общественной мобилизации сильный акцент на классовости приводит к социальной напряженности.

альной жизни общества (мифология, религия и т. д.), внутри которой появляется иерархия ценностей, определяющих отношение человека к миру. Она включает в себя объективные и субъективные ценности. Первые – социальные нормы, вторые – индивидуальные предпочтения в рамках социальных норм. Чем больше они соответствуют друг другу, тем больше человек удовлетворен своим положением в обществе. При изменении системы объективных ценностей субъективные остаются неизменными, т. к. процесс онтогенеза необратим, и одному поколению становится трудно понимать представителей другого. Чем стремительней динамика объективных ценностей, тем ниже степень удовлетворенности человека своим положением в обществе, что может привести к культурному нигилизму [7–8] и в дальнейшем к «исторической амнезии» [9].

Так, пожалуй, выглядит механизм формирования пессимистических воззрений на прогресс. По сути дела, здесь мы наблюдаем процесс «отрыва» труда от сложившейся системы общественных отношений под влиянием внедрения научно-технических нововведений в общественное производство. Сегодняшний день, в частности, демонстрирует высокую компьютеризацию жизни (в т. ч. и образования) [10, с. 3–5], что приводит к увеличению объема, скорости потоков информации и их доступности. В связи с этим налицо путаница в смыслах, а отсюда и снижение ценности получаемой инфор-

мации, отчуждение и восприятие социальной жизни как хаоса, бессмыслицы. В подобных условиях «размываются» ориентиры для определения труда, т. к. сферы его приложения стремительно трансформируются.

Итак, мы пришли к выводу, что всемирно-исторический процесс прогрессивен. Прогресс основан на практике преобразования окружающего мира. Критерием прогресса в соответствии с философской традицией можно считать свободу, под которой следует понимать относительную независимость от природной необходимости и социальной нормативности. Прогресс бесконечен в силу бесконечности объективной реальности, поэтому абсолютная свобода недостижима, что служит основанием для бесконечности трудовой деятельности, сферой приложения которой является не только материальная практика, но и мораль. Пессимистическая оценка понятия прогресса основана на ложном понимании целевой причины всемирного исторического процесса, когда целесообразность развития, определяемая конкретно-историческими условиями эпохи, подменяется телеологичностью, представлением о всеобщей принципиально достижимой цели мировой истории. Отсутствие результатов, свидетельствующих о достижении всеобщей цели, приводит к разочарованию в прогрессе, что наиболее ярко проявляется в кризисные исторические периоды, когда резкий скачок производительных сил «размывает» иерархию объективных ценностей.

Список литературы

1. Спиноза Б. Краткий трактат о Боге, человеке и его счастье; Трактат об усовершенствовании разума; Этика. М.: Мир книги, 2007. 478, [1] с.
2. Леонтьев К.Н. Записки отшельника. М.: АСТ, 2004. 237, [2] с.
3. Кожин В.В. Россия. Век XX (1901–1939). История страны от 1901 г. до «загадочного» 1937. Опыт беспристрастного исследования. М.: Алгоритм: Крым. мост, 2001. 560 с.
4. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: [последствия биотехнологической революции]. М.: АСТ, 2008. 349 с.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Т. 20. М.: Политиздат, 1961. 827 с.
6. Емельянов В.В. Исторический прогресс и культурная память (о парадоксах идеи прогресса) // Вопр. философии. 2011. № 8. С. 46–57.

7. Гринева О.А. Необходимость нравственного прогресса в современной цивилизации // Инновации. Наука. Образование. 2022. № 50. С. 2979–2982.
8. Юльяхин М.М. Дегуманизация как оборотная сторона научно-технического прогресса // Сб. конф. НИЦ Социосфера. 2012. № 5. С. 91–94.
9. Горохов П.А., Южанина Е.Р. Влияние интернет-ресурсов на феномен исторической памяти: опыт философского исследования // Филос. и гуманитар. науки в информ. о-ве. 2022. № 1(35). С. 12–41.
10. Роберт И.В. Теория и методика информатизации образования (психолого-педагогический и технологические аспекты). М.: Бином. Лаб. знаний, 2014. 398 с.

References

1. Spinoza B. *Kratkiy traktat o Boge, cheloveke i ego schast'ye; Traktat ob usovershenstvovanii razuma; Etika* [Short Treatise on God, Man, and His Well-Being; Treatise on the Emendation of the Intellect; Ethics]. Moscow, 2007. 478 p.
2. Leont'ev K.N. *Zapiski otshel'nika* [Notes of a Hermit]. Moscow, 2004. 237 p.
3. Kozhinov V.V. *Rossiya. Vek XX (1901–1939). Istoriya strany ot 1901 g. do "zagadochnogo" 1937. Opyt bespristrastnogo issledovaniya* [Russia. 20th Century (1901–1939). History of the Country from 1901 to the "Mysterious" 1937. An Impartial Research]. Moscow, 2001. 560 p.
4. Fukuyama F. *Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnology Revolution*. London, 2002. 256 p. (Russ. ed.: Fukuyama F. *Nashe postchlovecheskoe budushchee: posledstviya biotekhnologicheskoy revolyutsii*. Moscow, 2008. 349 p.).
5. Marx K., Engels F. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 20. Moscow, 1961. 827 p.
6. Emel'yanov V.V. Istoricheskiy progress i kul'turnaya pamyat' (o paradokhsakh idei progressa) [Historical Progress and Cultural Memory (on Paradoxes of Idea of Progress)]. *Voprosy filosofii*, 2011, no. 8, pp. 46–57.
7. Grineva O.A. Neobkhodimost' нравstvennogo progressa v sovremennoy tsivilizatsii [The Need for Moral Progress in Modern Civilization]. *Innovatsii. Nauka. Obrazovanie*, 2022, no. 50, pp. 2979–2982.
8. Yul'yakhin M.M. Degumanizatsiya kak oborotnaya storona nauchno-tekhnicheskogo progressa [Dehumanization as the Flip Side of Scientific and Technological Progress]. *Sbornik konferentsiy NITs Sotsiosfera*, 2012, no. 5, pp. 91–94.
9. Gorokhov P.A., Yuzhanina E.R. Vliyaniye internet-resursov na fenomen istoricheskoy pamyati: opyt filosofskogo issledovaniya [The Influence of Internet Resources on the Phenomenon of Historical Memory: A Philosophical Study]. *Filosofskie i gumanitarnye nauki v informatsionnom obshchestve*, 2022, no. 1, pp. 12–41.
10. Robert I.V. *Teoriya i metodika informatizatsii obrazovaniya (psikhologo-pedagogicheskiy i tekhnologicheskiy aspekty)* [Theory and Methods of Informatization of Education (Psychological, Pedagogical and Technological Aspects)]. Moscow, 2014. 398 p.

DOI: 10.37482/2687-1505-V300

Konstantin A. Shpeka

Ural State Medical University;
ul. Repina 3, Yekaterinburg, 620028, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0347-3183> e-mail: kshpeka@mail.ru

PROGRESS IN WORLD HISTORY. HAS IT EVER REALLY HAPPENED?

This article studies the content of the concept of progress in connection with the emergence of negative attitudes towards it in scientific publications. The analysis is carried out by comparing progress with the concepts of evolution, practice, cognition, development and personality. The author

---

For citation: Shpeka K.A. Progress in World History. Has It Ever Really Happened? *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 5, pp. 130–140. DOI: 10.37482/2687-1505-V300

reproduces the traditional criterion of progress, i.e. freedom, but considers it in two aspects: scientific-technical and moral, basing his reasoning on the idea of the infinity of the historical process due to the infinity of practical transformative human activity. The paper clearly demonstrates progressive development of these two aspects in world history, paying attention to distinct changes in the man-made environment, and points out the existence of moral norms in various historically conditioned cultures. At the same time, the author reveals the dialectical nature of moral progress, thereby justifying the fundamental impossibility of absolute morality in history. However, this provision is interpreted here as the basis for the objectification of labour not only in material nature, but also in the sphere of morality. The struggle of good against evil is an endless exercise of labour aimed at overcoming egocentric aspirations. Further, the article identifies the reasons for the negative attitude to progress. They are seen, firstly, in the theoretical gap between the scientific-technical and moral progress in spite of their dialectical consideration and, secondly, in the unjustified application of the teleological principle to the concept of progress, this principle being in opposition to the phenomena of the scientific-technical progress and to the dialectical unity of good and evil. As a result, the author makes a conclusion about the progressiveness of world history and its immanent incompleteness and, consequently, the incompleteness of progress. This is the basis for the impossibility of absolute freedom in history.

Keywords: *progress, freedom, absoluteness, practice, pessimism, values, world history.*

Поступила 19.01.2023
Принята 10.10.2023
Опубликована 30.10.2023

Received 19 January 2023
Accepted 10 October 2023
Published 30 October 2023

НАШИ РЕЦЕНЗЕНТЫ

Аверьянов А.В., доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории XX–XXI веков Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону);

Агапов О.Д., доктор философских наук, профессор, директор Научно-исследовательского института социальной философии Казанского инновационного университета имени В.Г. Тимирязева;

Антипенко Л.Г., кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора философии естественных наук Института философии Российской академии наук (Москва);

Бакина А.Д., кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английской филологии Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева;

Боднарук Е.В., доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры немецкой и французской филологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова;

Болотова Е.В., кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры германских языков Стерлитамакского филиала Уфимского университета науки и технологий;

Варакин В.С., кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова;

Виноградов А.И., доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социальных наук Мурманского арктического университета;

Грошева В.К., кандидат юридических наук, доцент, проректор по научной работе Академии Министерства внутренних дел Донецкой Народной Республики имени Ф.Э. Дзержинского (г. Донецк);

Зайцева И.П., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой мировых языков Витебского государственного университета имени П.М. Машерова;

Зиньковская А.В., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой английской филологии Кубанского государственного университета (г. Краснодар);

Иванцов И.Г., доктор исторических наук, доцент, профессор 1 кафедры Краснодарского высшего военного орденов Жукова и Октябрьской Революции Краснознаменного училища имени генерала армии С.М. Штеменко;

Каташев М.С., кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института алтаистики им. С.С. Суразакова (Республика Алтай, г. Горно-Алтайск);

Коновалова Н.И., доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего языкознания и русского языка Уральского государственного педагогического университета (г. Екатеринбург);

Красовская Н.А., доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и литературы Тульского государственного университета им. Л.Н. Толстого;

Матасова О.В., кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Переводоведение и межкультурная коммуникация» Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю.А.;

Мезенцев С.Д., доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории и философии Национального исследовательского Московского государственного строительного университета;

Мозжилин С.И., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры теоретической и социальной философии Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского;

Рагозина Т.Э., доктор философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии Донецкого национального технического университета;

Рассказов Л.Д., кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук Красноярского государственного медицинского университета им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого;

Ржешевская А.А., кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и перевода Московского государственного лингвистического университета;

Рогожникова В.Н., кандидат философских наук, доцент кафедры философии и методологии экономики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова;

Романенко И.Б., доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург);

Рядчикова Е.Н., доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и славяно-русского языкознания Кубанского государственного университета (г. Краснодар);

Хуснутдинов А.А., доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры отечественной филологии Ивановского государственного университета;

Цубикова Л.С., кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры «Экономика, маркетинг и психология управления» Ангарского государственного технического университета;

Яковлюк А.Н., доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков Национального государственного университета физической культуры, спорта и здоровья им. П.Ф. Лесгафта (Санкт-Петербург).

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия “Гуманитарные и социальные науки”» содержит публикации по основным направлениям научно-исследовательской работы в области языкознания, философии, а также истории и археологии.

Общие требования

Тексты предоставляются в электронном виде. Для этого необходимо зайти на сайт журнала <https://vestnikgum.ru/> и, нажав на кнопку «Отправить материал», перейти на редакционно-издательскую платформу, куда можно будет после регистрации загрузить статью и сопроводительные документы. Необходимо указать отрасль науки и специальность (шифр и название), по которым выполнено научное исследование.

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением *.doc. В имени файла указываются фамилия, инициалы автора.

Параметры страницы

Формат А4. Поля: правое, левое – 25 мм, верхнее, нижнее – 20 мм.

Форматирование основного текста

Абзацный отступ – 10 мм. Межстрочный интервал – полуторный. Порядковые номера страниц проставляются по середине верхнего поля страницы арабскими цифрами.

Шрифт

Times New Roman. Размер кегля (символов) – 14 пт; аннотации, ключевых слов – 12 пт.

Объем статьи

Максимальный объем статей: 10–15 страниц, обзорных статей – до 20 страниц.

Сведения об авторе

Указываются на русском и английском языках фамилия, имя, отчество автора (полностью); ученая степень, звание, должность и место работы (кафедра, институт, университет). Общее количество научных публикаций, в т. ч. отдельно указать количество монографий, учебных пособий; рабочий адрес с почтовым индексом; тел./факсы (служебный, домашний, мобильный), e-mail.

ORCID

В сведениях об авторах также необходимо указать международный авторский идентификатор ORCID в формате интерактивной ссылки <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>. Если у автора нет номера ORCID, его необходимо получить, зарегистрировавшись на ресурсе orcid.org. В профиле обязательно должна быть указана минимальная информация: место работы, ученая степень, должность.

Индекс УДК

Располагается отдельной строкой слева перед заглавием статьи. Индекс УДК (универсальная десятичная классификация) должен соответствовать заявленной теме, проставляется научной библиотекой.

Заглавие	Помещается перед текстом статьи на русском и английском языках. Используется не более 11 слов.
Резюме	<p>Предоставляется на русском и английском языках (кроме статей в разделах «Научная жизнь» и «Критика и библиография»). Резюме должно быть:</p> <ul style="list-style-type: none"> – информативным (не содержать общих фраз); – оригинальным; – содержательным (отражать основное содержание статьи и результаты исследований); – структурированным (следовать логике описания результатов в статье); – компактным (укладываться в объем от 200 до 250 слов).
Аннотация	Авторы статей в разделах «Научная жизнь» и «Критика и библиография» предоставляют аннотацию (объем 50–100 слов).
Ключевые слова	После резюме (аннотации) указывается до 6–8 ключевых слов (словосочетаний), несущих в тексте основную смысловую нагрузку.
Примечания и комментарии	Примечания, комментарии, ссылки на нормативные акты, сайты (если это не книга, сборник, статья и т. п. в электронном виде), документальные источники, а также анализируемую литературу даются в виде подстрочных сносок (внизу страницы). Маркер сноски – арабская цифра (нумерация сквозная).
Библиографические ссылки	<p>Библиографические ссылки на использованную литературу оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 (п. 7 «Затекстовая библиографическая ссылка»).</p> <p>– Подпункт 7.4.1 – ссылка на текст. <i>Например:</i></p> <p>в тексте: Общий список справочников по терминологии, охватывающий время не позднее середины XX века, дает работа библиографа И.М. Кауфмана [59];</p> <p>в списке литературы: 59. <i>Кауфман И.М.</i> Терминологические словари: библиография. М., 1961.</p> <p>– Подпункт 7.4.2 – ссылка на фрагмент текста. <i>Например:</i></p> <p>в тексте: [10, с. 81], [10, с. 106] и т. д.;</p> <p>в списке литературы: 10. <i>Бердяев Н.А.</i> Смысл истории. М., 1990. 175 с.</p>
Рисунки, схемы, диаграммы	Принимается не более 4 рисунков (черно-белых). Рисунки, схемы, диаграммы приводятся в тексте статьи и предоставляются отдельными файлами. Схемы выполняются с использованием штриховой заливки. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах *.tiff, *.tif (Grayscale – Оттенки серого, 300 dpi). Иллюстрации должны быть четкими. В тексте статьи следует дать ссылку на конкретный рисунок, например (<i>рис. 2</i>). На рисунках должно быть минимальное количество слов и обозначений. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, подпись и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений.

Таблицы

Таблиц должно быть не более 3-х. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Все графы в таблицах должны также иметь тематические заголовки. Сокращение слов допускается только в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.12–2011 (касается русских слов), 7.11–2004 (касается слов на иностранных европейских языках). Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word и пронумерованы по порядку. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. Размерность всех физических величин следует указывать в системе единиц СИ.

- Решение о публикации статьи принимается редколлегией журнала. Электронные варианты отредактированного текста авторам не высылаются, присланные материалы не возвращаются.
- Все статьи отправляются на независимую экспертизу и публикуются только в случае положительной рецензии. Редакция оставляет за собой право производить необходимые уточнения и сокращения.
- Статьи публикуются на бесплатной основе.
- Для отправки статьи воспользуйтесь кнопкой «Отправить материал» на сайте нашего журнала <https://vestnikgum.ru/>

Тел.: (8182) 21-61-21; e-mail: vestnik_gum@narfu.ru, vestnik@narfu.ru

- Редакция принимает предварительные заявки на приобретение номеров журнала.

На электронную версию журнала можно подписаться через каталоги:

«Урал-Пресс» http://www.ural-press.ru/catalog/97209/8650495/?sphrase_id=328736

«Пресса по подписке» <https://www.akc.ru/search/>

Свободная цена.